

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

№ 2
ТОМ 13

ISSN 2413-6891

2025

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

S O C I O L O G I C H E S K A J A N A U K A
I S O C I A L ' N A J A P R A K T I K A

Рецензируемый научный журнал

Основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год;
с 2023 г. в сетевом формате

2025. Том 13, № 2

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.2

EDN: CYSEVN

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Журнал включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI
Журнал открытого доступа

Все выпуски журнала размещаются на официальном сайте:

<https://www.socnp.ru>

Редакционная коллегия

ГОРШКОВ Михаил Константинович	главный редактор, академик РАН, доктор философских наук, директор, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич	кандидат педагогических наук, доцент, директор Восточного института Бурятского государственного университета (Россия)
БАРАШ Раиса Эдуардовна	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна	кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГОФМАН Александр Бенционович	доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)
ГРИНБЕРГ Руслан Семёнович	член-корреспондент РАН, научный руководитель, Институт экономики РАН (Россия)
ДУАЙЕР Том	профессор, университет Кампинаса, член Исполкома Международной социологической ассоциации (Бразилия)
ЗУБОК Юлия Альбертовна	доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КРАВЧЕНКО Сергей Александрович	заместитель главного редактора, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО-Университет МИД РФ (Россия)
МОЗГОВАЯ Алла Викторовна	заместитель главного редактора, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
МОРГАН Джон	доктор философии, профессор, Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО Соединенного Королевства, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания)
МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ЛИ Пейлин	академик, Китайская академия общественных наук (Китай)
СМИРНОВ Александр Ильич	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна	доктор социологических наук, профессор-исследователь НИУ ВШЭ (Россия)

Editorial Board

GORSHKOV Mikhail	(Editor in Chief), Academician, Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
AKTAMOV Innocentiy	Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Director of the Oriental Institute of the Buryat State University (Russia)
BARASH Raisa	Candidate of Politology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
DWYER Tom	Professor, University of Campinas, a Board member of the International Association of a sociological (Brazil)
GOFMAN Alexander	Doctor of Sociology, Professor of Department of General Sociology of the HSE University (Russia)
GRIGOR'EVA Ksenija	Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
GRINBERG Ruslan	Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)
KONSTANTINOVSKY David	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
KRAVCHENKO Sergey	(Deputy Editor), Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Sociology MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry (Russia)
LI Pailin	Academician, Chinese Academy of Social Sciences, (China)
MORGAN John	Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK)
MOZGOVAYA Alla	(Deputy Editor), Doctor of Sociology, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
MUKOMEL Vladimir	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
SMIRNOV Alexander	Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
TIKHONOVA Natalia	Doctor of Sociology, Professor, HSE University (Russia)
ZUBOK Julia	Doctor of Sociology, Deputy Director for Research, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю: представление номера 7

АДАПТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Козырева П. М., Смирнов А. И.
Как меняют жизнь россиян чрезвычайные события:
новые вызовы и устойчивость адаптации. 9

СОЦИОЛОГИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Мещерякова Н. Н., Крыштановская О. В.
Восприятие богатства в России: стереотипы и реальность. 28

Дудин И. В.
Основные факторы острого восприятия россиянами
противоречия между богатыми и бедными в 2024 г. 45

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Тев Д. Б.
Федеральная административная элита России:
особенности воспроизводства карьерных характеристик. 67

*Башева О. А., Черникова Е. Ф., Оганнисян М. Г.,
Драндрова Е. Г., Ведунова М. В.*
Сохранение когнитивного потенциала населения
как социальная проблема и национальный вызов 90

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ

Селиверстова Н. А., Зайцева А. А.
Социокультурное воспроизводство коммуникативных
оснований сплочённости в молодёжной среде: гендерный аспект. . . . 114

CONTENT

To the reader: presentation of the issue 7

ADAPTATION PROCESSES IN MODERN RUSSIA

Kozyreva P. M., Smirnov A. I.

How emergency events change the lives of Russians:
new challenges and the stability of adaptation 9

SOCIOLOGY OF MASS CONSCIOUSNESS

Meshcheryakova N. N., Kryshchanovskaya O. V.

Perception of wealth in Russia: stereotypes and reality 28

Dudin I. V.

Key factors of Russians' acute perception of the contradiction
between rich and poor in 2024. 45

SOCIAL PROCESSES AND SOCIAL DYNAMICS

Tev D. B.

Federal administrative elite of Russia:
features of reproduction of career characteristics 67

Basheva O. A., Chernikova E. F., Ogannisyan M. G.

Drandrova E. G., Vedunova M. V.

Preservation of the population cognitive potential
as a social problem and national challenge 90

SOCIOLOGY OF YOUTH

Seliverstova N. A., Zaytseva A. A.

Sociocultural reproduction of communicative bases
of cohesion in youth environment: gender aspect 114

К ЧИТАТЕЛЮ: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА

Уважаемый читатель!

Представляем Вашему вниманию очередной номер журнала «Социологическая наука и социальная практика». Редакция надеется, что тематика статей заинтересует представителей различных научных направлений современной российской социологической науки.

В рубрике «**АДАПТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**» публикуется статья **П. М. Козыревой** и **А. И. Смирнова** «Как меняют жизнь россиян чрезвычайные события: новые вызовы и устойчивость адаптации». На основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» авторами осуществлён анализ особенностей адаптации россиян к новой социальной реальности, формирующейся под влиянием событий чрезвычайного характера. Основное внимание уделено динамическому анализу уровня и отдельных структурных параметров социального самочувствия в период распространения коронавируса COVID-19 и проведения специальной военной операции (СВО). Результаты и выводы исследования расширяют научные представления об особенностях современных адаптационных процессов.

В рубрике «**СОЦИОЛОГИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ**» читатель найдёт две статьи, посвященные анализу социального неравенства в современной России. В статье **Н. Н. Мещеряковой** и **О. В. Крыштановской** «Восприятие богатства в России: стереотипы и реальность» анализируется динамика массового сознания трёх поколений населения страны относительно представлений о богатстве в историческом и социальном контексте развития российского общества. Выводы основаны на данных качественного исследования, проведённого методом фокус-групп в 2023 году в семи городах Российской Федерации.

И. В. Дудин в статье «Основные факторы острого восприятия россиянами противоречия между богатыми и бедными в 2024 г.» показывает, что усиливает влияние на восприятие населением разрыва между богатыми и бедными сочетание двух групп факторов субъективно-мировоззренческого характера. Результаты автор основывает на данных репрезентативных общероссийских исследований ИС ФНИСЦ РАН за 2024 год с применением регрессионного анализа.

Рубрика «**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА**» представлена двумя статьями. **Д. Б. Тев** на эмпирической основе исследования биографических данных высокопоставленных федеральных чиновников 2013 и 2024 гг. представляет вниманию научного сообщества статью «Федеральная

административная элита России: особенности воспроизводства карьерных характеристик». Анализ позволяет автору выявить ряд тенденций, которые преимущественно связаны с постепенным выхождением из элиты кадров, впервые занявших видные административные посты в конце 1990-х – первой половине 2000-х гг., отчасти – с переменами в политико-экономическом контексте, вызванными СВО и санкциями против России.

Статья коллектива авторов «Сохранение когнитивного потенциала населения как социальная проблема и национальный вызов» (**О. А. Башева, Е. Ф. Черникова, М. Г. Оганнисян, Е. Г. Драндрова, М. В. Ведунова**) представляет собой продуктивный результат междисциплинарного сотрудничества исследователей гуманитарного и естественно-научного профиля. В центре внимания авторов один из фундаментальных социальных процессов, обусловленных всемирным демографическим переходом: увеличение числа пожилых людей с признаками возрастных изменений и даже хроническими неврологическими заболеваниями. Подобные патологии относятся к социальным, так как оказывают глубокое влияние на когнитивные функции и физические способности значительной части населения, более того они имеют длительную доклиническую фазу. В связи с этим формируется общественный запрос на реализацию профилактических мер для групп высокого риска и населения в целом, что может снизить бремя неврологических заболеваний, несущее серьёзную угрозу для системы здравоохранения. В представленной вниманию читателей статье коллектив авторов сосредоточился на актуализации социальных последствий проблемы когнитивного старения населения России и рассмотрел возможные варианты её решения на примере успешных практик в мире и собственных разработок.

Рубрика **«СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ»** представлена объёмной статьёй **Н. А. Селиверстовой** и **А. А. Зайцевой** «Социокультурное воспроизводство коммуникативных оснований сплочённости в молодёжной среде: гендерный аспект». Авторы представляют основательную методологическую основу своего исследования, а также методическое обеспечение сбора, анализа и интерпретации данных. Эмпирической базой анализа являются данные онлайн-опроса (Google Forms), проведённого в октябре 2021 – марте 2022 гг. Возраст респондентов – от 15 до 29 лет. Объём выборки – 2 492 респондента. Для отбора респондентов были рассчитаны квоты по полу, возрасту и типу поселения, репрезентирующие российскую молодёжь с учётом региональных особенностей. На основе трёхмерного анализа данных с применением статистики χ^2 установлены наиболее значимые регуляторы воспроизводства коммуникативных оснований сплочённости в гендерных группах.

Материалы второго номера журнала содержат данные и выводы с переднего края науки, надеемся, что публикации найдут своего заинтересованного читателя и будут полезны для развития исследовательских направлений современной социологии.

Редакция журнала

УДК 316.4

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.2.1

EDN: NVQFNK

Научная статья

КАК МЕНЯЮТ ЖИЗНЬ РОССИЯН ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СОБЫТИЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УСТОЙЧИВОСТЬ АДАПТАЦИИ

Полина Михайловна Козырева¹

Александр Ильич Смирнов²

^{1,2} Институт социологии ФНИСЦ РАН,

¹ Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия,

¹ pkozyreva@isras.ru,

ORCID 0000-0002-3034-8521

² smir_al@bk.ru,

ORCID 0000-0001-7078-6203

Для цитирования: Козырева П. М., Смирнов А. И. Как меняют жизнь россиян чрезвычайные события: новые вызовы и устойчивость адаптации // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 2. С. 9–27. DOI 10.19181/snsp.2025.13.2.1. EDN NVQFNK.

Аннотация. На основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» осуществлён анализ особенностей адаптации россиян к новой социальной реальности, формирующейся под влиянием событий чрезвычайного характера. Основное внимание уделено динамическому анализу уровня и отдельных структурных параметров социального самочувствия в период распространения коронавируса COVID-19 и проведения специальной военной операции (СВО), который помогает расширить представление об особенностях современных адаптационных процессов. В качестве важнейшей детерминанты, обуславливающей достижение конкретного уровня адаптированности, рассматривается наличие или отсутствие затруднений определённой сложности, возникающих в ходе адаптации. Исследование выявило высокий уровень адаптированности россиян к новой реальности. Этот эффект был достигнут за счёт быстрых темпов развития приспособительных процессов, что свидетельствует о достаточно высокой устойчивости адаптации российских граждан к чрезвычайным событиям. К концу 2023 года большинство респондентов сохранили свой жизненный уклад или вернулись к привычному образу жизни, тогда как непосредственно в адаптации к изменениям, обусловленным чрезвычайными событиями, только у одного из пяти опрошенных присутствовали серьёзные препятствия, которые преодолевались с огромным трудом. Несмотря на остроту проблем, зафиксирован хорошо заметный

© Козырева П. М., 2025

© Смирнов А. И., 2025

рост удовлетворённости респондентов своей жизнью и оптимистических ожиданий относительно своего личного и семейного будущего. Но при этом значительная часть россиян была подвержена тревожным настроениям, вызванным угрозами военного и террористического характера. Это чувство тревоги было связано, но очень слабо, с удовлетворённостью россиян своей жизнью в целом и её материальной стороной. Выявлен рост обобщённого (генерализованного) доверия, являющийся важнейшим показателем усиления консолидации российского общества, укрепления гражданской и национальной идентичности в качестве ответа на новые вызовы чрезвычайного характера.

Ключевые слова: обобщённое доверие, кризис, неопределённость, пандемия коронавируса, социальная адаптация, социальное самочувствие, специальная военная операция

Благодарности: в статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

Последние годы стали для россиян периодом тяжёлых испытаний, с которыми большинство граждан не сталкивались никогда ранее. Эти испытания были вызваны такими разными по генезису и своей сути, но схожими по остроте и глубине чрезвычайными событиями, выходящими за рамки обычного человеческого опыта, как пандемия коронавируса COVID-19 и проведение СВО. Подобные беспрецедентные события, формирующие новую травмирующую реальность, в силу своей необычности, непредсказуемости и остроты, оказываются особенно серьёзными и опасными. Уникальные по своему характеру и масштабам, новые вызовы запускают «разнонаправленные социальные изменения», затрагивающие практически все группы и слои населения» [1, с. 154].

Известный социолог Ю. В. Латов рассматривает современную ситуацию в России как очередную «эпоху перемен», которая запустила новый цикл реагирования общества на чрезвычайные обстоятельства, связанные с обострением беспрецедентных вызовов и угроз. Речь идёт прежде всего об изменении социального самочувствия как эмоционально-рационального восприятия гражданами происходящих в обществе процессов [2]. В связи с этим особый интерес вызывает поиск ответов на вопросы о том, каковы последствия таких перемен для населения и насколько быстро люди приспосабливаются к ним, учитывая, что важнейшими событиями современной истории, оказавшими колоссальное влияние на жизнь россиян, стали пандемия коронавируса COVID-19 и СВО.

Военная операция существенно изменила жизнь и настроения большей части населения страны. Это в первую очередь относится к семьям и родственникам военнослужащих, участвующих в боевых действиях, но в то же время очень многие россияне столкнулись с новой реальностью на производственном, бытовом уровнях или, по крайней мере, на уровне осмысления и осознания происходящих событий. При этом немаловажное значение имело то, что приспособливаться к новой ситуации пришлось людям, которые ещё толком

не отошли от изнуряющей борьбы с чрезвычайными угрозами и опасностями, которые свалились на них в период эпидемии коронавирусной инфекции. Неожиданная атака коронавируса хотя и была уже отражена, его последствия не прошли бесследно для общества.

В условиях распространения эпидемии коронавируса, особенно на первых этапах развития событий, людям приходилось выдерживать колоссальные психологические нагрузки [3; 4; 5; 6], крайне острый характер приобрела проблема одиночества, участились случаи тревожных расстройств, обострения различных страхов и фобий, появления новых фрустраций [7]. Довольно чётко обозначились группы людей, заражённые социальной апатией, сопровождающейся снижением интереса к происходящим событиям, безразличием и равнодушием к общественной жизни, потерей смысла жизни и угнетённым психоэмоциональным фоном. Состояние, которое люди переживали в этот период, в полной мере можно отнести к «травматическому кризису», вызванному «экстремальной ситуацией, имеющей серьёзные негативные последствия для здоровой жизнедеятельности» [8, с. 57]. Повышенная тревожность была характерна для общества и непосредственно после начала СВО. В этот период удовлетворительное состояние национальных материальных ресурсов сочеталось с очень тревожным состоянием ресурсов нематериальных (прежде всего – национального психологического капитала), которое не позволяло говорить о социально-экономическом благополучии россиян [9].

Вместе с тем исследования показали, что если пандемия коронавируса, из-за введения жёстких изоляционных мер, обусловила существенные ограничения экономической и социальной активности людей [10; 11; 12, с. 103], то после начала СВО россияне стали гораздо чаще прибегать к проактивным практикам, связанным с поиском дополнительных ресурсов [13]. Травмирующий опыт рассматриваемых событий, провоцируя рост тревожности, негативных психологических эффектов, оказывая влияние на самочувствие граждан, в то же время запустил механизмы мобилизации ресурсов, обеспечивающие адаптацию к новой реальности. Как показали исследования, несмотря на давление пугающей неопределённости и нестабильности, большинство россиян стали с той или иной степенью активности приспосабливать повседневные практики к изменившимся условиям жизни [14; 15].

Методика исследования

Целью данного исследования стало выявление особенностей адаптации россиян к новой социальной реальности, порождённой последовавшими друг за другом такими чрезвычайными травмирующими событиями, как пандемия коронавируса COVID-19 и проведение СВО. Основное внимание сосредоточено на изучении последствий этих чрезвычайных событий для населения и динамическом анализе основных характеристик социального самочувствия, раскрывающих направленность и глубину изменения социальных настроений россиян.

Социальная адаптация трактуется как процесс и результат приспособительного взаимодействия, в ходе которого происходит освоение личностью или группой социальной среды, когда не только субъект изменяется под воздействием среды, но и среда может меняться под воздействием субъекта. В качестве важнейшего критерия, позволяющего судить о достигнутом уровне адаптации к меняющимся условиям жизнедеятельности, наряду с поведенческими критериями, характеризующими степень освоения новых поведенческих стандартов, рассматривается социальное самочувствие. Исходя из социологической традиции, социальное самочувствие предстаёт как интегральный показатель, который характеризует общее внутреннее состояние субъекта, формирующееся в повседневной жизни и включающее его отношение к окружающей действительности, оценку степени удовлетворённости жизнью в целом и отдельными её сторонами, условий жизнедеятельности и жизненных перспектив, своего положения в обществе, эмоционального комфорта [16, с. 40; 17, с. 23].

Поскольку само понятие адаптация осмысливается во временном контексте, обращается внимание на темпы адаптационных процессов, которые позволяют судить об устойчивости адаптации россиян к чрезвычайным событиям. Опираясь на общие принципы теории систем, можно констатировать, что устойчивость адаптации, как и любой системы социальных взаимодействий [18, с. 77], предполагает её способность возвращаться в прежнее состояние после того, как она подверглась каким-либо воздействиям или возмущениям (внутренним и/или внешним), которые поколебали систему.

Для достижения цели исследования осуществлён сравнительный анализ данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», представляющего собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов¹. Анализ основывается на данных 23–32-й волн мониторинга (2014–2023 гг.). Опросы проводились осенью каждого года, т. е. были равноудалены от начала чрезвычайных травмирующих событий – пандемии коронавируса (март 2020 г.) и СВО (февраль 2022 г.). Объектом исследования являлись взрослые россияне в возрасте 14 лет и старше. Респонденты последовательно оценивали изменения в своей жизни, которые произошли после начала эпидемии коронавируса (в 2020 и 2021 гг.) и СВО (в 2022 и 2023 гг.).

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.crc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

Результаты исследования

Одной из важных особенностей адаптации человека к событиям, носящим чрезвычайный характер, является то, что такие события сопровождаются возникновением и обострением кризисных явлений в различных сферах жизни, создающих дополнительные адаптационные трудности. В процессе адаптации к подобным ситуациям людям приходится, реализуя актуализированные потребности, решать множество конкретных проблем разной сложности. В динамично изменяющихся условиях ожидаемо усиливаются тенденции, характеризующиеся повышением интенсивности адаптационных процессов.

Трудности адаптации к чрезвычайным событиям. Очевидно, что люди по-разному воспринимают те или иные чрезвычайные события и неодинаково реагируют на них. Недостаточность имеющихся у человека ресурсов для преодоления возникающих барьеров является причиной определённых адаптационных затруднений. Это хорошо видно из данных, представленных в таблице 1, которые демонстрируют распределение респондентов в зависимости от достигнутого к концу года уровня адаптированности к ситуациям, вызванным распространением коронавируса и проведением СВО.

Таблица 1

Оценка респондентами изменений в своей жизни после начала эпидемии коронавируса и специальной военной операции, 2020–2023 гг., %

Оценка изменений в жизни	2020 (COVID-19)	2021 (COVID-19)	2022 (СВО)	2023 (СВО)
Никак не могут справиться с новой ситуацией и возникшими трудностями	3,5	2,7	3,8	2,0
Очень трудно привыкали к изменениям	18,2	12,8	13,5	8,3
Многое пришлось изменить в жизни, но в целом уже приспособились	24,1	34,3	7,6	8,2
Живут как и раньше, ничего особенно не изменилось	51,7	48,0	71,9	78,6
Получилось использовать новую ситуацию, чтобы улучшить свою жизнь, добиться большего	1,1	0,9	0,3	0,4
Затруднились ответить	1,4	1,3	2,9	2,5

Наиболее представительными оказались группы респондентов, находящихся на «достаточном» уровне адаптированности, для которых ничего особенно не изменилось, а некоторым удалось даже использовать новую ситуацию, чтобы улучшить свою жизнь. Уже через полгода после начала пандемии коронавируса они составляли около половины всех респондентов, а через полгода после начала СВО – почти три четверти. Отсутствие острой необходимости приспособиваться к происходящим переменам обеспечивает им по крайней мере сохранение достигнутого ранее уровня и качества жизни. Но при этом у части представителей данной группы наблюдаются некоторая неадекватность

самоконтроля и самооценки, стремление ничего не менять, сохранять устойчиво неизменным уровень своих притязаний.

Гораздо менее весомыми были группы респондентов, достигших «умеренного» уровня адаптированности, – через полгода в целом они уже приспособились к конкретной ситуации, но для этого им пришлось многое изменить в своей жизни. Как бы ни были опасны чрезвычайные события, за анализируемые годы эпидемии коронавируса доля таких респондентов увеличилась с 24,1 до 34,3%, в то время как за годы СВО – с 7,6 до 8,2%. Непосредственное столкновение с событиями чрезвычайного характера было связано у них с преодолением достаточно серьёзных препятствий, актуализацией личностно-профессиональных, семейных, социальных и других особенностей жизни и труда человека.

И наконец, наименее значимыми по численности оказались группы респондентов, пребывающих на «минимальном» адаптивном уровне, которые с большим трудом привыкают к изменениям или никак не могут справиться с новой ситуацией. Доля таких респондентов за годы пандемии коронавируса сократилась с 21,7 до 15,5%, тогда как за следующие два года СВО – с 17,3 до 10,3%. Эти люди составляют наиболее чувствительную категорию граждан, переживающих серьёзные адаптационные затруднения. Среди них доля лиц, в большей или меньшей степени удовлетворённых своей жизнью, на треть меньше, чем среди находящихся на достаточном уровне адаптированности (2020 г.: 39,8% против 55,8%; 2023 г.: 43,9% против 57,3%). Но в то же время их оценки собственных адаптационных возможностей мало отличаются от оценок других людей. В конце 2023 года 55% минимально адаптированных респондентов ответили, что сами могут что-то изменить в своей жизни к лучшему, добиться большего, тогда как только 30,7% выразили противоположное мнение, ощущая себя заложниками сложившихся обстоятельств.

Обращает на себя внимание тот факт, что мужчины и женщины, по-разному переживающие события, связанные с СВО, практически одинаково оценивают изменения в своей жизни после её начала. При этом влияние возраста заметно только у молодых женщин в возрасте до 30 лет. Среди них почти вдвое меньше, чем среди женщин более старшего возраста, респондентов, находящихся на минимально адаптивном уровне (в 2023 году 6,8% против 12,7%), но несколько больше тех, кто находится на достаточном уровне адаптированности (87% против 78,2% соответственно).

Данные, приведённые в таблице 2, показывают, что такие чрезвычайные события, как СВО, непосредственно затрагивают не всех граждан и в большей степени влияют на их психологическое состояние, чем на индивидуальные поведенческие аспекты. При этом респонденты, находящиеся на минимальном и умеренном уровнях адаптированности, гораздо чаще встречались с различными жизненными трудностями после начала СВО, чем находящиеся на достаточном уровне.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Можете ли Вы сказать, что после февраля 2022 года..?», 2022–2023 гг., %

Варианты ответов	2022				2023			
	В целом	В т. ч. по уровню адаптированности			В целом	В т. ч. по уровню адаптированности		
		Достаточный	Умеренный	Минимальный		Достаточный	Умеренный	Минимальный
Пришлось экономить на продуктах питания	26,4	20,8	45,9	42,4	25,2	21,0	41,6	45,3
Не смогли купить нужные лекарства	7,7	5,0	12,5	17,2	8,5	6,2	11,7	23,9
Пришлось оказаться от запланированной покупки недвижимости или машины	7,4	4,6	17,0	15,3	8,7	6,2	19,8	19,9
Пришлось оказаться от запланированной покупки бытовой техники, электроники	10,8	7,3	21,6	20,7	11,6	8,8	20,2	26,6
Начали пить или стали больше пить алкоголя	1,3	0,5	2,3	4,2	1,3	0,7	2,0	5,4
Стали реже ходить в кино, театр и т. п.	12,3	9,0	22,3	23,0	13,7	11,1	21,8	28,1
Появилось чувство тревоги	49,4	40,9	67,7	78,4	39,6	34,2	55,8	69,8
Не смогли выплатить взнос за кредит	1,1	0,7	1,7	2,0	1,2	0,7	2,0	4,1
Не смогли поехать отдохнуть	13,8	9,6	26,3	27,2	13,3	9,8	25,8	30,2
Сбережения или активы оказались «замороженными»	1,0	0,3	1,0	3,9	0,7	0,6	1,3	1,4

Как показывает опыт, россиянам не характерны затяжные депрессивные перепады социальных настроений [19, с. 12], но в то же время наблюдаются всплески тревожности, спровоцированные разными, в том числе экстремальными событиями. Согласно данным RLMS-HSE, весной 2020 г. – в наиболее сложный период пандемии коронавируса, сопровождавшейся приостановкой функционирования значительной части экономики и введением на территории регионов режима самоизоляции, у 29,1% респондентов возникло чувство тревоги и ещё у 9,8% появилась депрессия, 29,2% опрошенных остро ощущали

недостаток общения, 14% – ухудшение самочувствия в связи с невозможностью прогулок и занятий спортом.

Не менее серьёзным испытанием для россиян стали события, связанные с СВО, которые явились сильнейшим фактором дестабилизации не только социально-экономического, но и психологического состояния общества. Как следует из таблицы 2, после начала СВО у половины россиян появилось чувство тревоги, которое у очень многих сохранилось и в следующем году. Причём это чувство в большей степени было характерно для женщин (в 2023 г. 44,1% против 33,2% у мужчин). Более высокий уровень тревожности у женщин встречается во всех возрастных когортах, но чаще всего в возрасте старше 45 лет, когда это отличие от мужчин достигает 16 процентных пунктов. Подобные различия во многом объясняются тем, что «военный фактор» создаёт в жизненном пространстве женщины «двойное эмоциональное напряжение», когда «к переживанию за собственную жизнь присоединяется переживание за жизнь близкого мужчины и детей» [20, с. 90]. Обращает на себя внимание и то, что если у молодых женщин в возрасте до 30 лет чувство тревоги в связи с проведением СВО встречается заметно реже, чем в более старшем возрасте (в 2023 г. 32,9% против 48,1%), то у мужчин это отличие практически отсутствует.

Динамика удовлетворённости жизнью. Возросшая тревожность, отражающая предпосылки определённой напряжённости в обществе, не привела к снижению уровня удовлетворённости жизнью. Наоборот, в конце 2023 г. на фоне достаточно высокого градуса тревожности был отмечен рост уровня удовлетворённости россиян своей жизнью – одного из базовых показателей социального самочувствия. Доля респондентов, полностью или скорее довольных своей жизнью в целом, после сравнительно длительного периода определённой стабилизации выросла с 51,9% в 2022 году до 54,5% в 2023 году (рис. 1).

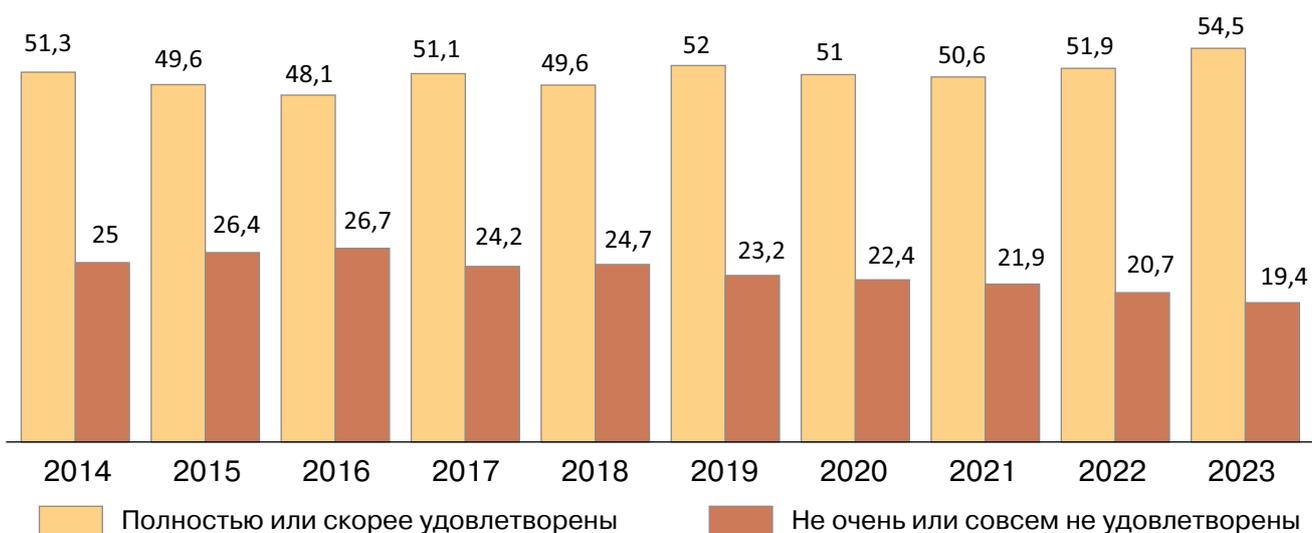

Рис. 1. Динамика удовлетворённости своей жизнью в целом, 2014–2023 гг., %

Примечание. Не указаны данные по позициям «и да, и нет», «затрудняюсь ответить».

Не стало также меньше людей, считающих себя счастливыми. В предпандемийном 2019 году 48,9% респондентов относили себя к очень счастливым или довольно счастливым людям и ещё 35,1% считали, что они скорее счастливы, чем несчастливы. В 2022 году таких стало 44,8 и 39,8% соответственно, а в 2023 году – 47 и 37,4%. Следовательно, такие показатели социального самочувствия, как удовлетворённость жизнью и ощущение счастья, оказались менее чувствительны к текущим изменениям, вызванным СВО, чем чувство тревоги и беспокойства.

Из таблицы 3 видно, что среди тех, кто испытывал тревогу в связи с проведением СВО, доля респондентов, полностью или скорее удовлетворённых своей жизнью в целом, была более чем вдвое выше, чем доля не очень или совсем не удовлетворённых. Корреляционный анализ выявил значимую, но очень слабую связь между ощущением тревоги (1 – «да»; 2 – «нет») и удовлетворённостью жизнью (от 1 – «совсем не удовлетворены» до 5 – «полностью удовлетворены»). В большинстве случаев тревога, вызванная чрезвычайными событиями, стала причиной определённого беспокойства, но не переросла в перманентную разрушительную нервозность, серьёзные депрессивные состояния, приступы паники, связанные с ощущением приближающейся катастрофы.

Таблица 3

Взаимосвязь чувства тревоги, появившегося после начала СВО, и удовлетворённости жизнью в целом и материальным положением, 2022–2023 гг.

Год	Появилось чувство тревоги			Не появилось чувство тревоги			Rrb, P*
	Удовлетворены	И да, и нет	Не удовлетворены	Удовлетворены	И да, и нет	Не удовлетворены	
<i>Удовлетворённость своей жизнью в целом, %</i>							
2022	48,9	27,3	23,8	56,2	25,9	17,9	Rrb = 0,090; P < 0,001
2023	50,5	27,0	22,5	58,7	23,9	17,4	Rrb = 0,101; P < 0,001
<i>Удовлетворённость своим материальным положением, %</i>							
2022	19,9	25,0	55,1	27,6	27,5	44,9	Rrb = 0,121; P < 0,001
2023	18,6	25,9	55,5	29,4	26,9	43,7	Rrb = 0,156; P < 0,001

* Уровень значимости вычислен с использованием критерия U Манна–Уитни и T-критерия Стьюдента по каждому году.

Поскольку динамика социального самочувствия населения в немалой степени определяется направленностью и глубиной изменения условий жизнедеятельности граждан, этот рост удовлетворённости жизнью можно объяснить соответствующей реакцией респондентов на важные события, меняющие их жизнь, которая формировалась с оглядкой на изменения ситуации в стране

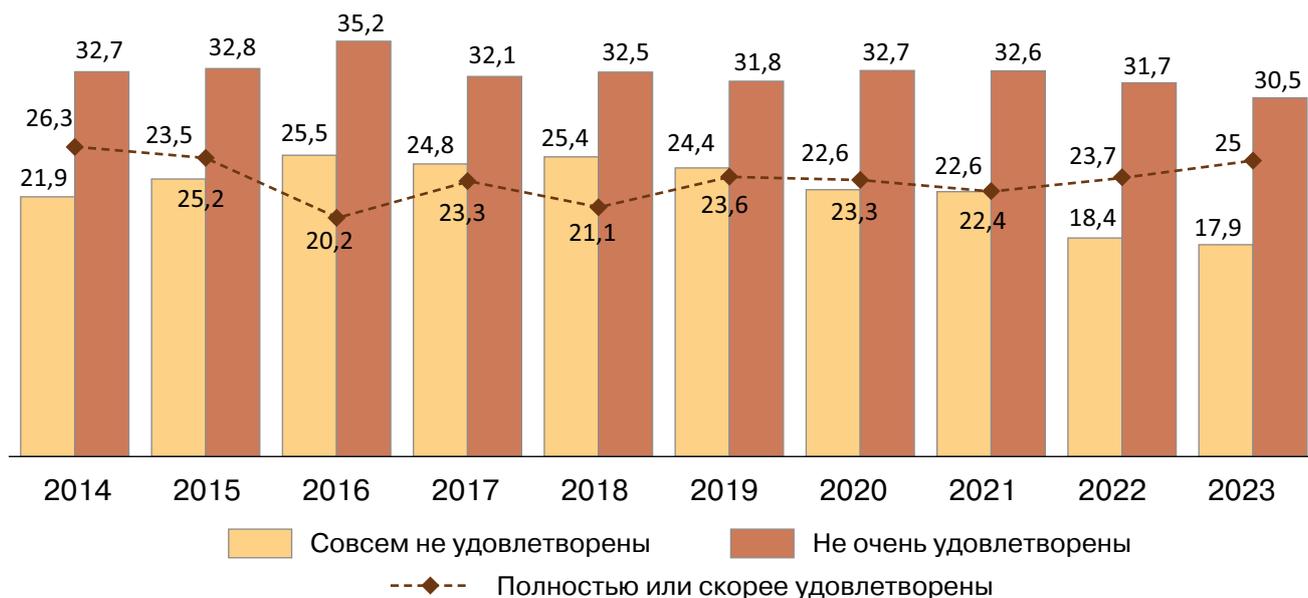

Рис. 2. Динамика удовлетворённости респондентов своим материальным положением, 2014–2023 гг., %

Примечание. Не указаны данные по позициям «и да, и нет», «затрудняюсь ответить».

и в мире. Для многих россиян СВО стала не только источником новых тревог и переживаний, но и стимулом, побуждающим к использованию активных адаптационных практик, инициативному и ответственному поведению.

Вместе с тем, принимая во внимание важность материального аспекта для формирования социального самочувствия, следует особо отметить, что рост социального оптимизма в немалой степени был связан с повышением удовлетворённости российских граждан материальной стороной своей жизни. Если в 2019–2021 гг. доля респондентов, в той или иной мере не удовлетворённых своим материальным положением, составляла около 55–56%, то к концу 2023 г. она сократилась до 48,4% (рис. 2). При этом дальнейший анализ показал, что доля респондентов, которые заметили ухудшение материального положения своих семей, в пандемийном 2020 году по сравнению с 2019 годом выросла с 21,3 до 28,8%, но уже в 2021 году сократилась до 24,3%, а в 2023 году – до минимальных 19,6%.

Немного улучшились и ожидания россиян относительно своего материального состояния в ближайшем будущем. Доля респондентов, которых очень или немного беспокоит отсутствие возможности обеспечивать себя самым необходимым в течение следующих 12 месяцев, увеличилась с 64,5% в 2019 году до 66% в 2020 году, но затем начала сокращаться, снизившись до 61,3% в 2023 году. При этом постоянно около половины россиян, оценивая жизненные и семейные перспективы, полагали, что в течение ближайшего года в их жизни практически ничего не изменится, и ещё каждый пятый не мог определиться с ответом на этот вопрос.

Эти перемены в настроениях поддерживались существенным ростом реальных доходов населения, главным образом за счёт повышения заработных

плат в условиях дефицита кадров и выплат участникам спецоперации, что нивелировало высокие темпы инфляции в стране, а также за счёт увеличения размера пенсий и социальных пособий в связи с необходимостью повышения поддержки отдельных групп населения, испытывающих большие трудности [21]. Результатом роста реальных доходов стало увеличение числа граждан, придерживающихся финансовой стратегии «больше тратить», и сокращение числа предпочитающих экономить. По данным Росстата, в начале 2024 г. потребительские настроения в России достигли максимально благоприятного уровня за последние десять лет. В мае 2024 г. Россия вошла в первую пятёрку рейтинга европейских стран по уровню потребительской уверенности впервые за всё время наблюдений [22]. Отмеченные изменения, наблюдавшиеся на фоне снижения уровня экономической нестабильности и неопределённости, позволили даже говорить о завершении так называемого «потерянного десятилетия» и формировании новой посткризисной реальности.

Таким образом, ухудшение некоторых показателей, характеризующих социальное самочувствие непосредственно после начала чрезвычайного события и довольно быстрый возврат в прежнее состояние или достижение более высоких результатов после включения механизмов социального приспособления, являются одними из наиболее убедительных признаков устойчивости адаптационных процессов. Если ситуация, вызванная чрезвычайным событием, сохраняется длительное время, первоначальная реакция, характеризующаяся снижением социального самочувствия, не длится столь же долго. При этом немаловажную роль играет повышение порога восприятия трудностей.

После преодоления большого количества потрясений, с которыми людям пришлось столкнуться в постсоветский период, у немалой части россиян выработался определённый «иммунитет» к накопившимся угрозам и опасностям, стало наблюдаться ослабление «чувствительности» в восприятии кризисной действительности, облегчающее переживания при столкновении с теми или иными преградами и помехами в повседневной жизни. Ослабление такой чувствительности сходно механизму так называемой «сенсорной адаптации» (sensory adaptation), представляющей собой изменение чувствительности сенсорных систем под воздействием какого-либо раздражителя. Её наиболее распространёнными проявлениями являются ослабление или полное исчезновение ощущения в процессе продолжительного действия постоянного раздражителя, ухудшение способности ощущать слабые раздражители и, следовательно, повышение нижнего абсолютного порога под влиянием действия сильного раздражителя [23, с. 22–23].

Консолидация общества и динамика обобщённого доверия. На почве обострения драматических событий и необходимости противостояния политическому и санкционному давлению западных стран произошло сплочение и единение российского общества. Необходимость противодействия таким угрозам явилась мощным фактором, способствующим подавлению тревожно-депрессивных настроений и усилению консолидации общества в качестве

ответа на новые вызовы. С одной стороны, чрезвычайные события послужили мощным импульсом для подъёма уровня гражданской идентичности, являющейся важнейшим ресурсом сплочённости и устойчивости российского общества. С другой стороны, очень чётко обозначилась консолидация общества по ключевым вопросам настоящего и будущего страны [24, с. 731].

Осознание необходимости объединения усилий граждан для достижения цели спецоперации вызвало рост гражданского самосознания, повышение социальной активности граждан, их вовлечённости в решение наиболее актуальных задач. Добровольческая помощь нуждающимся во время пандемии, а затем и участникам спецоперации, их семьям, жителям новых территорий, пострадавшим во время боевых действий, самоорганизация населения для поддержки инициатив превратились в массовое движение, объединяющее большое число неравнодушных людей. Эта деятельность включает широкий спектр различных форм взаимопомощи и самопомощи, других форм гражданского участия, осуществляемого на добровольной основе безвозмездно в свободное время.

Одним из показателей усиления консолидирующего тренда является рост обобщённого (генерализованного) доверия, которое характеризует уровень доверия по отношению к людям вообще, т. е. не к «своим» или «чужим», а к незнакомым людям, не являющимся родственниками, друзьями, знакомыми, коллегами, сослуживцами, соседями и т. п. Причём этот рост особенно чётко прослеживается после 2019 года, когда россияне столкнулись с беспрецедентными вызовами, потребовавшими единства и сплочённости общества, объединения усилий граждан для противостояния возникшим угрозам (рис. 3).

О росте обобщённого доверия позволяет судить существенное сокращение доли респондентов, полагающих, что с людьми всегда нужно быть осторожными, и увеличение доли лиц, придерживающихся наиболее рационального мнения, заключающегося в том, что доверять или не доверять другим людям

Рис. 3. Динамика уровня доверия другим людям, 2016–2023 гг., %

необходимо в зависимости от оценки качеств конкретного человека или складывающихся условий. Подобные тенденции свидетельствуют об усилении рационального начала во взаимоотношениях между людьми, которое предполагает осмысленность, определённую обоснованность поведения с опорой на знания и накопленный опыт. Здесь уместно вспомнить предупреждение П. А. Сорокина, который полагал, что не следует доверять ни слишком увлекающимся грёзами оптимистам, ни впадающим в другую крайность пессимистам [25, с. 514–515].

Результаты корреляционного анализа не дают оснований полагать, что склонность доверять другим людям более уязвима к чрезвычайным событиям, чем склонность к недоверию. Так, анализ выявил в обоих случаях значимую, но очень слабую двухстороннюю связь между оценками респондентами изменений в своей жизни после начала эпидемии коронавируса и специальной военной операции, с одной стороны, и удовлетворённостью своей жизнью – с другой стороны. В 2020 году коэффициент корреляции Спирмена, характеризующий рассматриваемую связь, составил 0,101 и 0,112 соответственно при $p < 0,01$. Эти результаты, однако, не стоит воспринимать как окончательные, поскольку они основаны на данных, относящихся к ограниченному числу показателей.

В заключение необходимо отметить, что резкий рост тревожности в обществе после появления чрезвычайного события следует воспринимать как нормальную реакцию людей на внезапно возникшую угрозу безопасности, вызывающую появление рисков для существования и развития личности, общества или государства. Возросший уровень тревожности в свою очередь выступает мобилизующим фактором, способствующим концентрации усилий граждан для преодоления возникающих опасностей. При этом усиление консолидирующих тенденций, как правило, сопровождается массовым подъёмом индивидуальных инициатив и самодеятельности, требующих развития и поддержки со стороны государства и массовых общественных объединений.

Выводы

К концу 2023 г. россияне в основном отошли от шоков 2020–2022 гг. и адаптировались к новой реальности, меняющейся под влиянием чрезвычайных событий. Только один из десяти опрошенных находился на минимально адаптивном уровне, с большим трудом привыкая к изменениям или пасуя перед трудностями, и ещё каждый десятый пребывал на умеренном уровне, характеризующемся преобладанием позитивных адаптационных результатов, достигнутых благодаря чрезмерному напряжению сил. При этом значительное большинство респондентов находилось на достаточном уровне адаптированности, не требующем приложения каких-либо дополнительных усилий. Такое состояние отчасти является результатом привыкания к новой действительности, предполагающего ослабление чувствительности в восприятии угроз, возникающих в процессе продолжительной череды чрезвычайных событий. Данные мониторинга, полученные через полгода после начала пандемии коронавируса и СВО, уже не выявили

значительных отличий в показателях социального самочувствия по сравнению с прошлогодними данными. Но в конце 2023 г. было отмечено довольно заметное повышение позитивных оценок и прогнозов, свидетельствующих об улучшении социального самочувствия россиян в условиях непрекращающейся турбулентности внешней и внутренней среды. Всё это позволяет сделать вывод о довольно высокой устойчивости адаптационных процессов в российском обществе. Значительное влияние на динамику социального самочувствия населения оказывали изменения, происходящие в стране и в мире, которые влияют на развитие ощущения опасности и чувства защищённости. Выявлен существенный рост обобщённого доверия как одного из наиболее весомых ресурсов сплочённости современного российского общества, содействующего повышению эффективности адаптации граждан к чрезвычайным событиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коленникова Н. Д. Российское общество в период глобальной турбулентности: вызовы и возможности // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 154–156. DOI [10.31857/S013216250022957-5](https://doi.org/10.31857/S013216250022957-5). EDN CLFAVI.
2. Латов Ю. В. Динамика массового сознания россиян: экстраординарная ситуация или начало нового цикла? // Полис. Политические исследования. 2023. Т. 32, № 6. С. 161–179. DOI [10.17976/jpps/2023.06.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.12). EDN QFXDBY.
3. Социальная стигматизация в период пандемии / С. Е. Туркулец, А. В. Туркулец, Е. В. Листопадова, М. В. Сокольская // Социодинамика. 2020. № 5. С. 11–25. DOI [10.25136/2409-7144.2020.5.32945](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.5.32945). EDN BVYBBL.
4. Попов В. В., Бычков П. И., Дорофеев Д. В. Проблемы социальной напряжённости в условиях пандемий, коронавируса и изоляции. Уроки и опыт по их преодолению // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12, № 3. EDN SQLHYQ. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/06SCSK321.pdf> (дата обращения: 25.10.2024).
5. Тартаковская И. Н. Изменение практик в ситуации пандемии: стратегии совладания с кризисом // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31, № 3. С. 96–114. DOI [10.17323/1811-038X-2022-31-3-96-114](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-3-96-114). EDN CTXNWQ.
6. Палкина А. В., Соболева Н. Э. Гендерные различия в тревожности и депрессии во время пандемии COVID-19 в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4 (176). С. 54–78. DOI [10.14515/monitoring.2023.4.2364](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2364). EDN CHMZXH.
7. Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие : [монография] / А. В. Торкунов, С. В. Рязанцев, В. К. Левашов [и др.] ; под ред. А. В. Торкунова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова ; вступ. слово А. В. Торкунова. Москва : ООО Издательство «Аспект Пресс», 2021. 248 с. ISBN 978-5-7567-1139-4. DOI [10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021). EDN HWMFZB.
8. Касьянов В. В., Гафиатулина Н. Х., Самыгин С. И. Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9 (42), № 2. С. 51–63. DOI [10.18522/2227-8656.2020.2.3](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.2.3). EDN MDQIKT.
9. Латова Н. В. Социально-психологическое состояние российского общества и социальные настроения разных групп россиян // Журнал институциональных ис-

- следований. 2023. Т. 15, № 4. С. 62–78. DOI [10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078). EDN [ELHSAW](#).
10. *Каравай А. В.* Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2 (162). С. 121–137. DOI [10.14515/monitoring.2021.2.1837](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837). EDN [HBVFIG](#).
 11. *Щанина Е. В., Карамышева Е. Ю.* Социальная адаптация в условиях нестабильности современного российского общества // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10, № 2. С. 100–107. DOI [10.21685/2307-9525-2022-10-2-11](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2022-10-2-11). EDN [LHZTXM](#). URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/shchanina_ev_karamysheva_eyu_2022_2_11.pdf (дата обращения: 12.11.2024).
 12. *Логинов Д. М.* Социальное самочувствие в условиях коронакризиса: кто принял основной удар? // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 3. С. 93–106. DOI [10.19181/population.2023.26.3.8](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.8). EDN [NYSYJI](#).
 13. Как россияне справляются с новым кризисом: Социально-экономические практики населения / В. В. Радаев, Д. Х. Ибрагимова, А. Д. Казун [и др.] ; под. ред. В. В. Радаева. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2023. Вып. 1. 122 с. ISBN 978-5-7598-2756-6. DOI [10.17323/978-5-7598-2756-6](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2756-6). EDN [WKNRCY](#).
 14. *Громакова В. Г.* Специфика отношения к специальной военной операции РФ на Украине как проявление базовых моделей социального поведения в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11 (54), № 2. С. 68–77. DOI [10.18522/2227-8656.2022.2.5](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.5). EDN [LUKNUM](#).
 15. *Звоновский В. Б., Ходыкин А. В.* Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в её условиях (на примере жителей Самарской области) // Социологический журнал. 2023. Т. 29, № 1. С. 8–35. DOI [10.19181/socjour.2023.29.1.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1). EDN [DJLKYS](#).
 16. *Беляева Л. А.* Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1 (297). С. 33–42. EDN [JGVQVQ](#).
 17. *Козырева П. М.* Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2004. 320 с. ISBN 5-88790-109-8. EDN [MEVMWP](#).
 18. *Белянин А. В., Зинченко В. П.* Доверие в экономике и общественной жизни. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. 164 с. ISBN 978-5-903135-16-5.
 19. *Горшков М. К.* О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17. DOI [10.31857/S013216250007445-2](https://doi.org/10.31857/S013216250007445-2). EDN [NLCYDR](#).
 20. *Смирнов В. А., Погодина Ю. А.* Социальное самочувствие российских девушек в условиях специальной военной операции // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29, № 4. С. 89–101. DOI [10.24290/1029-3736-2023-29-4-89-101](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-4-89-101). EDN [RTVKJH](#).
 21. Барометр экономического поведения домохозяйств в России / Г. Г. Васильева, Е. А. Горина, В. А. Кондратенко [и др.] ; под ред. О. В. Синявской. М. : НИУ ВШЭ, 2024. № 2. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/937153753.pdf> (дата обращения: 18.10.2024).
 22. *Лола И. С., Остапкович Г. В., Усов Н. А.* Потребительские настроения населения во II квартале 2024 года. М. : НИУ ВШЭ, 2024. 9 с. URL: https://www.hse.ru/data/2024/07/04/2120973276/consumer_sentiment_2Q2024.pdf (дата обращения: 25.10.2024).

23. Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко ; 4-е изд., дополн. и испр. М. ; СПб. : АСТ ; Прайм-Еврознак, 2008. 868 с. ISBN 5-93878-086-1.
20. Горшков М. К., Тюрина И. О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 4. С. 720–739. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739). EDN [FQZJXO](https://edn.ras.ru/FQZJXO).
25. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин ; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов ; пер. с англ. М. : Политиздат, 1992. 543 с. ISBN 5-250-01297-3. EDN [DLKMYG](https://edn.ras.ru/DLKMYG).

Сведения об авторах

П. М. Козырева

доктор социологических наук,
первый заместитель директора
SPIN-код: [7548-7264](https://spn.ras.ru/7548-7264)

А. И. Смирнов

доктор социологических наук,
главный научный сотрудник
SPIN-код: [2137-2735](https://spn.ras.ru/2137-2735)

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 09.03.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.1)

HOW EMERGENCY EVENTS CHANGE THE LIVES OF RUSSIANS: NEW CHALLENGES AND THE STABILITY OF ADAPTATION

Polina Mikhailovna Kozyreva¹

Alexander Ilyich Smirnov²

^{1,2} Institute of Sociology of FSTAS RAS,

¹ HSE University

Moscow, Russia,

¹ pkozyreva@isras.ru,

ORCID [0000-0002-3034-8521](https://orcid.org/0000-0002-3034-8521)

² smir_al@bk.ru,

ORCID [0000-0001-7078-6203](https://orcid.org/0000-0001-7078-6203)

For citation: Kozyreva P. M., Smirnov A. I. How emergency events change the lives of Russians: new challenges and the stability of adaptation. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(2):9–27. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.1).

Abstract. Based on the data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE), the peculiarities of Russians' adaptation to the new social reality shaped by emergency events are analyzed. The main attention is paid to the dynamic analysis of the level and structural parameters of social well-being during the spread of the COVID-19 coronavirus and the special military operation, which helps to expand the understanding of the peculiarities of modern adaptation processes. The presence or absence of difficulties of a certain complexity that arise during adaptation is considered as the most important determinant of the achievement of a specific level of adaptation. Research shows a high level of adaptation of Russians to the new reality. This effect was achieved due to the rapid pace of development of adaptive processes, which indicates a fairly high stability of adaptation of Russian citizens to emergency events. By the end of 2023, most respondents had maintained their way of life or returned to their usual way of life, while only one in five respondents had serious obstacles in directly adapting to changes caused by emergency events, which they overcame with great difficulty. Despite the severity of the problems, a clearly visible increase in respondents' satisfaction with their lives and optimistic expectations regarding their personal and family future was recorded. However, a significant portion of Russians were subject to anxious moods caused by military and terrorist threats. This feeling of anxiety was connected, but very weakly, with satisfaction with their lives in general and their material side. An increase in generalized trust was revealed, which is the most important indicator of increased consolidation of Russian society, strengthening of civil and national identity as a response to new challenges.

Keywords: generalized trust, crisis, uncertainty, coronavirus pandemic, social adaptation, social well-being, special military operation

Acknowledgments: This article uses the results of projects carried out in the framework of Basic Research Program of the HSE University.

REFERENCES

1. Kolennikova N. D. Russian society in the period of global turbulence: key challenges and opportunities. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovanija*. 2023;(1):154–156. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250022957-5](https://doi.org/10.31857/S013216250022957-5).
2. Latov Yu. V. Dynamics of mass consciousness of Russians: extraordinary situation or beginning of a new cycle? *Polis. Political studies=Polis. Politicheskiye issledovanija*. 2023;32(6):161–179. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2023.06.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.12).
3. Turkulets S. E., Turkulets A. V., Listopadova E. V., Sokolskaya M. V. Social stigmatization during a pandemic. *Sociodynamics=Sotsiodinamika*. 2020;(5):11–25. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-7144.2020.5.32945](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.5.32945).
4. Popov V. V., Bychkov P. I., Dorofeev D. V. Problems of studying social tensions in the context of pandemics, coronavirus and isolation. Lessons and experiences in overcoming them. World of science. Series: sociology, philology, cultural studies=Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya. 2021;(3). (In Russ.). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/06SCSK321.pdf> (accessed: 25.10.2024).
5. Tartakovskaya I. N. Changing practices in a pandemic situation: strategies for coping with the Crisis. *Universe of Russia=Mir Rossii*. 2022;31(3):96–114. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2022-31-3-96-114](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-3-96-114).

6. Palkina A. V., Soboleva N. E. Gender differences in anxiety and depression during the COVID-19 Pandemic in Russia. *Monitoring of public opinion: economic and social changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. 2023;(4):54–78. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2023.4.2364](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2364).
7. Belova N. I., Velikaya N. M. Public opinion about the COVID-19 pandemic (using the example of Russia, Great Britain, Italy and the USA). In: A. V. Torkunova, S. V. Ryazantseva, V. K. Levashova, eds. *COVID-19 pandemic: challenges, consequences, counteraction*. Moscow: OOO Izdatel'stvo «Aspekt Press»; 2021. P. 59–75. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021).
8. Kasyanov V. V., Gafiatulina N. Kh., Samygin S. I. Features and problems of social behavior in the conditions of self-isolation regime of the Russian population. *Humanities of the South of Russia=Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2020;9(2):51–63. (In Russ.). DOI [10.18522/2227-8656.2020.2.3](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.2.3).
9. Latova N. V. Socio-psychological state of Russian society and social attitudes of different groups of Russians. *Journal of institutional studies=Zhurnal institutsional'nykh issledovani*. 2023;15(4):62–78. (In Russ.). DOI [10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078).
10. Karavay A. V. The behavior of Russians aimed at improving their financial situation in the Era of COVID-19. *Monitoring of public opinion: economic and social changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. 2021;(2):121–137. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2021.2.1837](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837).
11. Shchanina E. V., Karamysheva E. Yu. Social adaptation in the transforming conditions of modern society. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»=Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»* 2022;10(2):100–107. (In Russ.). Available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/shchanina_ev_karamysheva_eyu_2022_2_11.pdf (accessed: 12.11.2024).
12. Loginov D. M. Social well-being in coronacrisis: Who took the brunt of it? *Population=Narodonaselenie*. 2023;26(3):93–106. (In Russ.). DOI [10.19181/population.2023.26.3.8](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.8).
13. Radaev V. V. ed. *How Russians are coping with the new crisis: socio-economic practices of the population*. Moscow: Izdatel'skiy dom NIU VShE'; 2023. № 1. 122 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-2756-6. DOI [10.17323/978-5-7598-2756-6](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2756-6).
14. Gromakova V. G. The specifics of the attitude to the special military operation of the Russian Federation in Ukraine as a manifestation of basic models of social behavior in Russian society. *Humanities of the South of Russia=Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2022;11(2):68–77. (In Russ.). DOI [10.18522/2227-8656.2022.2.5](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.5).
15. Zvonovsky B. V., Khodykin A. V. Adaptation strategies of opponents and supporters of the special military operation to the current situation (based on residents of Samara region). *Sociological Journal=Sotsiologicheskii zhurnal*. 2023;29(1):8–35. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2023.29.1.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1).
16. Belyaeva L. A. Standard and quality of life. Problems of measurement and interpretation [Problemy' izmereniya i interpretacii]. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009;(1):33–42. (In Russ.)
17. Kozyreva P. M. Processes of social adaptation and evolution of social well-being of Russians at the turn of the XX–XXI centuries [Processy' adaptacii i e'voluciya social'nogo samochuvstviya rossiyan na rubezhe XX–XXI vekov]. Moscow: Centr obshhechelovecheskix cennostej; 2004. 320 p. (In Russ.). ISBN 5-88790-109-8.
18. Belyanin A. V., Zinchenko V. P. *Trust in the economy and public life*. Moscow: Fond “Liberal'naya missiya”; 2010. 164 p. (In Russ.). ISBN 978-5-903135-16-5.

19. Gorshkov M. K. Social outcomes of the post-soviet transformations. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovanija*. 2019;(11):3–17. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250007445-2](https://doi.org/10.31857/S013216250007445-2).
20. Smirnov V. A., Pogodina Yu. A. Social well-being of Russian girls in the conditions of a special military operation. *Bulletin of Moscow university. Series 18. Sociology and political science=Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2023;29(4):89–101. (In Russ.). DOI [10.24290/1029-3736-2023-29-4-89-101](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-4-89-101).
21. Sinyavskaya O V. ed. Barometer of economic behavior of households in Russia. Moscow: NIU VShE'; 2024. № 2. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-4-89-101> (accessed: 18.10.2024).
22. Lola I. S., Ostapkovich G. V., Usov N. A. Consumer sentiment in the second quarter of 2024. Moscow: NIU VShE'. 9 p. Available at: https://www.hse.ru/data/2024/07/04/2120973276/consumer_sentiment_2Q2024.pdf (accessed: 25.10.2024).
23. Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. eds. Large psychological dictionary [Bol'shoj psixologicheskij slovar]. Moscow; St. Petersburg: AST; Prajm-Evroznak; 2008. 868 p. (In Russ.). ISBN 5-93878-086-1.
24. Gorshkov M. K., Tyurina I. O. Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: Social-historical and value contexts. *RUDN Journal of Sociology=Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 2023;23(4):720–739. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739).
25. Sorokin P. A. Man. Civilization. Society. Ed. by A. Yu. Sogomonov: Transl. from English. Moscow: Politizdat; 1992. 543 p. (In Russ.). ISBN 5-250-01297-3.

Information about the Authors

P. M. Kozyreva

Doctor of Sociology,
First Deputy Director
Researcher ID: [F-2538-2014](#)
Scopus AuthorID: [6505848584](#)

A. I. Smirnov

Doctor of Sociology,
Main Researcher
ResearcherID: [ABA-6123-2021](#)
Scopus AuthorID: [55574203282](#)

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 09.03.2025; approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.

ВОСПРИЯТИЕ БОГАТСТВА В РОССИИ: СТЕРЕОТИПЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Наталья Николаевна Мещерякова¹
Ольга Викторовна Крыштановская²

^{1,2} Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия,

¹ natalia.tib@mail.ru,

ORCID 0000-0001-7658-7993

² olgakrysht@yandex.ru,

ORCID 0000-0001-5278-0940

Для цитирования: Мещерякова Н. Н., Крыштановская О. В. Восприятие богатства в России: стереотипы и реальность // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 2. С. 28–44. DOI 10.19181/snsp.2025.13.2.2. EDN AGYSCR.

Аннотация. В статье проводится анализ мнений трёх поколений россиян о богатстве. Выводы основаны на данных качественного исследования, проведённого методом фокус-групп в 2023 году в семи городах Российской Федерации (21 группа, 205 респондентов). Полученные результаты свидетельствуют о том, что исторический и социальный контексты развития российского общества не способствовали легитимации богатства и его обладателей. Этому помешали прерывистость исторического пути России, глубокие изменения общественного устройства в 1917 и 1991 гг. Современные большие состояния имеют недолгую историю. Общество полагает, что пути их формирования в 90-е гг. XX в. были нечестными и связаны со злоупотреблениями, коррупцией и криминалом. Коллективное сознание отказывается признавать наследование этих состояний легитимным путём приобретения высокого социального статуса. Респонденты полагают, что честный путь к обогащению должен быть связан с исключительным талантом и самоотверженным трудом на благо общества. Однако составляющие богатого образа жизни (качественная платная медицина, заграничные путешествия) привлекают респондентов.

Ключевые слова: богатство, ценности, мобильность, демонетизация, легитимация, Россия

Введение: научная проблема

В центре внимания данной статьи – богатство как социокультурная категория. Представления о нём в обществах различаются и связаны с доминирующими в них ценностями. Мировоззрение и понимание того, что такое сегодня

© Мещерякова Н. Н., 2025

© Крыштановская О. В., 2025

высокий статус, обеспечивает богатству его символическое признание [см.: 1, с. 365–366].

Высокий достаток – одновременно социальный и культурный феномен. В своём первом качестве он участвует в регуляции отношений между людьми, служа атрибутом власти и статуса. В культурном контексте богатство выступает как символ, который эти отношения маркирует. В этой связи возникает вопрос: как россияне относятся к богатству в настоящий момент? Является ли оно абсолютной ценностью и жизненным ориентиром? Или стремление к обогащению не стало для них идеальной целью? Общественное сознание оправдывает любые способы обогащения или выдвигает требования морального свойства, считая одно допустимым, а другое нет? Богатство, полученное по наследству и заработанное собственными усилиями, равным образом приемлемо в сложившейся в нашей стране системе ценностей?

Это важные вопросы, поскольку только те категории, по поводу которых существует консенсус в общественном мнении, становятся нормами. А норма помогает членам общества планировать собственную карьеру, признавать чужие заслуги, обеспечивает социальный порядок. Отсутствие консенсуса, напротив, разрушает капитал социального доверия между группами, провоцирует апатию, аномию, нигилизм. Это может вести как к моральному эскапизму – отчуждению, так и к физическому – эмиграции.

История России, как и история любой другой страны, имеет свои уникальные особенности, которые создают контекст формирования ценностных представлений. Промышленный переворот до революции 1917 года так и не был завершён, Россия оставалась по преимуществу аграрной страной, буржуазия не имела полноценного представительства во власти. Нацеленные на демократические реформы государственные думы 1-го и 2-го созыва были распущены императором. Фигура «владельца заводов, газет, пароходов» не успела получить общественного признания, а после октябрьского переворота 1917 года была осмеяна и клеймена советской идеологией. Быть богатым стало стыдно и опасно. Возникли эвфемизмы категории «богач» с негативной коннотацией: «нэпмены», «спекулянты», «толстосумы», а позднее – «фарцовщики» и «цеховики». Такого рода персонажи хотя и появлялись в советском информационном пространстве, но исключительно как герои фельетонов и карикатур. Всё это парадоксальным образом сочеталось с номенклатурными распределителями, дачами, пайками, привилегиями. Владеть этим было нельзя, но можно было пользоваться и наслаждаться жизнью. Условием пользования было занятие определённого статуса, подразумевающего безусловную и активную лояльность режиму. В случае «утраты доверия» все привилегии отбирались.

После разрушения СССР общество раскололось: что считать правильным, а что неправильным? Что есть норма, а что девиация? Единства больше не было [2]. На просторах страны удивительно быстро образовалась социальная общность «новые русские», которая воспринималась населением одновременно как угроза и как зарождающийся образец «умения жить». С одной стороны,

«новые русские» приобрели комичные черты фольклорного Иванушки-дурачка со своими золотыми цепями, малиновыми пиджаками и фантастическим невежеством, с другой стороны, в обществе курсировали слухи о том, что бывшие «красные директора», партийные и комсомольские аппаратчики косплеят стиль заморских «бобо» (сплав богемы и буржуа, как они его понимали) [3, с. 33]. Перераспределение в их пользу совокупности общественных благ не воспринималось людьми как легитимное, а само богатство ещё предстояло «отмыть» [4]. Но после распада СССР прошло более 30 лет, «богатые и знаменитые» первого поколения приобрели респектабельность (те, которые выжили в горниле 90-х), их дети выросли, и теперь остро встал вопрос передачи достигнутого статуса по наследству. Другими словами, им необходимо стало «упрочить социальные позиции и легитимировать себя и своё потомство» [5, с. 25], поскольку начался процесс воспроизводства высшего класса.

В силу особенностей социального и исторического контекста в России не сформировалось представление о богатстве как символе и атрибуте личного успеха, связанного с честной и созидательной деятельностью. За более чем 30 лет развития рыночной экономики у нашего населения сохранилось отношение к богатству как к чему-то не вполне легальному, социально не оправданному, сомнительному. Сложился парадокс: для многих россиян богатство стало целью, но не ценностью. Эту гипотезу мы и попытались проверить в нашем исследовании.

Методология: исследованность вопроса

Богатство как социальная категория стало предметом изучения в конце XIX в. Плеяда блестящих авторов: Т. Веблен, М. Вебер, М. Мосс, Й. Хёйзинга, на чьих работах мы остановимся, тому примеры. Т. Веблен первым заговорил не об экономическом, а о символическом смысле богатства, разрабатывая теорию «праздного класса» [6]. Новые богатые, не имеющие аристократического происхождения, пытались произвести впечатление на остальных членов общества, подражая «праздному классу». Они тратили время на благородный досуг, а не на приумножение своих состояний посредством экономической деятельности. Т. Веблен также описал, как впоследствии культурные образцы распространяются на представителей более широких и менее богатых социальных групп, которые также стремятся подражать классу досуга.

В этот же исторический период существовал иной культурный код, связанный с протестантизмом, всесторонне рассмотренным М. Вебером в концепции протестантской этики [7]. Система представлений осуждала чрезмерное расточительство и показную роскошь, вместо этого поощряла трудолюбие, инвестиции и благотворительность. С точки зрения автора, это способствовало наиболее бурному развитию капитализма именно в обществах, затронутых религиозной реформацией. Но, если рассматривать социальную и историческую динамику, гедонизм оказывается более привлекательным, чем аскетизм,

несмотря на наличие отдельных индивидуальных исключений в среде высших общественных страт.

Смысл показной роскоши, которую Й. Хейзинга изучал на примере феодальной аристократии [8], а Т. Веблен [6] – на примере нуворишей, в демонстрации избранности и своего качественного отличия от других социальных групп. Культура определяет способы и формы, в которых эта потребность удовлетворяется легитимным образом. В истории имели место уникальные варианты её реализации, примером может выступать такой социокультурный феномен, как дар («потлач»), существовавший у североамериканских индейцев. Он вёл к разорению дарителя, но укреплял его социальный статус. Одним из первых «культуру дарения» на примере потлача осмыслил Марсель Мосс [9]. Обмен дарами конституирует не только договорные обязательства, но авторитет и власть, которые дарителю обеспечивает акт дара. Таким образом, показывать свою избранность можно не только накапливая ресурсы, но и демонстративно разоряясь. Обмен дарами в реалиях советского строя изучал Симон Кордонский. Он назвал пространство, специально созданное для таких обменных операций между людьми, обладающими ресурсами, «административным рынком» [10].

Почему именно богатство в экономиках, построенных на эквивалентном обмене материальными благами, стало ценностью, раскрывает П. Бурдьё. Он доказывает, что экономическая, социальная и культурная формы капитала тесно взаимосвязаны и могут быть конвертированы друг в друга [11]. Обладая достатком, легче построить связи и следовать доминирующим формам культурного поведения. Он ценен именно потому, что даёт доступ к иным благам и является символом власти и успеха. Но с ним связаны и определённые обременения. Традицию рассматривать богатство как своего рода ношу также заложил Т. Веблен, исследуя «обременительное потребление материальных благ» [6, с. 105]. Понимая, что состоятельные люди – мишень для зависти, недоброжелательства и различных посягательств, отказываться от средств никто не спешит. Но признавая, что богатым не может стать каждый, многие задаются вопросом: так ли оно нужно? А что нужно? К чему стремится общество сегодня?

В российской социологии верхние страты общества до сих пор остаются недостаточно изученными. Эти группы являются неприступными, доступ исследователей к ним затруднён. Свидетельством неразвитости методологии и теоретической базы может быть то, что в российской социологии не проанализировано соотношение высшего класса и богатых, как это делают, например, Д. Гилберт, Л. Бигли для американского общества [12; 13]. Хотя есть оригинальная концепция С. Кордонского с соавторами, которые выстраивают сложные отношения взаимного обеспечения и обслуживания между сословиями, стараясь одновременно учесть и объективные признаки их расположения относительно друг друга и сложившиеся мифологемы о социальной иерархии [14]. Мы также подходили к этой теме в прошлые годы [4; 15].

Количественные исследования социальной структуры российского общества, в которой выделяются верхние, средние и нижние слои, проводят

в Институте социологии ФНИСЦ РАН. В 2004 году под редакцией М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой вышла монография «Россия – новая реальность. Богатые. Бедные. Средний класс». В ней не только были определены подходы к стратификации, рассчитаны приблизительные доли численности основных страт общества, но и представлено субъективное отношение россиян к богатству, бедности и носителям этих признаков. В частности, в исследовании выявлены различия, зачастую значительные, в оценках представителей разных слоев по вопросам возможности достичь материального благосостояния честным путём [16, с. 15]. Прошло ещё два десятилетия. Как изменились представления россиян о богатстве покажем на материалах качественного исследования.

Дифференциация богатства. Согласно теории языковой относительности Б. Уорфа, язык, на котором человек говорит, влияет на его мышление, восприятие и осознание окружающей действительности. Он не только отражает реальность, но и формирует её, определяя наше понимание мира, в том числе может ограничивать его [17]. В западной социологии сложилась длительная традиция изучения страты богатых людей и развитая терминология для обозначения различных градаций, связанных с источниками и размером их благосостояния. «Состоятельные» (*affluent*) имеют доход, подчас очень высокий, который напрямую связан с выполнением профессиональных обязанностей. К ним относятся: адвокаты, профессора университетов, врачи и другие специалисты высокой квалификации. Богатые же рассчитывают на свои активы: акции компаний, котирующихся на бирже, свободную от долгов недвижимость. Но «rich» стали богатыми, благодаря умелым инвестициям, а «wealthy» – это, в большей степени, старая землевладельческая аристократия¹.

Миллионерами (*millionaires*) называют тех, чья чистая стоимость (*net worth*) или богатство (*wealth*) превышает один миллион денежных единиц, но они не равны в социально-экономическом смысле и аналитически различимы с теми, у кого их 10 (*deca-millionaires*), сто (*centi-millionaires*) и тем более миллиардерами (*billionaires*).

Наличие развитой лексики в языке многое говорит социологу. Понятия вводятся в язык тогда, когда они необходимы для обозначения какого-то нового явления. В России мы видим достаточно аскетичный набор категорий, которыми люди обозначают состоятельных россиян: богач, миллионер, олигарх. Иногда слово «предприниматель» или «бизнесмен» используется как прямой синоним богачу.

Неопределённость отношения к богатству и богатым в сознании общества и слабость понятийного аппарата в российской социологии могут рассматриваться как взаимосвязанные явления. Как мы уже отмечали, особенности нашей истории разделили общество на «социалистов» и «капиталистов». Первые остаются носителями советских уравнивательных паттернов, вторые тяготеют

¹ Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/opulent#:~:text=rich%2C%20wealthy%2C%20affluent%2C%20opulent,property%20and%20intrinsically%20valuable%20things> (дата обращения: 10.03.2025).

к объяснительным моделям на основе ценности успеха и накопления ресурсов. Когда национальная культура не предлагает ценностно-нормативного обоснования материальному успеху, обыватель склонен ссылаться на генетическую предрасположенность или на туманное «умение жить», а также апеллировать к «божьей помощи», как показала в своём исследовании, построенном на интервью «безумно богатых» россиян, Э. Шимпфёссль [5, с. 147–148].

Эмпирическая база и результаты исследования

В 2023–24 гг. в рамках проекта «Легитимация социальной стратификации в России», выполненного сотрудниками Центра цифровой социологии РГГУ под руководством О. В. Крыштановской, была проведена 21 фокус-группа в семи крупных городах Российской Федерации (Москва, Санкт-Петербург, Ульяновск, Волгоград, Тула, Новосибирск, Томск), представляющих пять федеральных округов – Центральный, Приволжский, Сибирский, Северо-Западный и Южный. Всего было опрошено 205 человек (70 молодёжи до 30 лет, 67 представителей среднего поколения и 68 – старшего). Предметом исследования являлись представления населения о социальной структуре общества, оценка своего места в ней, критерии разделения социума на страты, а также оценка справедливости сложившегося порядка жизни в сознании респондентов. В том числе изучалось и отношение россиян к представителям высшего класса, к богатым и богатству.

Честны ли богатые? Наше исследование показало, что отношение россиян к богатым и богатству двойственное. С одной стороны, они признают, что социальное равенство практически недостижимо. Тот, кто больше трудится или обладает исключительным талантом, имеет право на значительно больший доход, чем остальные. Но с другой, они подозревают состоятельных соотечественников в нечестности, коррумпированности, использовании служебного положения в личных целях, упрекают в высокой скорости обогащения (что само по себе подозрительно). Такое отношение не позволяет принимать аристократический принцип наследования статуса как социальную норму. Поколение «джуниоров» или «непо-дети» (*nepo babies*)¹ у россиян не в чести [18, с. 184–185]. Н. Е. Тихонова по итогам исследований также отмечает, что российское общество в своих ожиданиях сделало крен в сторону общества социальной однородности, хотя ранее, в начале 2000-х, допускало глубокую дифференциацию [19, с. 27].

На вопрос «Могут ли богатые быть честными?» из 205 участников наших фокус-групп однозначно «да» ответили около трети респондентов, остальные высказали большие сомнения в том, что это возможно. Негативный настрой в ответах объясняется «*пропастью между богатыми и бедными*»,

¹ *Nepo baby*, сокращение от *nepotism baby*, – это термин, обозначающий человека, чья карьера похожа или связана с карьерой, в которой преуспели его родители. Подразумевается, что ребёнок мог использовать эти связи для достижения собственного успеха.

«несправедливым распределением доходов в обществе», «коррупцией», «слишком большой ролью связей и блата», «несправедливостью судов», «отсутствием равенства перед законом». Респонденты говорят, что «бедных слишком много», «социально-уязвимые слои населения не защищены», подразумевая, что сначала надо решить насущные проблемы общества, а потом можно будет подумать о личном благополучии.

Когда участников фокус-групп спросили, какими они хотели бы видеть представителей высших слоёв общества, то ответы строились вокруг двух критериев: морального и профессионального. С одной стороны, от тех, кто претендует на высокий статус, ожидают интеллигентности, порядочности, честности, они должны быть носителями культуры и «*быть примером для молодых*». В то же время опрошенные хотели бы видеть на вершине общества «*специалистов высокого класса*», «*профессионалов своего дела*», которые «*трудятся на благо общества*», «*принимают важные стратегические решения*» и занимаются благотворительностью. В общественном сознании россиян нет понимания реальной структуры общества в целом и того, на каких основаниях она строится. Респонденты теоретически готовы говорить о бедности и богатстве, но когда дело касается самоопределения, в их системе координат находится лишь один островок стабильности – «средний класс», который сегодня практически поглотил всех работающих и почти сравнялся с советским понятием «*трудящиеся*».

Неисполнение ожиданий общества представителями верхов ведёт к их стигматизации в коллективном сознании. Между тем, отсутствие легитимного высшего класса мешает принятию заслуг людей, выполняющих профессиональную работу. Их высокие доходы не воспринимаются как справедливые. Л. Болтански и Л. Тевено в своей работе «Критика и обоснование справедливости» предупреждают: отсутствие «согласованности действий и обоснования распределения состояний», «шкалы значимости благ, связанных с этими положениями», «возможности доступа людей ко всем состояниям» «может обернуться полным расколом общества, утратой связи между группами людей разных состояний» [20, с. 129–130].

Выводы о существующих в российском обществе противоречиях подкрепляются результатами всероссийских опросов. По данным социологического мониторинга, проводимого ИСПИ ФНИСЦ РАН, наиболее сильный конфликт на 2024 год отмечался между «богатыми и бедными» (так считали 59% респондентов), «низшими и высшими классами» (53%)¹. Доля тех, кто считает, что власть выражает и защищает интересы богатых по-прежнему выше по сравнению с долей считающих, что наше государство носит социальный характер (хотя в 2000 году уровень неравенства фиксировался ещё более остро²). Неуклонно уменьшается доля тех, кто согласен с выражением «сколько

¹ Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. С. 31.

² Там же. С. 15.

ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь». В 2024 году она составила 39%, в то время как на пике в 1994 году достигала 70%, а последнее десятилетие держалась около 50% ¹. Тем не менее, 39% россиян испытывают, по мнению социологов, социальный пессимизм. Из своих основных обязанностей государство, по мнению респондентов, хуже всего справляется с обеспечением достойной жизни и всестороннего развития граждан (так считает 43% ²).

Кто богат и кто достоин богатства? В нашем исследовании обнаружился странный парадокс: на вопрос «кто относится к верхним стратам российского общества?» более половины опрошенных называли категории политиков и предпринимателей: «госслужащие», «депутаты», «чиновники», «бизнесмены», «олигархи» и проч. На вопрос, кто, по их мнению, должен располагаться наверху социальной пирамиды, называли «врачей» (более двух третей выборов), «учителей», «учёных», «военных», «спасателей». Это говорит о том, что россияне не считают справедливой ситуацию, когда высшие позиции заполнены исключительно людьми из политической и финансовой сферы, в то время как представители «благородных» профессий остаются недостаточно оценёнными. Этот же вывод подтверждается и нашими исследованиями о «народной элите»: те, кто оказался наверху – не настоящая элита, считает большинство респондентов. Те же, кто составляет «гордость нации», в элиту пробиться не могут, хотя их заслуги признаны как страной, так часто и международной общественностью.

Демонетизация богатства. В ходе нашего исследования был задан вопрос о том, кого именно респонденты относят к богатым людям. Если в исследовании 2013 года мы получали ответы на аналогичный вопрос, выраженный почти исключительно в деньгах, то сегодня ситуация изменилась. Ответы примерно трети опрошенных касались и сегодня размеров дохода (назывались различные суммы зарплаты или состояния), но была обнаружена и существенная разница. Теперь почти вдвое увеличилась доля тех, кто связывает богатство с наличием квартиры в центре города или недвижимостью за границей, возможностью обучать детей в лучших школах и университетах Запада, частыми путешествиями по миру и проч. Можно сказать, что это подобно тому, как общество в одном периоде развития ставит на первый план показатели уровня жизни, а на другом – показатели качества жизни, объединённые категорией «человеческий капитал».

Монетарную и немонетарную формы неравенства изучает в своих работах С. В. Мареева. Второй тип связан с теми или иными жизненными возможностями или рисками, которые, по признанию автора, сложнее для оценки и мониторинга, чем измерение уровня доходов, но они гораздо более полно и комплексно характеризуют жизнь населения [21, с. 4–5].

Мобильность и свобода. Одним из существенных отличий наших исследований 2013 и 2023–2024 гг. стала фиксация той роли, которую начала играть

¹ Там же. С. 27

² Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. С. 42.

географическая мобильность в определении статуса человека. Сегодня можно уверенно говорить, что признаком богатства стала возможность перемещаться по миру. Характеризуя образ жизни состоятельных людей, респонденты прежде всего отмечали лёгкость мобильности: *«могут уехать из страны»*, *«могут по несколько месяцев путешествовать»*, *«купили виллу у моря и теперь живут то там, то тут»*. В ходе фокус-групп внимание участников было сосредоточено на возможностях состоятельных людей совершать поездки за границу и особенно к морю. Море стало культовым объектом, приближение и соприкосновение с которым стало очевидным признаком достойного уровня жизни. Чем больше времени ты можешь проводить у моря, тем лучше свои дела, а если ты изменил свою локацию на постоянное проживание у моря, то ты точно богат и успешен.

Россияне видят в геомобильности признак праздности, не думая о том, что многие бизнесмены и политики путешествуют по делам и много работают в поездках. Их видение богатого образа жизни связано с перемещениями в пространстве без утилитарной цели, ради удовольствия. Наблюдение за окружающим миром, расширение кругозора, знакомство с новыми людьми, диковинной кухней и культурой, сама смена обстановки – это маркеры высокого качества жизни в наши дни. Владимир (21) из Москвы говорит: *«Я бы назвал богатыми тех людей, которые могут себе позволить практически всё, что они хотят – путешествия на несколько месяцев, не работать, но при этом иметь хороший доход»*. Антон (43) из Волгограда с горечью говорит о своей маме, которая *«проработав всю жизнь, так и не заработала на то, чтобы поехать к морю»*. Для Татьяны (52) из Томска главный параметр определения социального статуса человека – это длительность и место его отдыха: *«Раньше мы знали, что средний человек может раз в году съездить на море. А сегодня это не так. Поэтому нет, наше общество не справедливо»*.

Для россиян возможность путешествовать является не просто атрибутом благополучной жизни, но признаком несправедливости и даже посягательства на свободу, что провоцирует недовольство. Если обязанность государства заботиться о здоровье граждан последние рассматривают как составляющую общественного договора, право от рождения [2], то возможность путешествовать обеспечивается честным трудом. Респонденты подчёркивают, что ежегодный отдых должен быть доступен среднему классу, поскольку они этого заслуживают. Хотя аргументы различаются, в двух ключевых аспектах мнения совпадают. Здоровье считается ценностью, *«его не купишь»*, а путешествие значимо, потому что связано с другой важной ценностью – свободой.

В русской культуре достаток не освящён религиозной санкцией, как в протестантизме, не узаконен отсылкой к отцам-основателям или концепцией *self-made-man*, но преимущества, которые он даёт – свобода, возможность обеспечить сохранность здоровья – безусловно, ценны. Поэтому в общественном сознании происходит рационализация некоторых его атрибутов в неденежной форме. Её можно представить следующим образом: *«Я хочу пользоваться этой возможностью, например, получать качественное медицинское обслуживание*

или иметь полноценный отдых на море. У меня нет достаточного количества денег платить за это. Но я имею на это право, потому что я порядочный человек и честно тружусь. Я не прошу ничего сверх меры. И если это общество справедливо, оно должно предоставить мне это бесплатно. Ведь в СССР так и было», – добавляют те, кто постарше.

Мобилитет и праздность. Значение мобильности в символической структуре современного общества изучал британский социолог Джон Урри. Он разработал концепцию, которая подразумевает, что признаком власти и статуса сегодня является именно подвижность. Разного рода мобильности (средства передвижения, связи, визы и проч.) составляют основу «сетевого капитала», который, по мнению автора, фундирует стратификацию современного общества [22, с. 361–362]. Лёгкость мобильности, наличие поддерживающих связей в различных уголках мира, наличие разрешительных документов (паспортов и виз) определяет «кинетическую элиту», обособляет её от более медленной, менее мобильной массы, «сете-обделённых» (network-deprived) [22, с. 383]. Урри отмечает, что 300 богатейших семей планеты – самые мобильные. Это позволяет автору сделать вывод, что модель сетевых отношений носит аристократический характер [22, с. 393].

Дин Макканелл в работе «Турист. Новая теория праздного класса» также подчёркивает значимость фактора мобильности в стратификации. Приняв общий тезис Т. Веблена о том, что свободное времяпрепровождение отражает социальную структуру, он ищет более глубокие основания, которые бы сделали классовую стратификацию современного общества понятнее. Если раньше религия и работа служили основой для идентичности и смысла, то теперь идентичность и цель жизни всё чаще ищут в досуге. Автор назвал осмотр достопримечательностей ритуалом, совершаемым ради дифференциации общества [23, с. 13].

В исторической ретроспективе движение всегда было связано с неравенством. В ранние эпохи, если путешественник был неспособен обеспечить сопровождение из вооружённых слуг, лучше было не выходить из дома, это было опасно. Мобильность сочеталась с праздностью, хотя каузальных отношений между ними не было. «Фланёр был богатым мужчиной», – пишет Дж. Урри [22, с. 168]. По мере расширения возможностей путешествовать, появлялись всё более эксклюзивные пакеты услуг, чтобы отделить избранных от остальных [22, с. 231].

В мировом сообществе сложилась особая социальная общность – мобилитет [24], чьи перемещения по разным странам связаны как с деловыми целями, так и с рекреацией. Но наши респонденты в своих рассуждениях о богатстве видят только одну сторону медали – праздность. Трудовое происхождение большого состояния для них не очевидно. Причиной интенсивных перемещений мобилитета россияне, далёкие от высшего класса, считают вовсе не дела, а безделье. «Поехал к морю», чтобы отдохнуть, это же очевидно. Только простаки ездят «в командировки», богачи наслаждаются жизнью там, где тепло. Трудовое происхождение капитала остаётся по-прежнему далёким для людей, социальная дистанция которых от высших страт общества велика.

Контроль мобильности. К концу 2018 года китайские суды 17,5 млн раз запрещали дискредитировавшим себя в рамках системы «социального кредитования» гражданам покупать авиабилеты и 5,5 млн раз оплачивать проезд на поезде. Правонарушения могли быть разными: от неуплаты налогов до приёма наркотиков. Цель государства заключается в том, чтобы «позволить благонадёжным людям бродить повсюду под небесами, а дискредитированным – не делать ни шагу» [25]. В России такая логика вполне проникла в общественное сознание и воспринимается как оправданная. Мобильность стала столь знаковым явлением, что лишение возможности совершать её воспринимается действенной санкцией в ряду инструментов социального контроля. Российские власти в разные исторические периоды использовали этот инструмент контроля. Николай I, как известно, не любил «посылки за границу», поскольку молодые люди возвращаются оттуда с духом критики [26, с. 348]. Советская элита использовала «железный занавес», сохранив за собой монопольное право разрешать выезд и как поощрительную меру, и как репрессивную («философский пароход», выдворение диссидентов).

Именно запреты делали свободу перемещений столь манящей. Поэтому в современной истории России одним из символов независимости стала возможность передвижения по миру. Пределами этой свободы теперь стали материальные ресурсы, поэтому недостаток средств может рассматриваться как невозможность обрести автономность. Мобильность теперь воспринимается государством как привилегия для состоятельных и благо граждан.

У мобильности есть большие шансы остаться статусной привилегией, ограниченно распространяющейся на более низкие социальные слои в своих квазиформах (один раз в год на море), из-за дефицита ресурсов, как полагает Дж. Урри [22, с. 62]. Он связывает это с вредом, который она несёт для экологии, протестами местных жителей (как в Испании в 2024 году), угрозами распространения эпидемий и проч. У россиян в силу исторического и социального контекста путешествия сегодня рассматриваются не просто как признак материального достатка, но и как символ достойного независимого существования, на которое трудящийся человек имеет право.

«Туман богатства» (заключение)

Ценности общества, которые складываются исторически, имеют безусловную легитимирующую силу. Но богатство само по себе, если оно не сопряжено со служением на благо общества, значительными усилиями, которые потрачены на получение образования и развитие компетенций, если оно не обеспечивается самоотверженным трудом или исключительным талантом, общественным сознанием в России не легитимируется.

Россияне сохраняют предубеждённое отношение к богатству и богатым. Значимой причиной этого является фактор времени. Ещё Э. Дюркгейм писал, что он играет важную роль в утверждении общественных структур. Социальные

нормы, институты и власти получают свою легитимность оттого, что они коренятся в прошлом и передаются из поколения в поколение [27, с. 42–43]. В России нет состояний со сколько-нибудь длительной историей. Способы, которыми они формировались в 90-е гг. XX в., и временной интервал в 30–35 лет сформировали у россиян прочную связь понятий «несправедливость» и «злоупотребления». Высокая социальная поляризация, существующая в обществе, не даёт ей сгладиться.

Но образ жизни, который богатство может обеспечить, является для граждан привлекательным. Говоря о его составляющих (путешествия, платная медицина и др.), они апеллируют к ценности свободы, честного труда, возможности познать мир, познать свою идентичность через сравнение. Жить, работать и существовать в движении, свобода выбора и саморазвитие являются важными ориентирами современного человека. Факторы, повлиявшие на демонетизацию представлений о богатстве, находятся как на уровне национального сознания, не нашедшего ему «оправдания», так и на уровне глобальной культуры, которая через интернет, блоги путешественников создаёт новую мифологию о «свободе воли» избранных.

Наше исследование показало, что, несмотря на развитие представлений о богатых и богатстве у россиян, сохраняется высокая степень затуманенности представлений о жизни высших страт. И чем больше социальная дистанция, отделяющая респондента от «верхов», тем больше этот «туман богатства», тем более мифологизировано сознание, тем в большей степени богатство лишено трудового фундамента. Красивый мираж о прекрасных виллах у моря, праздном образе жизни, неограниченной свободе воли не способствует формированию достижительной мотивации, и, следовательно, тормозит развитие общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / П. Бурдьё ; [ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер] ; пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой ; предисл. А. Бикбова. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с. ISBN 978-5-7749-1191-2.
2. Мещерякова Н. Н. Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход : автореф. дис. ...д-ра социол. наук : 22.00.01 / Мещерякова Наталия Николаевна ; Московский государственный институт международных отношений (университет). Москва, 2015. 46 с. EDN [WGAHVX](#).
3. Крыштановская О. В. Бывшие. Тенденции нисходящей мобильности российской элиты // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 33–39. EDN [OOQQBD](#).
4. Kryshchanovskaya O., White S. The formation of Russia's network directorate // Russia as a Network State: What Works in Russia When State Institutions Do Not? London : Palgrave Macmillan, 2011. P. 19–38. DOI [10.1057/9780230306707_2](#). EDN [YVFOXH](#).
5. Шимпфёссль Э. Безумно богатые русские. От олигархов к новой буржуазии / Э. Шимпфёссль ; пер. с англ. И. Евстигнеева. М. : Individuum, 2022. 352 с. ISBN 978-5-6048006-6-9.

6. Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен ; пер. с англ. В. Желнинов. М. : ООО «Издательство АСТ», 2021. 384 с. ISBN 978-5-17-135295-0.
7. Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер ; сост. Ю. Н. Давыдов ; 4-е изд. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с. ISBN 978-5-98712-801-5.
8. Хейзинга Й. Осень средневековья / Й. Хейзинга ; сост., предисл. и пер. [с нидерл.] Д. В. Сильвестрова ; коммент. и указ. Д. Э. Харитоновича. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 786 с. ISBN 978-5-89059-166-1. EDN [QPUPVH](#).
9. Мосс М. Опыт о даре // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс ; сост., пер. с фр., вступит. статья, комментарии А. Б. Гофмана. М. : КДУ, 2011. С. 134–286.
10. Кордонский С. Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России / С. Кордонский ; 2-е изд. М. : ОГИ, 2006. 238 с. ISBN 5-94282-359-6. EDN [QWYOPN](#).
11. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдьё ; пер. В. И. Иванова // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 137–150.
12. Beeghley L. The Structure of Social Stratification in the United States. 5-th ed. NY : Routledge, 2016. 320 p. DOI [10.4324/9781315662664](#).
13. Gilbert D. The American Class Structure in an Age of Growing Inequality. 6-th ed. Wadsworth Publishing, 2002. 336 p.
14. Кордонский С. Г., Дехант Д. К., Моляренко О. А. Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. Социология. Этнология. 2012. Т. 21, № 2. С. 62–102. EDN [PBNLOZ](#).
15. Kryshstanovskaya O. Rich and Poor in Post-Communist Russia // The Journal of Communist Studies and Transition Politics. 1994. Vol. 10, № 1. P. 3–24. DOI [10.1080/13523279408415244](#).
16. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Л. Г. Бызов [и др.] ; под. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Наука, 2004. 259 с. ISBN 5-02-032849-9. EDN [NGCBZZ](#).
17. Whorf B. L. Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / B. L. Whorf ; ed. John V. Carroll. Publisher : The MIT Press, 1964. 278 p.
18. Крыштановская О. В., Мещерякова Н. Н. Богатые, бедные и справедливое неравенство // Полития. 2024. № 3 (114). С. 172–190. DOI [10.30570/2078-5089-2024-114-3-172-190](#). EDN [KJRJRJ](#).
19. Тихонова Н. Е. Модель субъективной стратификации российского общества и её динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. № 1-2 (126). С. 17–29. DOI [10.24411/2070-5107-2018-00001](#). EDN [MFFBON](#).
20. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено ; пер. с фр. О. В. Ковенева ; науч. ред. перевода Н. Е. Колосов. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 576 с. ISBN 978-5-4448-0079-9.
21. Мареева С. В. Неравенство в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении: динамика последнего десятилетия // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 3–16. DOI [10.31857/S0132162524090012](#). EDN [QXFCVB](#).
22. Урри Дж. Мобильности / Дж. Урри ; пер. с англ. А. В. Лазарева ; вступ. статья Н. А. Харламова. М. : Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с. ISBN 978-5-901574-98-0.
23. MacCannell D. The tourist: a new theory of the leisure class. New York : Schocken Books Inc., 1976. 214 p.
24. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Chichester : John Wiley, 1997. 256 p.

25. *Kuo L.* China bans 23m from buying travel tickets as part of «social credit» system // The Guardian : сайт. 01.03.2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/01/china-bans-23m-discredited-citizens-from-buying-travel-tickets-social-credit-system> (дата обращения: 10.01.2025).
26. *Романов П. В.* Россия и Запад на качелях истории. В 4 томах. Т. 2: От декабристов до большевиков. М. : Амфора, 2010. 541 с. ISBN 978-5-367-01252-1.
27. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М. : Элементарные формы, 2018. 808 с. ISBN 978-5-9500244-3-6.

Сведения об авторах

Н. Н. Мещерякова

доктор социологических наук, доцент,
зав. кафедрой, ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [8265-0899](#)

О. В. Крыштановская

доктор социологических наук,
директор Научного центра
SPIN-код: [5881-9789](#)

Вклад авторов:

Н. Н. Мещерякова – 60% (концепция, подготовка общетеоретической основы, участие в написании всех разделов статьи).

О. В. Крыштановская – 40% (подготовка методологического раздела, участие в написании всех разделов статьи).

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 10.04.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.2.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.2)

PERCEPTION OF WEALTH IN RUSSIA: STEREOTYPES AND REALITY

Nataliya Nikolaevna Meshcheryakova¹

Olga Viktorovna Kryshtanovskaya²

^{1, 2}Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia,

¹ natalia.tib@mail.ru,

ORCID [0000-0001-7658-7993](https://orcid.org/0000-0001-7658-7993)

² olgakrysht@yandex.ru,

ORCID [0000-0001-5278-0940](https://orcid.org/0000-0001-5278-0940)

For citation: Meshcheryakova N. N., Kryshtanovskaya O. V. Perception of wealth in Russia: stereotypes and reality. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(2):28–44. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.2.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.2).

Abstract. The presented article analyzes the opinions of three generations of Russians about wealth as a value. The conclusions are based on the data of a qualitative study conducted by the focus group method (21 groups, 205 respondents) in 2023 in seven cities of the Russian Federation. The findings suggest that the historical and social context of the development of Russian society has not contributed to the legitimization of wealth and wealthy people. This was prevented by the discontinuity of Russia's historical path, two fundamental changes in the social order in 1917 and 1991. Modern large fortunes have a short history. Society believes that the ways of their formation in the 1990s were dishonest, associated with abuse, corruption and criminality. Collective consciousness refuses to recognise the inheritance of these states as a legitimate way of acquiring high social status. Respondents believe that an honest path to enrichment should be associated with exceptional talent and selfless labour for the benefit of society. However, the components of a rich lifestyle (quality paid medicine, foreign travel) attract respondents.

Keywords: wealth, values, mobility, demonetization, legitimisation, Russia

REFERENCES

1. Bourdieu P. On the state: lectures at the Collège de France, 1989–1992. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANXiGS; 2016. 720 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7749-1191-2.
2. Meshcheryakova N. N. Features of anomie in modern Russian society: synergetic approach: speciality 22.00.01: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of sociological sciences. Moscow, 2015. 46 p. (In Russ.).
3. Kryshchanovskaya O. V. Has-Beens: trends of downward mobility of the Russian elite. *Social sciences and modernity=Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2003;(5):33–39. (In Russ.).
4. Kryshchanovskaya O., White S. The formation of Russia's network directorate. In: *Russia as a network state: what works in Russia when state institutions do not?* London: Palgrave Macmillan; 2011. P. 19–38. DOI [10.1057/9780230306707_2](https://doi.org/10.1057/9780230306707_2).
5. Schimpfoss E. Rich Russians: from oligarchs to bourgeoisie. Moscow: Individuum; 2022. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6048006-6-9.
6. Veblen T. The theory of the leisure class. Moscow: Izdatel'stvo AST; 2021. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-135295-0.
7. Weber M. Selected. Protestant ethics and the spirit of capitalism. 4th edition. Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarny'x iniciativ; 2017. 656 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98712-801-5.
8. Huizinga J. The autumn of the middle ages. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaxa; 2011. 786 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89059-166-1.
9. Mauss M. Essay about the gift. The form and basis of exchange in archaic societies. In: *Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology*. Ed. by A. B. Gofman. Moscow: KDU Publ.; 2011. P. 134–285. (In Russ.). ISBN 978-5-98227-695-7.
10. Kordonsky S. G. Power markets: administrative markets of the USSR and Russia. Moscow: OGI; 2006. 238 p. (In Russ.). ISBN 5-94282-359-6.
11. Bourdieu P. Social space and symbolic power. *THESIS*. 1993;(2):137–150. (In Russ.).
12. Beeghley L. The structure of social stratification in the United States. 5-th edition. New York: Routledge; 2016. 320 p.
13. Gilbert D. The american class structure in an age of growing inequality. 6-th edition. Wadsworth Publishing; 2002. 336 p.
14. Kordonsky S. G., Dehant D. K., Molyarenko O. A. The estate components of russia's contemporary social structure: a hypothetico-deductive analysis and modeling attempt.

- Universe of Russia. Sociology. Ethnology*=*Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*. 2012;21(2):62–102. (In Russ.).
15. Kryshtanovskaya O. Rich and poor in post-communist Russia. *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 1994;10(1):3–24. DOI [10.1080/13523279408415244](https://doi.org/10.1080/13523279408415244).
 16. Gorshkov M. K. [et al.] The new social reality of Russia. The rich. The poor. The middle class. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tihonova. Moscow: Nauka; 2004. 259 p. (In Russ.). ISBN 5-02-032849-9.
 17. Whorf B. L. Language, thought and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. Publisher: The MIT Press; 1964. 278 p.
 18. Kryshtanovskaya O. V., Meshcheryakova N. N. The rich, the poor & fair inequality. *Politeia=Politiya*. 2024;3(114):172–190. (In Russ.). DOI [10.30570/2078-5089-2024-114-3-172-190](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2024-114-3-172-190).
 19. Tikhonova N. E. Subjective stratification of Russian society model and its dynamic. *The Russian public opinion herald. Data. Analysis. Discussions*=*Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannya. Analiz. Diskussii*. 2018;1-2(126):17–29. (In Russ.).
 20. Boltanski L., Thevenot L. Criticism and justification of justice. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2013. 576 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-0079-9.
 21. Mareeva S. V. Monetary and non-monetary inequalities in modern Russian society: dynamics of the recent decade. *Sociological Studies*=*Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2024;(9):3–16. (In Russ.). DOI [10.31857/S0132162524090012](https://doi.org/10.31857/S0132162524090012).
 22. Urry J. Mobility. Moscow: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa Praksis; 2012. 576 p. (In Russ.). ISBN 978-5-901574-98-0.
 23. MacCannell D. The tourist: a new theory of the leisure class. New York: Schocken Books Inc.; 1976. 214 p.
 24. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Chichester: John Wiley; 1997. 256 p.
 25. Kuo L. China bans 23m from buying travel tickets as part of 'social credit' system. *The Guardian*. 01.03.2019. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/01/china-bans-23m-discredited-citizens-from-buying-travel-tickets-social-credit-system> (accessed: 10.01.2025).
 26. Romanov P. V. Russia and the West on the swings of history. V. 2. Moscow: Amfora; 2010. 541 p. (In Russ.). ISBN 978-5-367-01252-1.
 27. Durkheim E. The elementary forms of religious life: the totemic system in Australia. Moscow: E'lementarny'e formy'; 2018. 808 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9500244-3-6.

Information about the Authors

N. N. Meshcheryakova

Doctor of Sociology,
Head of the Department, Leading Researcher
ResearcherID: [0-1827-2015](https://orcid.org/0-1827-2015)
Scopus AuthorID: [57204495035](https://orcid.org/57204495035)

O. V. Kryshtanovskaya

Doctor of Sociology,
Director of Scientific Center
ResearcherID: [GLQ-7604-2022](https://orcid.org/GLQ-7604-2022)
Scopus AuthorID: [57215284957](https://orcid.org/57215284957)

Contribution of the authors:

N. N. Meshcheryakova – 60% (concept, preparation of the general theoretical basis, participation in writing all sections of the article).

O. V. Kryshtanovskaya – 40% (preparation of the methodological section, participation in writing all sections of the article).

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 20.02.2025; approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 10.04.2025.

УДК 316.4
DOI: 10.19181/snsp.2025.13.2.3
EDN: KOBQGD

Научная статья

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ОСТРОГО ВОСПРИЯТИЯ РОССИЯНАМИ ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ БОГАТЫМИ И БЕДНЫМИ В 2024 г.

Илья Васильевич Дудин

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,
dudiniv99@mail.ru,
ORCID 0000-0002-0025-9958

Для цитирования: Дудин И. В. Основные факторы острого восприятия россиянами противоречия между богатыми и бедными в 2024 г. // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 2. С. 45–66. DOI 10.19181/snsp.2025.13.2.3. EDN KOBQGD.

Аннотация. Противоречие между богатыми и бедными всегда воспринималось россиянами особо остро, являясь для населения нашей страны одним из наиболее болезненных факторов, а отношение к нему влияло на уровень социальной напряжённости в обществе и степень консолидированности социума. Однако причины такого отношения не просты и далеко не очевидны. Значимость обозначенной проблематики особо актуальна в условиях обострения внешних вызовов для России в последние годы. В статье на данных репрезентативных общероссийских исследований ИС ФНИСЦ РАН за 2024 год с использованием регрессионного анализа показано, что на остроту восприятия противоречия между богатыми и бедными в современной России существенно не влияют ни пол, ни возраст, ни уровень образования, ни даже уровень доходов. Однако объективные условия жизни, особенности жизненного опыта оказывают влияние на это восприятие. Особую роль в этом отношении играют наличие в семье хронически больных с ограниченной трудоспособностью, не являющихся инвалидами 1 и 2 групп, отсутствие в домохозяйстве ставшего для россиян маркером благополучия автомобиля, негативные оценки состояния собственного здоровья, проживание в браке, а также отсутствие доходов от собственности. Решающую роль в отношении к указанному противоречию играют факторы субъективно-мировоззренческого характера. При этом сочетание двух групп этих факторов усиливает влияние на восприятие населением разрыва между богатыми и бедными. Одна из них включает представления о динамике и правильности развития страны (негативная оценка динамики в социальной сфере, особенно ситуации с пенсиями, уровнем жизни, социальной справедливостью), что свидетельствует о конфликте представлений о том, как должно быть устроено общество, с повседневной реальностью. Вторая группа факторов включает представления о реальных проблемах, с которыми человек сталкивается в своей жизни и которые он сам по разным причинам не в состоянии решить самостоятельно (неудовлетворённость качеством своего питания, одежды или же уровнем своего материального благополучия в целом и перспективами его роста).

© Дудин И. В., 2025

Ключевые слова: социальные противоречия, межгрупповые конфликты, межгрупповые противоречия, консолидация общества, социальная напряжённость, массовое сознание, богатые и бедные

Введение

Каждое общество обладает своими уникальными особенностями, включая характерные для него социальные противоречия. Однако одно такое противоречие с древнейших времён присутствует в той или иной форме практически во всех обществах – это противоречие, обусловленное неравенством экономических возможностей, чаще всего обозначаемое как противоречие между богатыми и бедными.

Экономическое неравенство имеет глубокие исторические корни и выражается, к примеру, в различиях доступа к ресурсам, образованию, здравоохранению, а также в уровне жизни различных социальных групп. Оно может быть обусловлено множеством факторов, включая историю страны, уровень её технологического развития, государственную политику и степень экономической свободы. В разные исторические эпохи отношение к этому виду неравенства менялось: от принятия его как естественного порядка вещей до активной борьбы за социальную справедливость в форме революций.

Влияние этого противоречия на различные социальные процессы, а также его специфика в разных типах обществ изучались многими исследователями. Они уделяли внимание также тому, как люди воспринимают разрыв в возможностях богатых и бедных и какие факторы определяют их отношение к нему, ведь одно и то же неравенство может восприниматься по-разному не только в разных странах, но даже в различных регионах одной страны.

Особенно важно учитывать особенности восприятия этого противоречия в периоды, когда внешние вызовы усиливаются, а потребность в сплочённости общества возрастает. В такие моменты противоречие между богатыми и бедными становится одной из наиболее серьёзных угроз общественной консолидации, резко актуализируя необходимость понимания факторов, определяющих отношение к нему.

Объектом исследования, представленного в статье, является массовое сознание, а его предметом – субъективные и объективные детерминанты, влияющие на восприятие россиянами рассматриваемого противоречия. Целью анализа выступает оценка сравнительной роли различных детерминант восприятия россиянами противоречия между богатыми и бедными как одного из трёх наиболее острых межгрупповых противоречий современного российского социума (два других – это противоречия между сторонниками и противниками политики России в отношении Украины, а также между олигархами и остальным обществом). Исходя из обозначенной цели были поставлены следующие задачи.

1. Выделить объективные и субъективные факторы, которые потенциально могут способствовать острому восприятию населением России противоречия между богатыми и бедными.

2. Оценить их сравнительную значимость на основе результатов регрессионного анализа.

3. Определить перспективы восприятия россиянами противоречия между богатыми и бедными в ближайшее время.

Теоретико-методологические основания и эмпирическая база исследования

Исследование межгрупповых противоречий, в том числе и между богатыми и бедными, имеет многовековую историю. Современные западные исследователи сосредоточиваются преимущественно на глобальных аспектах этого явления. Например, У. Бек анализирует различия между обществами, которые перераспределяют богатство, и теми, что распределяют риски [1], а Э. и П. Даль Бё утверждают, что этот конфликт является центральным элементом социальных противоречий на мировой арене [2].

За последние десятилетия подход к изучению экономического неравенства значительно расширился: теперь внимание уделяется не только его финансовым аспектам, но и немонетарным факторам, в том числе расширенным (нетипичным) жизненным шансам или рискам и депривациям. В рамках этого подхода противопоставление «богатых и бедных» всё чаще рассматривается как антагонизм «благополучных и неблагополучных». Тем не менее классические исследования монетарного неравенства остаются актуальными и сегодня. Так, Т. Пикетти в своём труде «Капитал в XXI веке» [3] показывает, что имущественное расслоение всегда значительно сильнее, чем различия в доходах от труда. Он также утверждает, что капитал накапливается быстрее, чем растут зарплаты, что приводит к закреплению господства обеспеченных классов и усилению социальной поляризации через наследование богатства.

Однако углубление различных форм экономического неравенства не всегда означает рост болезненности восприятия противоречия между богатыми и бедными. Это связано с тем, что, как установил один из основоположников теории «экономики счастья» Р. Истерлин, рост доходов повышает субъективное благополучие только до определённого предела, после которого субъективное восприятие уровня жизни становится важнее объективного материального достатка [4]. Феномен впоследствии получил название «парадокс Истерлина». В продолжение этой темы Е. Динер и Р. Бисвас-Динер обнаружили, что экономический рост в развитых странах не ведёт к увеличению удовлетворённости жизнью [5].

С другой стороны, даже при отсутствии индивидуальных улучшений, на восприятие человеком существующих экономических неравенств влияет характер типичной для определённого общества социальной мобильности. Согласно концепции «туннельного эффекта» А. Хиршмана, если человек видит примеры успешного продвижения по социальной лестнице похожих на него людей, он становится более терпимым к существующим экономическим неравенствам [6].

Ещё одну группу факторов, влияющих на отношение к противоречию между богатыми и бедными, рассматривали С. Хинг, А. Уилсон и их коллеги [7]. В своём исследовании они установили, что восприятие неравенства доходов тесно связано с удовлетворённостью государственным здравоохранением, образованием, страхованием от безработицы или пенсиями по старости. При этом повышение уровня неравенства способно увеличивать запрос на перераспределение государством доходов и совершенствование работы сфер, обеспечивающих общественные блага. Отдельно коллективом данных авторов выделялась важность в формировании оценок остроты доходного неравенства таких факторов, как ощущение несправедливости и социально-экономический статус. Вопрос заключается в том, какой уровень неравенства члены определённого общества считают допустимым. Именно справедливость в их глазах сложившейся в этом отношении ситуации будет влиять на легитимность для них существующего неравенства. То же касается и их личного социально-экономического статуса. До тех пор, пока индивид принимает свой статус в социальной системе как справедливый, даже глубокое неравенство доходов будет восприниматься им как допустимое. Иными словами, люди не будут осуждать неравенство, которое они не воспринимают как несправедливое.

Ё. Козал и Г. Гюнал в своём исследовании с использованием метода логистической регрессии установили, что на восприятие экономического неравенства влияют оценки людьми своего материального благополучия, общая удовлетворённость своей жизнью, а также место жительства и уровень образования [8]. Тем самым они продемонстрировали большую значимость для этого восприятия не объективных, а субъективных факторов, относящихся к микроуровню.

Таким образом, зарубежными учёными был выделен довольно большой спектр факторов, влияющих на восприятие экономических неравенств. В их числе в первую очередь следует назвать оценки людьми своего материального благополучия и своей жизни в целом, неудовлетворённость ситуацией в сферах, обеспечивающих общественные блага, а также ограниченные возможности социальной мобильности для таких людей, как они. Практически все вышеописанные факторы были учтены в исследовании, результаты которого представлены в данной статье.

В российском контексте восприятие разрыва между богатыми и бедными также во многом определяется, как было показано ранее отечественными исследователями [9], представлениями о справедливости распределения ресурсов. Хотя к 2010-м гг. уровень жизни вырос в России до 70-75% от среднего показателя Западной Европы, этот рост был неравномерным и преимущественно касался верхних 10% населения [10]. При этом сам индивидуальный жизненный успех состоятельных людей многие россияне склонны объяснять не упорным трудом и высокой квалификацией человека, а наличием у него связей [9]. Обращалось исследователями внимание и на то, что большое значение для восприятия экономических неравенств россиянами имеет их состояние здоровья [11], во многом определяющее их объективные возможности самостоятельного решения своих проблем.

Это означает, что изучение факторов восприятия противоречия между богатыми и бедными требует комплексного подхода, учитывающего не только материальные показатели, но также субъективные и иные факторы. Среди последних российские исследователи обычно выделяют не только состояние здоровья, но и доступ представителей различных социальных групп к образованию, их понимание справедливости, степень субъективного материального благополучия, возможность самостоятельно решать свои проблемы, соответствие доходов россиян их ожиданиям и т. д. Кроме того, было показано, что и в России те, кто сумел подняться по социальной лестнице, воспринимают неравенство менее болезненно [12; 13; 14]. Всё это также было учтено при выработке методологии авторского исследования.

С методологической точки зрения при анализе восприятия социального противоречия между богатыми и бедными важно учитывать также соответствие типичного уровня благосостояния граждан экономическому развитию страны, глубину разрыва в доходах, его причины, специфику распределения ресурсов среди населения и т. д. Отечественные исследователи показали, что в России наблюдается относительно небольшое неравенство среди подавляющего большинства населения, но при этом существует значительный разрыв между «верхушкой общества» и остальными его членами [15; 16; 17; 18]. Ими отмечалась также нелегитимность существующей модели распределения доходов в массовом сознании [19]. Однако все эти исследования в основном касаются отношения к экономическим неравенствам в целом, тогда как восприятие противоречия между богатыми и бедными изучалось сравнительно мало, а формирующие его факторы вообще не становились применительно к современной России предметом самостоятельного исследования.

Чаще встречаются исследования [20; 21; 22; 23], в которых анализируется восприятие россиянами межгрупповых противоречий в целом, а также их динамика и типология. Возможно, это связано с тем, что социальное напряжение в России формируется не столько из-за конфликта бедных и богатых самого по себе, сколько из-за восприятия «праведности» или «неправедности» нажитого богатства [9].

Все эти объективные характеристики и особенности мировоззрения россиян также были учтены в проведённом исследовании, эмпирической базой которого являются данные мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН. Опросы в рамках этого мониторинга проводятся не реже одного раза в год, начиная с октября 2014 г., по общероссийской квотной выборке, репрезентирующей население страны от 18 лет и старше. На первой ступени формирования выборки районирование осуществляется по федеральным округам. Вторая ступень предполагает выделение в составе каждого федерального округа типичных для него субъектов РФ. На третьей ступени внутри субъектов РФ на основе статистических данных ФСГС РФ рассчитываются квоты по типам поселений. На четвертой ступени, также на основе данных ФСГС РФ, определяются квоты по полу и возрасту. В статье используются данные опроса, проходившего в апреле 2024 г.

(N = 2000). Общее число переменных этого массива данных превышало 600, а их характер позволял операционализировать практически все упоминавшиеся в научной литературе факторы восприятия экономических неравенств.

Основные факторы восприятия остроты противоречия между богатыми и бедными – по данным логистической регрессии

В дополнение к анализу литературы при отборе показателей для регрессии в ходе описываемого исследования был проведён корреляционный анализ взаимосвязей всех без исключения переменных массива данных мониторинга ИС ФНИСЦ РАН 2024 г. с упоминанием противоречия между богатыми и бедными в числе наиболее острых для современного российского общества проблем, ставший предметом отдельной публикации автора данной статьи [24]. Этот анализ включал две версии оценки корреляционных связей: использование коэффициента корреляции Спирмена и алгоритма Chaid¹. На основе выделения по результатам этого анализа переменных, имевших наиболее сильные статистически значимые связи с острым восприятием рассматриваемого противоречия, был проведён их дополнительный содержательный анализ, предполагавший оценку доли выбиравших соответствующее противоречие в полярных группах, выделенных на основании противоположных ответов на различные вопросы анкеты [24] с помощью таблиц сопряжённости и показателей стандартизированных остатков. Переменные, показавшие наибольшую значимость как по итогам обзора литературы, так и по итогам всех перечисленных выше этапов статистического анализа², и послужили основой для построения моделей логистической регрессии, описываемых в статье. Таким образом, отбор переменных для регрессии включал несколько этапов и был направлен на максимальное сокращение в ходе него числа включаемых в регрессию переменных за счёт выявления разными способами наиболее значимых из них. В итоге если сначала, на основе корреляционного анализа, было отобрано почти 60 наиболее значимых переменных, то по итогам анализа статистики распределения ответов в полярных группах, о которых было упомянуто выше, их число было сокращено вдвое (до 28). С этими 28 переменными и проводилась дальнейшая работа.

Сам регрессионный анализ также проводился в несколько этапов. В качестве зависимой переменной для него были выбраны оценки противоречия между богатыми и бедными как одного из трёх наиболее острых для современной России противоречий или же отсутствие такой оценки. Соответственно, далее встала задача классификации индивидов в две эти группы на основании определённых наиболее характерных для них признаков. Для этого обычно используются логистические регрессионные модели. В исходную модель в ходе дальнейшего

¹ Chaid (Chi-square automatic interaction detection) используется для анализа статистической взаимосвязи переменных по показателям Хи-квадрат.

² Отметим, что они фактически совпали, хотя при корреляционном анализе набор значимых переменных оказался заметно шире, чем их список, упоминаемый в литературе.

анализа были включены демографические и социально-экономические переменные, а также переменные, характеризующие оценки респондентами состояния своего здоровья (см. табл. 1).

Таблица 1
Описание независимых переменных, вошедших в исходную (базовую) модель регрессионного анализа

Показатель	Распределение значений, % от ответивших
Пол	Мужской – 46,7 Женский – 53,3 (база)
Наличие работы	Работают – 70,5 Не работают 29,5 (база)
Уровень образования	Высшее – 33,5 Среднее профессиональное – 50,0 Без профессионального – 16,5 (база)
Тип населённого пункта	Москва и Санкт-Петербург – 12,6 Центры субъектов РФ – 27,2 Прочие города – 29,1 Сёла и ПГТ – 31,1 (база)
Возраст	Непрерывная переменная, значения от 18 до 88 лет
Среднедушевой доход в семье относительно поселенческой медианы	От 2 медиан и выше – 7,5 1,26–2 медианы – 20,5 0,76–1,25 медианы – 37,3 До 0,75 медианы – 24,7 (база)
Наличие автомобиля	Есть автомобиль – 55,6 Нет автомобиля – 44,4 (база)
В семье есть хронические больные с ограниченной трудоспособностью, не являющиеся инвалидами 1 и 2 групп	Есть такие больные – 4,3 Нет таких больных – 95,7 (база)
Оценки собственного здоровья	Плохо – 11,6 Удовлетворительно – 57,7 Хорошо – 30,7 (база)
Семейное положение	Женаты/Замужем – 59,6 Остальные – 40,4 (база)
Доходы от собственности	Нет доходов от собственности – 95,8 Есть доходы от собственности – 4,2 (база)

Таким образом, модель включала характеристики, которые являются традиционными основаниями для выделения социальных групп, поэтому она была названа «базовой». Именно на её основе были построены все последующие модели, включившие в себя наряду с вошедшими в неё также различные переменные, связанные с мировосприятием человека, в том числе ощущение им своего места в обществе и восприятие своей жизни. Наиболее значимыми

среди 18 анализировавшихся на этом этапе исследования переменных субъективного характера оказались 11, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2

Описание независимых переменных субъективно-оценочного характера, добавлявшихся по одной в остальные модели регрессионного анализа

Показатель	Распределение значений, % от ответивших
Оценки своих перспектив в материальном плане на следующий год	Перспективы улучшатся – 35,0 (база) Перспективы останутся без изменений – 45,4 Перспективы ухудшатся – 19,6
Оценки своей возможности получения необходимого образования и знаний	Хорошо – 27,6 (база) Удовлетворительно – 55,1 Плохо – 12,9
Оценки возможности влияния на свою жизнь	Хорошо – 22,7 (база) Удовлетворительно – 60,0 Плохо – 17,0
Оценки своей возможности получения качественной медицинской помощи	Хорошо – 17,5 (база) Удовлетворительно – 53,5 Плохо – 28,8
Оценки своей материальной обеспеченности	Хорошо – 22,8 (база) Удовлетворительно – 60,2 Плохо – 16,8
Оценки своего питания	Хорошо – 41,0 (база) Удовлетворительно – 53,9 Плохо – 5,0
Оценки своей одежды	Хорошо – 35,2 (база) Удовлетворительно – 58,4 Плохо – 6,2
Оценки своих жилищных условий	Хорошо – 43,9 (база) Удовлетворительно – 49,0 Плохо – 6,9
Оценки динамики ситуации с социальной справедливостью в стране за последние 10 лет	Ситуация улучшилась – 13,4 (база) Ситуация осталась прежней – 57,0 Ситуация ухудшилась – 29,3
Оценки динамики ситуации с пенсионным обеспечением в стране за последние 10 лет	Ситуация улучшилась – 19,4 (база) Ситуация осталась прежней – 56,9 Ситуация ухудшилась – 23,3
Оценки динамики ситуации с уровнем жизни населения в стране за последние 10 лет	Ситуация улучшилась – 19,4 (база) Ситуация осталась прежней – 44,3 Ситуация ухудшилась – 36,0

Отдельно стоит отметить, что поскольку, как показал корреляционный анализ, многие из этих субъективных характеристик сильно коррелируют друг с другом, то во избежание мультиколлинеарности они рассматривались по одной,

т. е. каждая из построенных моделей включала все переменные базовой модели плюс одну переменную субъективного характера. При этом добавление каждой из них не ухудшало качество построенных с их использованием моделей¹.

Как показал проведённый анализ, переменные из базовой модели имеют сравнительно низкую статистическую значимость и не объясняют причин острого восприятия россиянами противоречия между богатыми и бедными (см. табл. 3). Однако они были оставлены в качестве контрольных при включении в модели субъективно-мировоззренческих характеристик респондентов. Те из них, которые относятся к оценкам респондентами своих возможностей, не носящим жёстко монетарного характера (модели 1–4), представлены в таблице 3, а прямо завязанные на нехватку денег – в таблице 4.

Таблица 3

Результаты построения регрессионных моделей с оценками респондентами своих немонетарных возможностей

Независимые переменные	Модели				
	Базовая	1	2	3	4
Константа	-1,527***	-1,717***	-1,927***	-2,028***	-2,059***
Пол (база – женский)	0,130	0,114	0,116	0,127	0,127
Возраст	0,006	0,003	0,006	0,005	0,006
Наличие работы (база – нет работы)	-0,092	-0,106	-0,079	-0,083	-0,121
Отсутствие автомобиля (база – есть автомобиль)	0,484***	0,458***	0,427***	0,450***	0,480***
В семье есть хронические больные с ограниченной трудоспособностью, не являющиеся инвалидами 1 и 2 групп (база – нет таких больных)	0,970***	0,947***	0,961***	0,978***	0,966***
Замужем/женаты (база – не замужем / не женаты)	0,232	0,228	0,215	0,247	0,222
Нет доходов от собственности (база – есть доходы от собственности)	0,851***	0,835***	0,965***	0,803***	0,809***
<i>Среднедушевой доход в семье относительно поселенческой медианы (база – 0,75 медианы)</i>					
0,76–1,25 медианы	-0,217	-0,171	-0,224	-0,181	-0,197
1,26–2 медианы	0,069	0,114	0,119	0,172	0,114
от 2 медиан	-0,181	-0,076	-0,095	-0,076	-0,078
<i>Оценки состояния своего здоровья (база – хорошо)</i>					
Удовлетворительно	0,242	0,152	0,122	0,082	0,102
Плохо	0,496	0,313	0,402	0,289	0,321

¹ При добавлении любой из этих дополнительных переменных в регрессионную модель фиксировалось уменьшение значений информационных критериев (AIC и BIC), а также рост показателей псевдо-R², что свидетельствует об относительном улучшении качества модели и о значимости включаемых показателей.

Окончание Таблицы 3

Независимые переменные	Модели				
	Базовая	1	2	3	4
<i>Уровень образования (база – школьный уровень)</i>					
Среднее профессиональное образование	0,015	0,049	0,012	0,025	0,018
Высшее образование	-0,021	0,009	0,054	-0,010	0,031
<i>Тип поселения по месту проживания (база – сельская местность, т. е. сёла и посёлки городского типа)</i>					
Москва и Санкт-Петербург	0,208	0,232	0,147	0,196	0,237
Центры субъектов РФ	0,178	0,180	0,275	0,163	0,207
Прочие города	0,252	0,243	0,343	0,225	0,292
<i>Оценки своих перспектив в материальном плане на следующий год (база – хорошо)</i>					
Удовлетворительно	-	0,360*	-	-	-
Плохо	-	0,643***	-	-	-
<i>Оценки своих возможностей получения необходимого образования и знаний (база – хорошо)</i>					
Удовлетворительно	-	-	0,495***	-	-
Плохо	-	-	0,524	-	-
<i>Оценки возможности влияния на свою жизнь (база – хорошо)</i>					
Удовлетворительно	-	-	-	0,713***	-
Плохо	-	-	-	0,697***	-
<i>Оценки своих возможностей получения качественной медицинской помощи (база – хорошо)</i>					
Удовлетворительно	-	-	-	-	0,643***
Плохо	-	-	-	-	0,754***

Примечание. В таблице приведены значения коэффициентов β при соответствующих независимых переменных, *** – 1% уровень значимости, ** – 5% уровень значимости, * – 10% уровень значимости.

Как видно из таблицы 3, все четыре оценки (возможностей влияния на свою жизнь, доступности качественной медицинской помощи, перспектив изменения своего материального положения, доступности необходимого образования и знаний¹⁾) оказывают заметное влияние на вероятность восприятия россиянами противоречия между богатыми и бедными как острого. Однако наличие в семье хронических больных с ограниченной трудоспособностью, не являющихся инвалидами 1 и 2 групп, а также отсутствие доходов от собственности демонстрируют ещё большую статистическую значимость. В то же время отсутствие автомобиля в домохозяйстве влияет на отношение к данному противоречию в меньшей степени, чем оценки указанных выше сторон жизни.

¹ Перечислены в порядке убывания их статистической значимости.

Но есть и оценки, которые прямо касаются различных сторон материального положения респондентов. Они также связаны с местом человека в системе социально-экономических неравенств, но прямо замыкаются на его финансовые возможности (в то время как оценки из моделей 1–4 могут обуславливаться огромным числом разнообразных факторов – местом жительства респондента, его возрастом, здоровьем, составом семьи, образованием, характером занятости и т. д.). Результаты регрессионных моделей, построенных с использованием этих переменных, представлены в таблице 4.

Таблица 4

Результаты построения регрессионных моделей с оценками респондентами различных сторон своего текущего материального положения

Независимые переменные	Модели				
	Базовая	5	6	7	8
Константа	-1,527***	-2,005***	-1,843***	-1,772***	-1,776***
Пол (база – женский)	0,130	0,124	0,093	0,110	0,094
Возраст	0,006	0,007	0,006	0,006	0,007
Наличие работы (база – нет работы)	-0,092	-0,129	-0,139	-0,127	-0,066
Отсутствие автомобиля (база – есть автомобиль)	0,484***	0,424***	0,436***	0,453***	0,455***
В семье есть хронические больные с ограниченной трудоспособностью, не являющиеся инвалидами 1 и 2 групп (база – нет таких больных)	0,970***	0,954***	0,969***	0,943***	0,967***
Замужем/женаты (база – не замужем / не женаты)	0,232	0,255	0,257	0,239	0,255
Нет доходов от собственности (база – есть доходы от собственности)	0,851***	0,818***	0,793***	0,812***	0,830***
<i>Среднедушевой доход в семье относительно поселенческой медианы (база – 0,75 медианы)</i>					
0,76–1,25 медианы	-0,217	-0,166	-0,133	-0,177	-0,186
1,26–2 медианы	0,069	0,166	0,199	0,147	0,107
от 2 медиан	-0,181	0,000	0,006	-0,076	-0,116
<i>Оценки состояния своего здоровья (база – хорошо)</i>					
Удовлетворительно	0,242	0,040	0,062	0,054	0,095
Плохо	0,496	0,160	0,189	0,213	0,262
<i>Уровень образования (база – школьный уровень)</i>					
Среднее профессиональное образование	0,015	0,019	0,047	0,035	0,066
Высшее образование	-0,021	0,021	0,017	0,014	0,025
<i>Тип поселения по месту проживания (база – сельская местность, т. е. сёла и посёлки городского типа)</i>					
Москва и Санкт-Петербург	0,208	0,205	0,233	0,229	0,213

Окончание Таблицы 4

Независимые переменные	Модели				
	Базовая	5	6	7	8
Центры субъектов РФ	0,178	0,161	0,200	0,183	0,182
Прочие города	0,252	0,242	0,261	0,260	0,261
<i>Оценки своей материальной обеспеченности (база – хорошо)</i>					
Удовлетворительно	-	0,500**	-	-	-
Плохо	-	0,915***	-	-	-
<i>Оценки своего питания (база – хорошо)</i>					
Удовлетворительно	-	-	0,444***	-	-
Плохо	-	-	0,897***	-	-
<i>Оценки своей одежды (база – хорошо)</i>					
Удовлетворительно	-	-	-	0,416**	-
Плохо	-	-	-	0,640	-
<i>Оценки своих жилищных условий (база – хорошо)</i>					
Удовлетворительно	-	-	-	-	0,344*
Плохо	-	-	-	-	0,457

Примечание. В таблице приведены значения коэффициентов β при соответствующих независимых переменных, *** – 1% уровень значимости, ** – 5% уровень значимости, * – 10% уровень значимости.

Как видно из таблицы 4, негативные оценки респондентами своей материальной обеспеченности и питания оказываются сопоставимы по своей значимости с наличием в семье хронических больных с ограничениями трудоспособности, не имеющих инвалидности, и даже превосходят такую переменную, как отсутствие доходов от собственности. В то же время восприятие своей одежды и тем более жилищных условий как плохих хотя и статистически значимо, но в гораздо меньшей степени влияет на оценки остроты противоречия между богатыми и бедными для современного россиянина.

Наконец, в числе 11 анализировавшихся субъективно-мировоззренческих характеристик была ещё одна группа их оценок. Она включает 3 показателя, относящихся уже не к оценкам респондентами связанных с их местом в системе социально-экономических неравенств сторон жизни, а к динамике ситуации в стране и связанным с ней эмоциям. Данные по построенным с использованием относящихся к этой группе переменных моделям представлены в таблице 5.

Из представленных выше данных можно сделать ряд выводов. Так, уже исходя из результатов анализа базовой модели понятно, что в российских условиях наибольшее значение для острого восприятия противоречия между богатыми и бедными среди всех показателей, не связанных с мировоззрением, имеет такой показатель, как наличие в семье тяжёлых хронических больных,

Таблица 5

Результаты построения регрессионных моделей с оценками роли динамики ситуации в некоторых сферах жизни российского общества для восприятия противоречия между богатыми и бедными как одного из наиболее острых

Независимые переменные	Модели			
	Базовая	9	10	11
Константа	-1,527***	-1,945***	-2,391***	-2,353***
Пол (база – женский)	0,130	0,144	0,092	0,111
Возраст	0,006	0,007	0,007	0,007
Наличие работы (база – нет работы)	-0,092	-0,101	-0,097	-0,108
Отсутствие автомобиля (база – есть автомобиль)	0,484***	0,485***	0,493***	0,442***
В семье есть хронические больные с ограниченной трудоспособностью, не являющиеся инвалидами 1 и 2 групп (база – нет таких больных)	0,970***	0,943***	0,859***	0,922***
Замужем/женаты (база – не замужем / не женаты)	0,232	0,229	0,228	0,188
Нет доходов от собственности (база – есть доходы от собственности)	0,851***	0,839***	0,840***	0,902***
<i>Среднедушевой доход в семье относительно поселенческой медианы (база – 0,75 медианы)</i>				
0,76–1,25 медианы	-0,217	-0,207	-0,170	-0,190
1,26–2 медианы	0,069	0,084	0,126	0,133
От 2 медиан	-0,181	-0,107	-0,115	-0,102
<i>Оценки состояния своего здоровья (база – хорошо)</i>				
Удовлетворительно	0,242	0,168	0,137	0,127
Плохо	0,496	0,364	0,330	0,328
<i>Уровень образования (база – школьный уровень)</i>				
Среднее профессиональное образование	0,015	0,032	0,062	0,035
Высшее образование	-0,021	-0,001	0,014	0,010
<i>Тип поселения по месту проживания (база – сельская местность, т. е. сёла и посёлки городского типа)</i>				
Москва и Санкт-Петербург	0,208	0,233	0,242	0,156
Областные, краевые и республиканские центры	0,178	0,166	0,160	0,124
Районные центры и города, не являющиеся районными	0,252	0,257	0,290	0,256

Окончание Таблицы 5

Независимые переменные	Модели			
	Базовая	9	10	11
<i>Оценки динамики ситуации с социальной справедливостью в стране за последние 10 лет (база – ситуация улучшилась)</i>				
Ситуация осталась прежней	-	0,324	-	-
Ситуация ухудшилась	-	0,654***	-	-
<i>Оценки динамики ситуации с пенсионным обеспечением в стране за последние 10 лет (база – ситуация улучшилась)</i>				
Ситуация осталась прежней	-	-	0,885***	-
Ситуация ухудшилась	-	-	1,257***	-
<i>Оценки динамики ситуации с уровнем жизни населения в стране за последние 10 лет (база – ситуация улучшилась)</i>				
Ситуация осталась прежней	-	-	-	0,905***
Ситуация ухудшилась	-	-	-	1,167***

Примечание. В таблице приведены значения коэффициентов β при соответствующих независимых переменных, *** – 1% уровень значимости, ** – 5% уровень значимости, * – 10% уровень значимости.

не являющихся инвалидами 1 и 2 групп. Видимо, этот фактор, резко ухудшающий положение семьи, способствует появлению ощущения несправедливости сложившейся в России системы доходного неравенства. Серьезные проблемы со здоровьем у кого-то из членов семьи, с которыми люди остаются наедине, сильно влияют на их оценку справедливости своего места в системе неравенств и происходящего вокруг, так как они не получают необходимой им помощи от государства. Установленный факт свидетельствует о необходимости улучшения медицинского обслуживания, снятия государством части тяжести по уходу за хроническими больными с семьи. Значимы для восприятия остроты противоречия между богатыми и бедными также негативные оценки респондентами состояния собственного здоровья. Они влияют на ощущение несправедливости жизни, поскольку зачастую это не зависящий напрямую от самого индивида фактор, ухудшающий его жизнь. Ощущение несправедливости, а зачастую и обусловленное собственным плохим здоровьем или необходимостью ухода за тяжело больным членом семьи чувство социальной изоляции, могут привести к стрессу, который, в свою очередь, способствует ухудшению здоровья. В таких условиях целесообразным представляется формирование системы мер по помощи домохозяйствам с тяжело больными членами семьи, особенно лежачими, – от гарантированного обеспечения бесплатными лекарствами и предметами ухода до льготированной оплаты сиделок на несколько часов в день.

Обостряет болезненность восприятия противоречия между богатыми и бедными также отсутствие автомобиля, ставшего для россиян маркером

благополучия. Немаловажным фактором, влияющим на болезненное восприятие рассматриваемого противоречия, является также проживание в браке. Значимость его обусловлена, видимо, тем, что вступление в брак ведёт к росту финансовых и социальных обязательств, осознанию респондентами ограниченности своих возможностей для улучшения не только собственного положения, но и положения значимых для них людей и т. п. Кроме того, относительно острее противоречие между богатыми и бедными воспринимают жители небольших городов и не имеющие доходов от собственности. При этом пол, возраст, уровень образования и даже среднедушевой доход в семье, судя по результатам регрессионного анализа, очень слабо влияют на отношение россиян к рассматриваемому противоречию.

Что же касается моделей 1–8, то прежде всего стоит отметить, что вне зависимости от характера дополнительно включаемой переменной, в них практически не изменялась значимость таких объективных факторов, как отсутствие автомобиля, проживание в средних и малых городах, наличие в домохозяйстве не являющихся инвалидами 1 и 2 групп хронических больных с ограниченной трудоспособностью, проживание в браке, а также отсутствие доходов от собственности. Однако в большинстве случаев существенно снижалась при добавлении субъективных оценок респондентами своей личной ситуации значимость восприятия собственного здоровья. При этом те объективные показатели, которые не продемонстрировали высокую значимость в базовой модели, не продемонстрировали её и в последующих регрессионных моделях.

Почти максимальная значимость обнаружилась в субъективных оценках россиянами различных аспектов своего места в системе социально-экономических неравенств. Самыми же главными факторами оказались (судя по показателям коэффициента β) удовлетворительные или негативные оценки возможностей влияния на свою жизнь, негативные оценки собственного питания и одежды, а также отрицательные оценки уровня своей материальной обеспеченности и перспектив её роста. Стоит также отметить, что наиболее значимыми для восприятия противоречия между богатыми и бедными как острого оказывались обычно (единственное исключение – оценки возможностей влияния на свою жизнь) именно плохие, а не удовлетворительные оценки связанных с местом человека в системе социально-экономических неравенств сторон своей жизни. Однако при этом у последних показатель коэффициента β всё равно был достаточно высоким (не менее 0,34).

Стабильно высокая значимость (даже при включении в базовую модель субъективных переменных) таких факторов, как отсутствие автомобиля, наличие в семье не являющихся инвалидами 1 и 2 групп хронических больных с ограниченной трудоспособностью, нахождение в браке или проживание в средних и малых городах, показывает, что объективные факторы всё же очень существенно влияют на формирование не только взглядов на своё место в системе социально-экономических неравенств, но и самой субъективной картины мира за счёт накопления определённого жизненного опыта.

Не менее примечательными оказались данные моделей 9–11. Особого внимания заслуживает среди них значимость для формирования болезненного отношения к противоречию между богатыми и бедными негативного восприятия динамики в сфере пенсионного обеспечения. Именно этот показатель оказался наиболее значимым из нескольких сотен переменных анализировавшегося массива данных, обогнав даже фактор наличия в домохозяйстве не являющихся инвалидами 1 и 2 групп хронических больных с ограниченной трудоспособностью. В абсолютных цифрах это означает, что среди оценивавших динамику в данной сфере негативно противоречие между богатыми и бедными называли острым втрое чаще, чем среди оценивавших её позитивно. При этом сама по себе принадлежность к числу пенсионеров никакой особой значимости в этом отношении не продемонстрировала. Негативные оценки динамики изменений уровня жизни населения и социальной справедливости в стране за последние 10 лет также показали по результатам регрессионного анализа высокую значимость для болезненного восприятия противоречия между богатыми и бедными. Всё это лишний раз доказывает особую важность для восприятия россиянами противоречия между богатыми и бедными ощущения несправедливости не только в отношении себя лично, но и в отношении жизненных условий других людей и сложившейся в обществе ситуации.

Таким образом, проведённый анализ позволяет говорить о значимости для формирования социально-политических взглядов россиян не только различных объективных факторов, но и субъективной реальности, т. е. той картины мира, которая существует в их сознании. Об этом свидетельствует, в частности, и тот факт, что именно субъективно-оценочные характеристики динамики изменений в различных сферах жизни в стране оказались теснее всего связаны с острым восприятием противоречия между богатыми и бедными. Более того, 12 из 15 переменных, показавших по результатам построения 11 моделей наиболее тесные связи с этим восприятием, составляют субъективно-мировоззренческие характеристики респондентов.

Выводы

Противоречие между богатыми и бедными по-прежнему остаётся в восприятии россиян в числе острейших для российского общества. Как показывает регрессионный анализ, такие характеристики, как пол, возраст, уровень образования и даже среднедушевой доход в домохозяйстве, слабо влияют на восприятие населением противоречия между богатыми и бедными. Формирование отношения к нему зависит прежде всего от той картины мира, которая сложилась в сознании россиян, а не от их реального материального положения. Объективные условия жизни также влияют на это восприятие через накопленный человеком жизненный опыт. Особую роль в этом отношении играют те особенности этого опыта, которые связаны с ощущением несправедливости сложившейся в российском обществе ситуации, например – с наличием в семье

хронических больных с ограниченной трудоспособностью, не являющихся инвалидами 1 и 2 групп, с проживанием в браке и рядом других, то есть с теми объективными факторами, которые связаны с сокращением возможностей изменить к лучшему свою жизнь или с ростом финансовых и социальных обязательств, а не с уровнем реального дохода.

Что же касается различных сторон собственной жизни россиян, то ключевую роль в формировании восприятия противоречия между богатыми и бедными как острого играют неудовлетворённость качеством питания, одежды, своим материальным благополучием в целом и перспективами его роста. Из немонетарных аспектов жизни значимы прежде всего отсутствие возможности повлиять на своё будущее и трудности с получением необходимой медицинской помощи, то есть те стороны жизни, в которых по независящим от него причинам формируются серьёзные риски для будущего человека. Не удивительно в этих условиях, что для оценок возможностей влиять на собственную жизнь наиболее значимыми оказались оценки «удовлетворительно», в то время как для оценок всех остальных сторон жизни – только «плохо».

Восприятие респондентами своей ситуации как не обеспечивающей удовлетворение базовых потребностей и создающей риски на будущее часто сопровождается ощущением несправедливости существующего порядка, особенно на фоне убеждённости в том, что аналогичные проблемы характерны для всего российского общества. Неудивительно поэтому, что негативное восприятие разрыва между богатыми и бедными тесно связано с отрицательной оценкой динамики положения в социальной сфере, особенно ситуации с пенсиями, уровнем жизни, социальной справедливостью. Это позволяет обозначить наличие у части россиян конфликта представлений о том, как должно быть устроено общество, с их повседневной реальностью. Причём для этого конфликта совсем не обязательно, чтобы сам человек жил плохо, – достаточно расхождений его нормативных представлений с окружающей его реальностью, вину за что он возлагает на «богатых».

Обобщение полученных результатов позволяет утверждать, что на остроту восприятия социального неравенства в виде противостояния богатых и бедных в современной России влияет отнюдь не уровень доходов, а сочетание двух групп факторов. Одна из них включает представления о динамике и правильности развития страны, а вторая – те реальные проблемы, с которыми человек сталкивается в своей жизни (сам или на примере окружающих), и особенно те из них, которые он сам по различным причинам не в состоянии решить. Соответственно, только рост уровня жизни россиян, при сохранении сложившейся «институциональной матрицы», негативного отношения к богатым не улучшит. В то же время консолидация общества под влиянием внешних угроз может снизить для россиян остроту рассматриваемого противоречия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну : монография / У. Бек ; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. ISBN 5-89826-059-5. EDN [RAYTKJ](#).
2. *Dal Bó E., Dal Bó P.* Workers, warriors and criminals: Social conflict in general equilibrium. Working paper. № 2004-11. Providence. RI : Brown University, Department of Economics, 2004. 31 p.
3. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке / Т. Пикетти ; пер. с фр. А. Л. Дунаев ; науч. ред. пер. А. Ю. Володин. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с. ISBN 978-5-91103-252-4.
4. *Easterlin R.* Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // Nations and households in economic growth: Essays in honor of Moses Abramovitz / Ed. by: P. A. David and M. W. Reder. New York : Academic Press, 1974. P. 89–125. DOI [10.1016/B978-0-12-205050-3.50008-7](#).
5. *Diener E., Biswas-Diener R.* Will money increase subjective well-being? // Social Indicators Research. 2002. Vol. 57. P. 119–169. DOI [10.1023/A:1014411319119](#). EDN [AUVWPV](#).
6. *Hirschman A., Rothschild M.* The changing tolerance for income inequality in the course of economic development: with a mathematical appendix // The quarterly journal of economics. 1973. Vol. 87, № 4. P. 544–566. DOI [10.2307/1882024](#).
7. Failure to respond to rising income inequality: processes that legitimize growing disparities / L. S. S. Hing, A. E. Wilson, P. Gourevitch [et al] // Daedalus. 2019. Vol. 148, № 3. P. 105–135. DOI [10.1162/daed_a_01752](#).
8. *Erdölek Kozal Ö., Gürel Günal G.* Kicking away the ladder or not? Unraveling income inequality perceptions in the world // Ege academic review. 2023. Vol. 23, № 4. P. 709–726. DOI [10.21121/eab.1355923](#).
9. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Л. Г. Бызов [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М. : Наука, 2004. 259 с. ISBN 5-02-032849-9. EDN [NGCBZZ](#).
10. *Novokmet F., Piketty T., Zucman G.* From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905–2016 // Journal of Economic Inequality. 2023 Vol. 16, № 2. P. 189–223. DOI [10.1007/s10888-018-9383-0](#). EDN [YGRSLZ](#).
11. *Easterlin R. A.* How Does Health Affect Happiness? // An Economist's Lessons on Happiness. Farewell Dismal Science! Cham, Sw. : Springer, 2021. P. 33–39. DOI [10.1007/978-3-030-61962-6_4](#).
12. Дудин И. В. Представления населения страны об основных противоречиях российского социума // Социальное пространство. 2023. Т. 9, № 2. С. 117. DOI [10.15838/sa.2023.2.38.8](#). EDN [NGKOMG](#).
13. *Мареева С. В., Слободенюк Е. Д., Аникин В. А.* Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределённости в России: важна ли субъективная мобильность? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1 (167). С. 39–60. DOI [10.14515/monitoring.2022.1.1982](#). EDN [MSBKFV](#).
14. *Гимпельсон В. Е., Монусова Г. А.* Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 18, № 2. С. 216–248. EDN [SKFTQB](#).
15. *Корчагина И. И., Прокофьева Л. М.* Субъективное восприятие социального неравенства – мнение населения о социальной справедливости // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9, № 4. С. 4–21. DOI [10.17323/demreview.v9i4.16742](#). EDN [DOBOJS](#).
16. *Мареева С. В.* Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 4. С. 695–707. DOI [10.22363/231322722018184695707](#). EDN [YNAKER](#).

17. Марева С. В., Тихонова Н. Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25, № 2. С. 37–67. EDN [WDEMBH](#).
18. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, меж-страновые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Марева [и др.] ; под ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб. : Нестор-История, 2018. 368 с. ISBN 978-5-4469-1419-7. DOI [10.31754/nestor4469-1419-7](#). EDN [YSPCNF](#).
19. Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой ; Институт социологии ФНИСЦ РАН. М. : Издательство «Весь Мир», 2024. 352 с. ISBN 978-5-7777-0927-1. EDN [OYVDFP](#).
20. Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М. К. Горшков, В. А. Аникин, Л. Г. Бызов [и др.] ; под общ. ред.: М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М. : Весь мир, 2016. 424 с. ISBN 978-5-7777-0630-0. EDN [WEWCVD](#).
21. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н. Е. Тихонова, С. В. Марева, В. А. Аникин [и др.] ; под ред. Н. Е. Тихоновой. М. : Издательство «Весь Мир», 2022. 422 с. ISBN 978-5-7777-0873-1. DOI [10.55604/9785777708731](#). EDN [XJGBFE](#).
22. Дудин И. В. Динамика восприятия социальных противоречий населением России (2005–2021 гг.) // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12, № 4. С. 128–146. DOI [10.18522/22278656.2023.4.8](#). EDN [NJQHJW](#).
23. Дудин И. В. Отношение населения страны к основным социальным противоречиям российского общества: состояние, динамика, факторы // Социологический журнал. 2024. Т. 30, № 1. С. 25–41. DOI [10.19181/socjour.2023.30.1.1](#). EDN [GTQHVV](#).
24. Дудин И. В. Восприятие населением России противоречия между богатыми и бедными: динамика и факторы // Вестник Института социологии. 2025. № 3.

Сведения об авторе

И. В. Дудин

младший научный сотрудник

SPIN-код: [3798-0076](#)

Статья поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 07.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.2.3](#)

KEY FACTORS OF RUSSIANS' ACUTE PERCEPTION OF THE CONTRADICTION BETWEEN RICH AND POOR IN 2024

Ilya Vasil'evich Dudin

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

dudiniv99@mail.ru,

ORCID [0000-0002-0025-9958](#)

For citation: Dudin I. V. Key factors of Russians' acute perception of the contradiction between rich and poor in 2024. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(2):45–66. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.2.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.3).

Abstract. The contradiction between the rich and the poor has always been felt by Russians especially acutely, being one of the most painful for the population of our country to perceive, and the attitude to it influences the level of social tension in society and the degree of consolidation of society. However, the reasons for this attitude to it are not simple and far from obvious. Taking into account the importance of this problematic in the conditions of aggravation of external challenges for Russia in recent years, the article uses the data of representative all-Russian surveys of IS FCTAS RAS for 2024 with the use of regression analysis to show that the acuteness of the perception of the contradiction between the rich and the poor in modern Russia is not influenced by gender, age, level of education, or even income level. However, objective living conditions do influence this perception, and it is connected with certain features of life experience. A special role in this respect is played by the presence in the family of chronically ill people with limited working capacity, who are not disabled of groups 1 and 2, the absence in the household of a car, which has become a marker of well-being for Russians, poor assessments of their own health, living in a marriage, as well as the lack of income from property. However, subjective and attitudinal factors play a decisive role in this perception. The perception of the gap between rich and poor is influenced by a combination of two groups of these factors. One of them includes perceptions of the dynamics and correctness of the country's development (negative assessment of the dynamics in the social sphere, especially the situation with pensions, living standards, and social justice). This indicates a conflict between perceptions of how society should be organized and everyday reality. The second group of factors includes perceptions of real problems that a person faces in his life and that he is unable to solve himself for various reasons (dissatisfaction with the quality of his food, clothing or his material well-being in general and the prospects for its growth).

Keywords: social contradictions, intergroup conflicts, intergroup contradictions, society consolidation, social tension, mass consciousness, rich and poor

REFERENCES

1. Beck U. World risk society. Moscow: Progress-Traditsiya; 2000. 384 p. (In Russ.). ISBN 5-89826-059-5.
2. Dal Bó E., Dal Bó P. Workers, warriors and criminals: Social conflict in general equilibrium. Working paper. № 2004-11. Providence, RI : Brown University, Department of Economics; 2004. 31 p.
3. Piketty T. Capital in the twenty-first century. Moscow: Ad Marginem Press; 2015. 592 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91103-252-4.
4. Easterlin R. A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. In: Nations and households in economic growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz. New York: Academic Press; 1974. P. 89–125. DOI [10.1016/B978-0-12-205050-3.50008-7](https://doi.org/10.1016/B978-0-12-205050-3.50008-7).
5. Diener E., Biswas-Diener R. Will money increase subjective well-being? *Social indicators research*. 2002;(57):119–169. DOI [10.1023/A:1014411319119](https://doi.org/10.1023/A:1014411319119).
6. Hirschman A., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development: with a mathematical appendix. *The quarterly journal of economics*. 1973;87(4):544–566. DOI [10.2307/1882024](https://doi.org/10.2307/1882024).
7. Hing L. S. S., Wilson A. E., Gourevitch P. [et al]. Failure to respond to rising income inequality: processes that legitimize growing disparities. *Daedalus*. 2019;148(3):105–135. DOI [10.1162/daed_a_01752](https://doi.org/10.1162/daed_a_01752).

8. Erdölek Kozal Ö., Gürel Günal G. Kicking away the ladder or not? Unraveling income inequality perceptions in the world. *Ege Academic Review*. 2023;23(4):709–726. DOI [10.21121/eab.1355923](https://doi.org/10.21121/eab.1355923).
9. Gorshkov M. K., Andreev A. L., By'zov L. G. [et al]. The new social reality of Russia. The rich. The poor. The middle class. Moscow: Nauka; 2004. 259 p. (In Russ.). ISBN 5-02-032849-9.
10. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905–2016. *Journal of Economic Inequality*. 2023;16(2):189–223. DOI [10.1007/s10888-018-9383-0](https://doi.org/10.1007/s10888-018-9383-0).
11. Easterlin R. A. How does health affect happiness? In: An economist's lessons on happiness. Cham, Sw.: Springer; 2021. P. 33–39. DOI [10.1007/978-3-030-61962-6_4](https://doi.org/10.1007/978-3-030-61962-6_4).
12. Dudin I. V. People's perceptions of the main contradictions in Russian society. *Social space=Sotsial'noye Prostranstvo*. 2023;9(2):117. (In Russ.). DOI [10.15838/sa.2023.2.38.8](https://doi.org/10.15838/sa.2023.2.38.8).
13. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D., Anikin V. A. Public tolerance for social inequalities in turbulent Russia: reassessing the role of subjective mobility. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*. 2022;(1):39–60. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2022.1.1982](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1982).
14. Gimpelson V. E., Monusova G. A. Perception of inequality and social mobility. *Higher school of economics economic journal=Ekonomicheskij zhurnal VShE*. 2014;18(2):216–248. (In Russ.).
15. Korchagina I. I., Prokofieva L. M. Subjective perception of social inequality – the population opinion about social justice. *Demographic review=Demograficheskoye obozreniye*. 2022;9(4):4–21. (In Russ.). DOI [10.17323/demreview.v9i4.16742](https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16742).
16. Mareeva S. V. Subjective well-being and ill-being zones in the Russian society. *RUDN Journal of Sociology=Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 2018;18(4):695–707. (In Russ.) DOI [10.22363/231322722018184695707](https://doi.org/10.22363/231322722018184695707).
17. Mareeva S. V., Tikhonova N. E. Public perceptions of poverty and social inequality in Russia. *Universe of Russia=Mir Rossii*. 2016;25(2):37–67 (In Russ.).
18. Tikhonova N. E., Lezhnina YU. P., Mareeva S. V. [et al]. Model of income stratification of Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons. Moscow; St. Petersburg: `Nestor-Istoriya; 2018. 368 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4469-1419-7. DOI [10.31754/nestor4469-1419-7](https://doi.org/10.31754/nestor4469-1419-7).
19. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., Andreev A. L. [et al]. Russian society and challenges of the time. Book 7. Moscow: Ves' Mir; 2024. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0927-1.
20. Gorshkov M. K., Anikin V. A., By'zov L. G. [et al]. Russian society and the challenges of time. Book three. Moscow: Ves' Mir; 2016. 424 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0630-0.
21. Tikhonova N. E., Mareeva S. V., Anikin V. A. [et al]. Society of unequal opportunities: Social structure of modern Russia. Ed. by N. E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir; 2022. 424 p. (In Russ.). DOI [10.55604/9785777708731](https://doi.org/10.55604/9785777708731).
22. Dudin I. V. Dynamics of the perception of social contradictions by the population of Russia (2005–2021). *Humanities of the South of Russia=Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2023;12(4):128–146. (In Russ.). DOI [10.18522/22278656.2023.4.8](https://doi.org/10.18522/22278656.2023.4.8).
23. Dudin I. V. The nation's attitude towards the main social contradictions in Russian Society: current state, dynamics, factors. *Sociological Journal=Sotsiologicheskij Zhurnal*. 2024;30(1):25–41. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2023.30.1.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.30.1.1).
24. Dudin I. V. Russian population's perception of the contradiction between rich and poor: dynamics and factors. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2025;(2).

Information about the Author

I. V. Dudin

Junior researcher

ResearcherID: [GWV-2162-2022](#)

The article was submitted 19.03.2025; approved after reviewing 07.04.2025; accepted for publication 06.05.2025.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЭЛИТА РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА КАРЬЕРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Денис Борисович Тев

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия,
denis_tev@mail.ru,
ORCID 0000-0001-5442-7585

Для цитирования: Тев Д. Б. Федеральная административная элита России: особенности воспроизводства карьерных характеристик // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 2. С. 67–89. DOI 10.19181/snsp.2025.13.2.4. EDN SXCXJP.

Аннотация. Рассматриваются тенденции воспроизводства карьерных характеристик федеральной административной элиты России. Эмпирической основой исследования служат биографические базы данных высокопоставленных федеральных чиновников 2013 и 2024 гг. Проведённый анализ позволил сделать ряд выводов. В персональном плане элита преимущественно обновилась, при этом среди руководства АП и органов исполнительной власти, непосредственно подчинённых главе государства, персональное воспроизводство сравнительно более выражено. Напротив, социально-структурные (карьерные) характеристики элиты в целом демонстрируют тенденцию к воспроизводству. Довольно устойчивы такие показатели её профессионального происхождения, как уровень милитаризации и доля выходцев из федеральной и региональной администраций. Федеральный парламент, как и прежде, играет незначительную роль в качестве поставщика администраторов, мало изменилась и доля прямых выходцев из бизнеса. В целом, можно говорить о более или менее сложившемся паттерне рекрутирования федеральной административной элиты в период правления В. В. Путина, что свидетельствует об институционализации этой властной группы. Социально-структурному воспроизводству элиты способствовала стабильность многих основополагающих характеристик общественно-политического контекста её формирования, во многом определяющего возможности элитной административной карьеры, доступность и привлекательность властных позиций. Вместе с тем произошли и некоторые изменения карьерных характеристик как элиты в целом (например, ослабла роль частных фирм и возросло значение госкомпаний как прямых поставщиков ключевых чиновников), так и её отдельных сегментов. Отчасти эти тенденции связаны с постепенным выбытием из элиты кадров, впервые занявших видные административные посты в конце 1990-х – первой половине 2000-х гг. Перемены в политико-экономическом контексте, вызванные СВО и санкциям против РФ, также могут влиять, хотя пока ещё в ограниченной мере, на карьерные характеристики элиты.

© Тев Д. Б., 2025

Ключевые слова: федеральная административная элита, воспроизводство, институционализация, карьера, рекрутирование

Введение: воспроизводство и институционализация властной элиты

Говоря о воспроизводстве элиты, следует различать два его аспекта. Первый касается устойчивости персонального состава элиты, то есть сохранения на ключевых властных позициях в течение более или менее длительного времени конкретных индивидов (персональное воспроизводство). Это наиболее часто используемое значение элитного воспроизводства. Именно в этом смысле оно обычно понимается, например, в дискуссиях по поводу судьбы старой номенклатуры в условиях постсоциалистической трансформации в странах бывшего СССР и государствах Центральной и Восточной Европы [1]. Однако другой, как представляется, более важный аспект элитного воспроизводства связан с устойчивостью социально-структурных (в частности, карьерных) характеристик элитных групп. Ш. Ривера отмечает, что второй, отличный от физического сохранения индивидов, аспект элитного воспроизводства касается «изменений (или преемственности) совокупных социальных характеристик элитного слоя» [2, р. 416]. В. П. Мохов пишет о социальной циркуляции элиты, имея в виду замену её «социального субстрата» [3, с. 13–14]. Р. Патнем, критикуя В. Парето, указывает, что классик «затемняет критическое различие между двумя совершенно разными типами циркуляции элиты – с одной стороны, взлётом и падением индивидов и, с другой, взлётом и падением социальных категорий» (последний он связывает с глубокими социально-экономическими изменениями). По словам Р. Патнема, «индивидуальная текучесть кадров, несомненно, важный вопрос... Но если инкубент и преемник в основном схожи, так что социальный состав элиты остаётся постоянным, мы вряд ли хотим говорить о трансформации элиты» [4, р. 168].

В общем, оба аспекта элитного воспроизводства необязательно подвержены одинаковым тенденциям: значительное персональное обновление властных групп может сопровождаться выраженным воспроизводством (устойчивостью) их социально-структурных (в частности, карьерных) характеристик. Это происходит, когда на место старых элитных персон приходят новые, но имеющие похожие характеристики источников рекрутирования.

Социально-структурное воспроизводство/трансформация элиты имеют большое значение, поскольку, во-первых, могут служить важным показателем устойчивости/изменчивости структуры социально-политической власти, лежащей в основе элитного рекрутирования. И в более широком плане – социально-исторического контекста, в котором формируется и функционирует элита. Во-вторых, поскольку характеристики социально-профессионального происхождения могут влиять на политическое поведение членов элиты, их устойчивость может вести к тому, что, несмотря на смену персонального состава,

«новая» элита, состоящая из других индивидов, но со сходными социальными характеристиками, будет склонна вести себя примерно так же, как и «старая».

Важно, что социально-структурное воспроизводство (устойчивость каналов рекрутирования) элиты тесно связано с процессом её институционализации. Как отмечает А. В. Дука, «под институционализацией... политической элиты... понимается процесс становления устойчивых механизмов её функционирования и воспроизводства. Последнее непосредственно связано с процессом вовлечения индивидов в активные политические роли, т. е. рекрутированием. Приобретение этим процессом устойчивости, некоторых стабильных форм может быть одним из индикаторов институционализации элит» [5, с. 91–92]. В этом смысле устойчивость в течение более или менее длительного времени источников рекрутирования элиты является важным показателем её институционализации.

Воспроизводство карьерных характеристик общенациональной административной элиты: обзор исследований

За рубежом, в развитых капиталистических демократиях проведены ди-ахронные исследования социально-профессиональных характеристик высокопоставленного чиновничества, которые показали наличие сложившихся и воспроизводимых в течение длительного времени паттернов рекрутирования.

Так, к закрытому, гильдейскому способу рекрутирования тяготеют Япония и Италия [6, р. 70–72; 7, р. 24; 8; 9, р. 288–289; 10, р. 222–224; 11]. Для их административных элит характерны пожизненная занятость в одном министерстве и низкая межведомственная мобильность, а также незначительный приток в высшую министерскую бюрократию извне (из коммерческого сектора, политической сферы и пр.).

Иная ситуация в США: хотя карьерная гражданская служба здесь развита, и многие ключевые чиновники являются прямыми выходцами из федеральных исполнительных органов, их внешнее рекрутирование весьма распространено. Несмотря на смену президентов и индивидов, занимающих ключевые посты, бизнес и юридическая сфера довольно устойчиво выступают одними из основных источников рекрутирования чиновников, в то время как опыт работы в федеральной законодательной власти стабильно имеет лишь небольшая его часть [12, р. 95; 13, р. 220]. Важную роль корпоративной сферы как поставщика администраторов обнаружили и исследования членов кабинета США за длительный период [14; 15].

Другая картина наблюдается в Германии и Великобритании. Хотя в начале карьеры многие будущие высшие чиновники заняты за пределами административной сферы и государственного сектора, более или менее непосредственное внешнее рекрутирование, например, из бизнеса, на ключевые бюрократические посты – редкость. Так, анализ за продолжительный исторический период (1900–1986 гг.) карьеры постоянных секретарей – важного сегмента административной элиты Великобритании – показал, что частный бизнес устойчиво играл лишь незначительную роль в качестве поставщика чиновников [16,

р. 135] ¹. При этом в рассматриваемых странах значительна мобильность кадров между ведомствами. Однако в последние десятилетия межсекторная мобильность и рекрутирование в административную элиту извне бюрократического аппарата, в том числе из бизнеса, растут, а доля чиновников с непрерывными бюрократическими карьерами снижается [18, р. 54; 19, р. 25–29]. Так, анализ федеральной административной элиты ФРГ за 1970–1999 гг. выявил постепенное усиление значимости внешнего и ослабление внутреннего рекрутирования, которое, тем не менее, продолжало уверенно доминировать [20, р. 407]. Исследование карьеры британских чиновников обнаружило, что в течение 2000–х гг. их внутреннее рекрутирование только немного уменьшилось, продолжая явно преобладать (неслучайно автор пишет об «искусстве перемен без изменений») [21, р. 748].

Что касается федеральной административной элиты (далее – ФАЭ) России, то исследования динамики каналов рекрутирования в 2000–2010-е гг. таких её сегментов, как члены правительства и высокопоставленные чиновники администрации президента (далее – АП), также свидетельствуют об устойчивости ряда социально-профессиональных характеристик, несмотря на существенное персональное обновление. Так, милитаризация руководства АП остаётся значительной и не очень сильно вариативной в течение всего послеельцинского периода [22, с. 163] (здесь стоит добавить, что одно из исследований элиты федеральной исполнительной власти также показало, что на протяжении 2000-х гг. доля выходцев из силовых структур была высока при всех премьер-министрах [23, с. 73]). То же самое можно сказать и о плутократизации правительственной элиты (хотя доступ бизнесменов к министерским постам в основном косвенный) [24, с. 54–55; см. также: 25, с. 157]. При этом во всех послеельцинских кабинетах государственная служба выступает основным каналом рекрутирования, а наличие парламентского опыта характерно лишь для довольно небольшого, хотя и изменчивого, меньшинства министров [26, с. 198; 27, р. 913; 28, с. 110, 115]. Представляется, что относительная устойчивость этих и некоторых других социально-структурных особенностей рассматриваемых сегментов элиты тесно связана с воспроизводящимися базовыми характеристиками контекста их формирования и свидетельствует о том, что их институционализация в основном произошла.

Несмотря на значимость проведённых на российском материале исследований отдельных категорий ключевых федеральных чиновников, важный пробел состоит в том, что динамика каналов рекрутирования и, соответственно, карьерных характеристик общенациональной административной элиты в целом до сих пор не изучена. В настоящее время возможность её исследования связана с тем, что ранее, в 2013 году, были рассмотрены основные источники рекрутирования данной властной группы [29]. Выявление соответствующих показателей той

¹ Кстати, стабильно низкий приток выходцев из частного бизнеса показало и исследование институционального происхождения министерских директоров во Франции (в 1984–1994 гг.), которые в основном приходят из рядов гражданской службы [17, р. 70].

же группы по состоянию на текущий момент позволило бы провести сравнительный анализ и установить, насколько устойчивы её социально-профессиональные характеристики. Особенно интересен этот вопрос в связи с тем, что, как показало исследование 2020 г., большинство членов ФАЭ 2013 г. уже выбыло из её состава [30, с. 140] (к настоящему времени доля таких персон, вероятно, ещё больше). Поэтому важно понять, наблюдается ли в условиях значительного персонального обновления элиты, но при довольно стабильном (хотя и, в ряде отношений, существенно изменившемся в последние годы) общественно-политическом контексте её формирования, воспроизводство её основных каналов рекрутирования и, в этом смысле, насколько она институционализована?

Данные и метод

Эмпирической основой исследования служат биографические базы данных ФАЭ России по состоянию на 2013 год (информация собиралась в ноябре–декабре) и 2024 год (информация собиралась в ноябре). В обоих случаях в состав элиты были включены президент РФ, основные должностные лица и начальники управлений его администрации, руководство аппарата Совета Безопасности, члены правительства РФ, заместители федеральных министров, руководители федеральных служб и агентств и их заместители, а также высшее руководство и директора департаментов аппарата правительства РФ. Состав административной элиты показан в таблице 1.

Таблица 1

Состав административной элиты в 2013 г. и в 2024 г., чел.

Административные органы	Число элитных персон	
	2013 год	2024 год
Президент	1	1
Администрация президента	66	68
Правительство	31	32
Аппарат правительства	44	58
Министерства	160	183
Федеральные службы и агентства	300	258
Всего, учитывая совмещение позиций в различных органах	575	577*

* Не удалось найти информацию о заместителях руководителя Главного управления специальных программ (ГУСП).

Метод исследования можно определить как структурно-биографический анализ, при котором социально-профессиональная структура ФАЭ изучалась с учётом биографии составляющих её персон [31, с. 158]. На каждого члена элиты была заполнена анкета, содержащая сведения о дате и месте рождения,

образовании и карьерном пути. Источниками данных служили официальные сайты органов власти, коммерческих и прочих организаций, материалы СМИ, биографические интернет-порталы и пр., а также сервис проверки и анализа российских юридических лиц и предпринимателей Rusprofile.

Основными социально-структурными, а точнее, карьерными характеристиками членов ФАЭ служили показатели наличия опыта работы в той или иной сфере в ходе профессионального пути, предшествующего занятию нынешней должности; позиция в данной сфере, непосредственно предшествующая и предшествующая нынешней должности, а также позиция, предшествующая первой элитной должности в федеральной администрации (далее – предэлитная должность). Кроме того, выявлялась доля чиновников, проработавших в той или иной сфере не менее половины своей постсоветской карьеры, предшествующей нынешней должности. Представляется, что сочетание этих показателей даёт возможность более или менее полно отразить роль различных каналов рекрутирования и, соответственно, социально-профессиональное происхождение федеральных чиновников. При этом в основном исследовалась занятость в трёх сферах: административной, политической и экономической, соответствующих основным фракциям властной элиты.

Результаты исследования

Динамика персонального состава федеральной административной элиты. Как показывает таблица 2, за 11 лет ФАЭ претерпела значительное персональное обновление: чуть более четверти индивидов, входивших в неё в 2013 году, сохранили членство в ней к концу 2024 года, причём лишь каждый седьмой остался на своей должности.

Таблица 2

Доля членов федеральной административной элиты 2024 г., входивших в неё в 2013 г., в %

Административные органы	Доля
Президент	100
Администрация президента	53
Правительство	44
Аппарат правительства	28
Министерства	16
Федеральные службы и агентства	24
Всего, учитывая совмещение позиций в различных органах	27

В значительной степени это, конечно, естественно-демографический процесс смены поколений, особенно учитывая то, что существует предельный возраст пребывания на государственной службе, который, впрочем, постепенно

увеличивается. В рассматриваемый период он составлял сначала 60 лет с возможностью продления до 70¹, а с 2016 года – 65 лет с такой же возможностью². Интересно, что, как показало исследование 2020 г., четверть чиновников 2013 г., которые к тому времени покинули свой пост, сделали это в 60 лет и старше, причём 8% в 65 лет и старше, а 2% – в 70 лет и старше [30, с. 139]. Во многих случаях отставка с элитной административной должности действительно объяснялась возрастом и/или выходом на пенсию.

Однако существенное значение имеют и другие факторы, в частности, устойчивость или, напротив, смена ключевых властных фигур. Согласно данным, представленным в таблице 2, в наибольшей степени воспроизводство членства в ФАЭ характерно для АП, где более половины нынешних деятелей состояли в этой властной группе в 2013 году, также для членов правительства (44%). Относительная устойчивость членства в ФАЭ наблюдается в федеральных органах исполнительной власти, которые подчинены президенту РФ: в соответствующих министерствах (Минобороны, МВД, МИД, Минюст, МЧС) 38% нынешних руководителей принадлежали к ФАЭ в 2013 году (против 16% руководства всех министерств). Напротив, наибольший приток новичков в ФАЭ характерен для органов, которые подчинены правительству, особенно для министерств (в основном экономических и социальных), где только 8% руководителей состояли в ФАЭ 2013 г. Видимо, тот факт, что президент занимает свой пост с 2012 года (тогда как председатель правительства сменился в 2020 году), оказал существенное стабилизирующее влияние на персональный состав непосредственно подчинённых ему сегментов федеральной администрации.

Говоря о выбытии из ФАЭ и, соответственно, её персональном обновлении, следует отметить, что, как показало исследование 2020 года (к этому времени ФАЭ 2013 г. покинули почти две трети её членов), чиновники довольно активно переходили в бизнес, включая крупные госкомпании, и реже – в региональные администрации (особенно на посты губернаторов) и федеральный парламент (включая высшие посты в нём) [30]. В этой связи можно предположить, что выбытие из ФАЭ нередко обусловлено как личной карьерной заинтересованностью (например, в получении более вознаграждаемых постов в коммерческой сфере или влиятельной губернаторской должности), так и стратегией президента и его ближайшего окружения, стремящегося поставить на командные высоты в различных важных институтах с целью укрепления контроля над ними (а, возможно, и обеспечения более компетентного руководства) своих доверенных лиц.

¹ Федеральный закон № 327 «О внесении изменения в статью 25.1 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»» от 30.12.2012 № 327-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140109/ (дата обращения: 17.12.2024).

² Федеральный закон № 143 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части увеличения пенсионного возраста отдельным категориям граждан» от 23.05.2016. № 143-ФЗ (последняя редакция). Ст. 4 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198199/ (дата обращения: 17.12.2024).

Наконец, нужно добавить, что в ряде случаев чиновники вынужденно покидали свой пост и выходили из состава ФАЭ в связи с возбуждением уголовного дела (и арестом). Наиболее ярким примером, пожалуй, служит бывший министр экономического развития А. В. Улюкаев. Впрочем, такие случаи редки: как показало исследование 2020 года, только 2% чиновников, которые к тому времени покинули свою должность, сделали это вследствие уголовного преследования и, в целом, 4% чиновников имели такие проблемы либо прямо перед отставкой, либо после неё [30, с. 139].

В общем, в силу ряда факторов, персональный состав ФАЭ сильно обновился: подавляющее большинство нынешних членов не состояло в ней в 2013 году. Что же произошло с карьерными характеристиками этой властной группы?

Особенности воспроизводства карьерных характеристик федеральной административной элиты

1. Федеральная администрация как канал рекрутирования элиты.

Можно выделить два типа рекрутирования членов ФАЭ в зависимости от проницаемости его каналов. При закрытом, так сказать, «внутреннем», рекрутировании доступ в ФАЭ становится результатом более или менее длительной восходящей карьеры в федеральных административных структурах, иногда в одном ведомстве. При открытом, «внешнем» рекрутировании возможно вхождение в элитную административную должность из других сфер деятельности (бизнеса, политики, науки) без продолжительной предшествующей работы на низших уровнях федерального административного аппарата. Для ФАЭ как в 2013 г., так и в 2024 г. весьма характерно внутреннее рекрутирование: должность в федеральных административных органах – важнейший (явно доминирующий) трамплин не только к нынешней, но и к предшествующей и первой элитной федеральной административной позиции. Причём, согласно данным из таблицы 3, несмотря на персональное обновление элиты, роль федеральной администрации как канала рекрутирования устойчиво велика: доля выходцев из неё по всем трём показателям мало изменилась с 2013 года, лишь немного увеличилась.

Таблица 3

Занятость членов федеральной административной элиты 2013 г. и 2024 г. в федеральной администрации до вхождения в нынешнюю должность, в % *

Позиция	2013 год	2024 год
Предшествующая должность	78 (N=554)	79 (N=568)
Предпредшествующая должность	63 (N=541)	66 (N=548)
Предэлитная должность	67 (N=555)	70 (N=568)

*Здесь и далее по тексту в таблицах в скобках указан объём соответствующей совокупности.

Кроме того, показательно, что более трети (35%) чиновников 2024 года провели в федеральной администрации не менее половины своей предшествующей постсоветской карьеры, и лишь 14% не имели опыта работы в ней до вхождения в нынешнюю должность.

Более узкая бюрократическая профессионализация федеральных чиновников связана с наличием предшествующего опыта работы в том ведомстве, которым они ныне руководят. Это характерно для подавляющего большинства членов ФАЭ: например, в 2024 году 64% чиновников имели предшествующий опыт работы в своём ведомстве (либо в родственном – вышестоящем или подведомственном ему федеральном органе исполнительной власти). Более того, как в 2013 г., так и в 2024 г. в ряде ведомств преобладает «гильдейское» рекрутирование, при котором чиновники строят карьеру исключительно в рамках данного органа федеральной исполнительной власти. Ярким примером служит МИД: в 2013 году послевузовская карьера всех его руководителей проходила только в стенах данного министерства, а в 2024 году исключением из этой практики стал лишь один дипломат. Подобная ситуация стабильно наблюдается в ФСБ. Такая узкая профессионализация внутри одного ведомства усиливает сплочённость его руководителей, связанных друг с другом многолетней совместной работой, а также способствует формированию специализированной компетентности. Однако, с другой стороны, она может, укрепляя ведомственные интересы и лояльность, способствовать фрагментации административной элиты в целом [32]. Впрочем, подобная практика представляет собой скорее исключение. Как в 2013 г., так и в 2024 г. более распространена ситуация, когда в ходе карьеры элитная персона перемещается между разными органами федеральной административной власти (в частности, между исполнительной властью и администрацией президента).

В целом, говоря о «внутреннем» рекрутировании ФАЭ, нужно отметить, что оно служит как показателем, так и предпосылкой её автономии [в этой связи см.: 33, с. 40]. С одной стороны, относительная обособленность, закрытость элиты в плане рекрутирования, её способность отбирать своих членов скорее из рядов самого федерального чиновничества, чем из других, «внешних» властных групп (например, депутатов, бизнеса, региональных бюрократов), неудивительна, учитывая, что в России федеральная административная власть не просто обладает значительной самостоятельностью, но и явно доминирует во взаимоотношениях с другими институтами. Такая ситуация сложилась ещё в 2000-е гг., после прихода к власти В. В. Путина, и характерна как для первой половины 2010-х гг., так и, вероятно, даже в большей степени для настоящего времени, когда авторитарные тенденции усилились. Это (конечно, вместе с постоянной потребностью в чиновниках, компетентных в своей области управления, что тесно связано с наличием соответствующего административного опыта) способствует воспроизводству практики внутреннего рекрутирования ФАЭ. При этом такое рекрутирование и связанные с ним особенности профессиональной социализации чиновников могут, в свою очередь, усиливать их автономию,

поскольку повышают вероятность того, что они будут идентифицировать себя с самой федеральной администрацией, а не с внешними по отношению к ней группами, соответствующим образом формулируя свои интересы и выстраивая политическое поведение.

2. Силовые структуры как канал рекрутирования элиты. Учёные, эксперты и журналисты много писали о роли силовиков в российской политике и в составе элиты в период правления В. В. Путина [34; 35]. Некоторые авторы даже использовали термины, призванные подчеркнуть существующую, по их мнению, гегемонию силовиков, такие как «милитократия» [См., напр.: 36]. Как показывают сравнительные данные нынешнего исследования (см. табл. 4), общая доля выходцев из силовых структур (включая тех, кто получил образование в вузах при силовых ведомствах) в составе ФАЭ является значительной и устойчивой, составляя, как в 2013 году, так и в 2024 году, примерно треть.

Таблица 4

Занятость членов федеральной административной элиты 2013 г. и 2024 г. в силовых структурах до вхождения в нынешнюю должность, в %

Показатель	2013 год	2024 год
Наличие опыта работы	34 (N=575)	32 (N=577)
Предшествующая должность	17 (N=554)	16 (N=568)
Предпредшествующая должность	17 (N=541)	17 (N=548)
Предэлитная должность	18 (N=555)	17 (N=568)

Причём предшествующий опыт работы в органах госбезопасности (КГБ и его преемниках) в 2024 году имели 8% администраторов, что немного меньше, чем в 2013 году (10%). Из таблицы 4 мы видим также, что, как в 2013 году, так и в 2024 году, примерно у каждого шестого федерального чиновника в силовых структурах была предшествующая, предпредшествующая и предэлитная позиция. При этом примерно каждый пятый провёл в силовых структурах не менее половины предшествующей постсоветской карьеры.

В целом, значительность присутствия персон с опытом работы в силовых структурах в ФАЭ неудивительна, учитывая, что в системе федеральных органов исполнительной власти довольно много (15) силовых ведомств, в которых в основном и сосредоточены такие индивиды. Впрочем, они есть и в других органах. Так, в 2024 году примерно каждый пятый ключевой чиновник экономических министерств (заметный рост с 2013 года, когда было 9%) и каждый восьмой руководитель социальных министерств (в 2013 году было несколько меньше – 9%) имел соответствующий опыт. В частности, ныне силовиков довольно много в таких гражданских органах, как Минстрой, Минпромторг

и Росимущество (по трое). Напротив, доля членов правительства РФ с опытом работы в силовых структурах снизилась с 23 до 16%. При этом доля выходцев из силовых структур в руководстве АП, напротив, возросла (с 36 до 41%). В общем, как видим, присутствие силовиков в ряде административных органов за пределами силового блока заметно увеличилось, хотя общая их доля в составе ФАЭ осталась прежней.

Говоря о факторах милитаризации элиты, следует отметить, что на административных должностях, особенно в условиях автократии, могут быть востребованы такие, обусловленные особенностями профессиональной социализации в рамках жёстких, централизованных иерархий, качества силовиков, как дисциплинированность и исполнительность, привычка беспрекословно выполнять приказы начальства. Усиление авторитарных тенденций (а также вовлечённость РФ в конфликт с Украиной) в последние годы, вероятно, способствовало росту спроса на таких чиновников. Особенности карьеры нынешнего президента РФ, ранее работавшего в КГБ и в дальнейшем директором ФСБ РФ, также благоприятствовали притоку силовиков в элиту, что может быть обусловлено как важной ролью личных связей, сложившихся во время совместной работы в прошлом, так, возможно, и особым доверием главы государства к выходцам из своей профессиональной среды, убеждённости в их компетентности и лояльности. Однако по мере смены поколений в элите и выбытия старых кадров влияние давних связей с президентом по КГБ на состав элиты должно снижаться. Значительный приток силовиков в гражданские ведомства отчасти может быть связан и с особенностями занятости в силовых структурах, а именно сравнительно ранним выходом на пенсию по выслуге лет, оставляющим возможности для второй карьеры в других сферах. Кроме того, важно то, что приоритетность в политической повестке вопросов обороны и безопасности, особенно выраженная в последние годы, в условиях СВО, создаёт и повышает спрос на соответствующих «специалистов по управлению насилием» (стоит отметить, что в некоторых случаях выходцы из силовых структур в гражданских ведомствах отвечают именно за эти вопросы). Наконец, в последние годы власти прилагают целенаправленные усилия по рекрутированию в органы политико-административной власти военнослужащих, принимавших участие в СВО [37, с. 80–82]. Однако прошло ещё слишком мало времени, чтобы этот фактор мог существенно сказаться на составе ФАЭ в направлении повышения доли силовиков, поскольку быстрые элитные административные карьеры всё же довольно редки. Пожалуй, пока единственный случай такого рекрутирования в нынешнюю элиту – это А. В. Жога, который после девяти лет службы в воинских формированиях ДНР и в ВС РФ в течение года возглавлял Народный совет ДНР, а затем был назначен полномочным представителем президента РФ в УФО.

3. Региональная администрация как канал рекрутирования элиты.

Как видно из таблицы 5, доля выходцев из региональной администрации, в том числе непосредственных, тоже не претерпела больших изменений между 2013 г. и 2024 г., лишь немного увеличилась.

Таблица 5

Занятость членов федеральной административной элиты 2013 г. и 2024 г. в региональной администрации до вхождения в нынешнюю должность, в %

Показатель	2013 год	2024 год
Наличие опыта работы в постсоветский период	19 (N=575)	21 (N=577)
Предшествующая должность	6 (N=554)	7 (N=568)

Если говорить об отдельных сегментах ФАЭ, то доля региональных чиновников в составе правительства осталась почти прежней (41% вместо 42%), а среди руководства АП повысилась (с 15 до 19%). Стоит отметить, что среди элиты 2024 года было 14 персон, которые на момент вхождения в нынешнюю должность занимали пост губернатора. Централизация власти в период правления В. В. Путина, а также формирование доминирующей партии «Единая Россия» отчасти благоприятствовали движению кадров с регионального уровня на федеральный (и обратно) [38], и в этом плане ситуация за 11 лет принципиально не изменилась.

Приток в общенациональную элиту чиновников исполнительных органов субъектов РФ, в принципе, способствует лучшему пониманию федеральными администраторами особенностей региональных условий и интересов и облегчает их взаимодействие с региональными властями. Однако присутствие выходцев из администраций различных регионов в ФАЭ весьма неравномерно. В таблице 6 представлены субъекты РФ, из исполнительной власти которых чаще всего приходили федеральные чиновники в 2013 г. и 2024 г.

Таблица 6

Число членов федеральной административной элиты, работавших в администрациях некоторых субъектов РФ в 2013 г. и 2024 г., чел.

2013 год		2024 год	
Субъект РФ	Количество	Субъект РФ	Количество
Санкт-Петербург	22	Москва	14
Москва	11	Московская область	11
Московская область	8	Санкт-Петербург	11
Красноярский край	6	Республика Татарстан	9
Нижегородская область	5	Чеченская Республика	7

Мы, в частности, видим, что если в 2013 году с большим отрывом лидировала исполнительная власть Санкт-Петербурга, то в 2024 году на первое место вышла мэрия Москвы. Значимость администрации Петербурга как канала рекрутирования ФАЭ неудивительна, учитывая, что В. В. Путин, занимающий пост президента РФ с 2012 года, в 1990-е гг. довольно длительное время работал в мэрии этого города (соответствующий опыт работы имел и третий президент РФ Д. А. Медведев). Но, как представляется, значение этого фактора

может постепенно уменьшаться, по мере старения и естественного выбытия из элиты кадров, работавших в 1990-е годы вместе с будущим президентом. В то же время важная роль мэрии Москвы как поставщика федеральных элитных кадров видится более устойчивой, так сказать, структурно обусловленной. Этот город, с точки зрения численности населения, намного превосходит другие регионы, а также играет ведущую роль в российской экономике, что способствует особой влиятельности его администрации (прежде всего, мэра, который, кстати, по роду своей предшествующей занятости – он возглавлял АП – тесно связан с федеральной властью), в том числе в области федеральной кадровой политики. Кроме того, важно, что в Москве, как столице РФ, размещены общенациональные органы власти, и пространственная близость столичных и федеральных властей способствует тесному взаимодействию их чиновников, формированию знакомств и связей между ними, что облегчает обмен кадрами.

4. Федеральный парламент как канал рекрутирования элиты.

Согласно данным таблицы 7, в 2024 г., как и в 2013 г., федеральный парламент служил сугубо второстепенным, даже, можно сказать, маргинальным каналом рекрутирования ФАЭ.

Таблица 7

Членство федеральной административной элиты 2013 г. и 2024 г. в постсоветских представительных органах до вхождения в нынешнюю должность, в %

Показатель	2013 год	2024 год
Наличие опыта членства	8 (N=575)	6 (N=577)
<i>В т. ч.</i>		
СФ	1	1
ГД	4	2
ФС в целом	5	3
Предшествующая должность	2 (N=554)	2 (N=568)
<i>В т. ч.</i>		
СФ	<0,5	<0,5
ГД	1	1
ФС в целом	2	1
Предпредшествующая должность	3 (N=541)	2 (N=548)
<i>В т. ч.</i>		
СФ	<0,5	<0,5
ГД	2	1

Показатель	2013 год	2024 год
ФС в целом	2	1
Предэлитная должность	4 (N=555)	2 (N=568)
<i>В т. ч.</i>		
СФ	1	<0,5
ГД	3	1
ФС в целом	3	2

Мы видим, что показатели схожи: доля федеральных чиновников, имеющих опыт работы в ФС, лишь немного снизилась, опустившись до минимума. Персоналистская автократия, которая сложилась к середине 2000-х гг. и продолжает функционировать поныне, характеризуется сверхконцентрацией власти в руках президента, тогда как Федеральное собрание (ФС) играет полудекоративную роль и контролируется главой государства посредством пропрезидентской партии «Единая Россия». В условиях, когда подотчётность исполнительной власти федеральной легислатуре в основном номинальна, неудивительна её слабая роль в качестве поставщика ключевых чиновников. При этом снижению значимости ФС как канала рекрутирования может способствовать выбытие из ФАЭ некоторых чиновников с депутатским опытом, впервые занявших высокие административные посты ещё в 1990-е – первой половине 2000-х гг., когда парламент играл более самостоятельную роль. В качестве примера можно привести И. Ю. Артемьева, который был депутатом ГД, членом фракции «Яблоко» в 1999–2003 гг., а затем, в 2004–2020 гг. возглавлял Федеральную антимонопольную службу.

Впрочем, значение легислатуры как канала рекрутирования различных сегментов ФАЭ варьируется. Примечательно, что доля выходцев из ФС в правительстве (которое во многих странах, прежде всего с парламентскими демократиями, состоит преимущественно из бывших депутатов) снизилась до минимума (с 16% в 2013 г. до 3% в 2024 г.). Что касается АП, то, как в 2013 г., так и в 2024 г., распространённость опыта членства в ФС в этом влиятельном органе оказалась заметно шире, чем в ФАЭ в целом, и даже несколько выросла (с 9 до 12%). В отличие от правительства, играющего в России в основном «техническую» роль, АП доминирует в выработке внутренней политики, что может повышать востребованность в ней политических навыков (опыта избирательной и партийной борьбы) депутатов. В этом смысле показательно, что нынешний заместитель главы АП по внутренней политике С. В. Кириенко имеет, пусть и непродолжительный, опыт работы в ГД, а также занимал ряд других политических позиций, будучи депутатом областного совета, помощником депутата ГД, одним из руководителей «Союза правых сил» и лидером движения «Новая сила».

5. Бизнес как канал рекрутирования элиты. В 2024 г., как и в 2013 г., бизнес служил самым важным каналом рекрутирования ФАЭ за пределами административной сферы. Однако доля чиновников с постсоветским опытом работы на ключевых позициях¹ в коммерческих организациях заметно снизилась (с 31 до 24%). Из таблицы 8 видно, что в большинстве случаев выходцы из бизнеса имели лишь косвенный доступ в элиту, при этом значимость позиций в коммерции как ключевых, так и других, как трамплина к нынешней, предшествующей и первой элитной должностям в федеральной администрации мало изменилась, впрочем, также немного снизилась.

Таблица 8

Занятость членов федеральной административной элиты 2013 г. и 2024 г. в постсоветских коммерческих организациях до вхождения в нынешнюю должность, в %

Позиция	2013 год	2024 год
Предшествующая должность	7 (N=554)	6 (N=568)
Предпредшествующая должность	13 (N=541)	10 (N=548)
Предэлитная должность	10 (N=555)	9 (N=568)

Стабильной оказалась доля чиновников, в предшествующей постсоветской карьере которых занятость в бизнесе доминировала, составляя не менее половины (16% в 2013 г. и 15% в 2024 г.).

Как в 2013 г., так и в 2024 г., доля выходцев из бизнеса варьировалась в различных сегментах ФАЭ. Устойчивой тенденцией является то, что лица с опытом работы в коммерческой сфере чаще всего обнаруживаются в экономических министерствах, и гораздо реже в социальных и силовых. Именно в министерствах, ответственных за регулирование экономики, специфические компетенции бизнесменов, а также их связи и авторитет в деловом сообществе востребованы сильнее всего. Кроме того, в занятии постов в этих ведомствах, непосредственно влияющих на накопление капитала, на функционирование компаний, наиболее заинтересованы сами коммерсанты. Наконец, министерства экономического блока теснее всего взаимодействуют с компаниями, что способствует складыванию знакомств и связей между чиновниками и топ-менеджерами, облегчающих обмен кадрами. Впрочем, богатый управленческий опыт, которым обладают многие руководители фирм, может быть, конечно, ценен и на административных постах за пределами экономических ведомств.

¹ К ключевым были отнесены должности генеральных директоров, президентов, председателей правления, их заместителей, директоров по направлениям, членов советов директоров, а также индивидуальных предпринимателей.

Впрочем, с 2013 года доля выходцев с ключевых позиций в бизнесе в экономических министерствах несколько снизилась (с 56 до 46%), при этом резкое сокращение доли таких чиновников произошло в социальных министерствах (с 28 до 7%), а в силовых министерствах их, напротив, стало значительно больше (с 5 до 28%). Особое внимание обращает на себя колонизация бывшими бизнесменами руководящих позиций в Министерстве обороны. Заместителем министра обороны в 2018 году был назначен А. Ю. Криворучко, ранее занимавший ключевые позиции в ОАО «АвтоВАЗ», АО Концерн «Калашников», а также входивший в совет директоров частной компании «Трансмашхолдинг», принадлежащей И. К. Махмудову и А. Р. Бокареву. Другим заместителем главы военного ведомства в 2024 году стала А. Е. Цивилева, ранее возглавлявшая совет директоров компании «Колмар Групп». Вообще, нужно отметить, что в условиях СВО тесная связь между бизнесом и Вооружёнными Силами приобретает особое значение. Что касается таких важнейших административных органов, как правительство и, особенно, АП, то доля выходцев с ключевых позиций в бизнесе в них снизилась (соответственно, с 52 до 47% и с 32 до 21%).

Компании, из которых приходят чиновники, варьируются по своим характеристикам. В элите 2024 года 5% индивидов в ходе предшествующей карьеры занимали ключевые посты в крупнейших фирмах (входивших на момент соответствующей занятости в рейтинг журнала «Эксперт»), за исключением случаев членства в советах директоров в качестве представителей государства. Этот показатель мало изменился с 2013 года, когда он составлял 4%. Если же учитывать занятость на любых постах в крупном бизнесе, то такой опыт имели 12% членов нынешней элиты (а если включать и случаи работы в фирмах, зависящих от крупных компаний – дочерних и пр., то доля возрастёт до 16%).

Важно отметить, что за период с 2013 г. по 2024 г. заметные изменения произошли в соотношении форм собственности компаний, из которых непосредственно приходят чиновники. Если ранее позиции в компаниях частного и государственного секторов почти в равной мере служили трамплином к нынешней должности, то в настоящее время госсектор стал явно доминировать (занятость в нём встречается в 3,5 раза чаще). Предпредшествующая и предэлитная занятость в компаниях госсектора в 2024 году также преобладает, хотя и несколько менее выражено. Показателен и список бизнес-структур, из которых вышло наибольшее число ключевых федеральных чиновников. В 2024 году это были только государственные компании («РЖД», «Россельхозбанк», «Ростелеком», «Россети», «ВТБ», «Аэрофлот» и пр.), тогда как в 2013 году в лидерах была также и частная структура – «Норильский никель». Кроме того, в 2013 году в ФАЭ было несколько выходцев из таких частных корпораций, как «Менатеп», «Альфа-групп», «Северсталь», «ЮКОС», «Лукойл» (тогда как в 2024 году – только из «Норильского никеля» и «Мегафона»).

Вообще, в сравнении с частными бизнесменами, менеджеры госкомпаний могут иметь систематические преимущества в плане рекрутирования на административные посты, поскольку обычно теснее взаимодействуют с публичной

бюрократией, что способствует формированию у них политико-административных компетенций, а также знакомств и связей с чиновниками, облегчающих обмен кадрами. Также госкомпании, особенно монополии, по характеру своего функционирования довольно сходны с административными органами, что облегчает адаптацию их менеджеров в административной сфере. Кроме того, менеджеры госкомпаний могут считаться предпочтительными (в сравнении с представителями частного капитала) кандидатами на административные посты в экономических ведомствах, поскольку профессионально социализированы как проводники «государственного интереса» в коммерческой сфере.

Говоря о динамике соотношения форм собственности компаний, из которых приходят чиновники, нужно отметить, что снижение значимости частного бизнеса (прежде всего крупного), как канала их рекрутирования мог обуславливать ряд факторов. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. крупнейшие частные, «олигархические» структуры оказывали особенно сильное влияние на политическую жизнь, включая и кадровую политику на федеральном уровне, и постепенное выбытие из ФАЭ чиновников, впервые занявших видные административные посты в то время, может способствовать сокращению доли выходцев из частного бизнеса. Так, например, к 2024 году из ФАЭ выбыли такие деятели, ранее работавшие в «Альфа-банке» (который до недавнего времени контролировался П. О. Авеном и М. М. Фридманом), как О. М. Говорун и В. Ю. Сурков. Кроме того, следует учесть, что такие обстоятельства последних лет, как санкции против РФ, ужесточение контроля над движением капиталов, национализация ряда компаний, усиление значимости в условиях СВО в политической повестке вопросов безопасности и обороны в сравнении с задачами привлечения инвестиций и экономического роста (в отраслях, непосредственно не связанных с ВПК), могли способствовать ослаблению (экономическому и политическому) крупного частного бизнеса. Наконец, значительное влияние на состав ФАЭ в целом оказал тот факт, что в правительстве М. В. Мишустина, впервые сформированном в 2020 году, особенно много выходцев из крупнейших государственных (но не частных) фирм («ВТБ», «Аэрофлот», «Россельхозбанк», «Ростелеком» и пр.), и эти министры в свою очередь продвигали на нижестоящие элитные посты (прежде всего, заместителей министров) бывших коллег по бизнесу.

Заключение

Исследование позволило сделать ряд выводов о тенденциях воспроизводства карьерных характеристик федеральной административной элиты в период с 2013 г. по 2024 г.

Хотя в персональном плане элита в целом преимущественно обновилась, её социально-структурные, а точнее карьерные характеристики демонстрируют устойчивость. Довольно стабильны такие показатели профессионального происхождения чиновничества, как уровень милитаризации и доля выходцев из федеральной и региональной администраций. Федеральный парламент, как

и прежде, играет незначительную роль в качестве поставщика администраторов, мало изменилась и доля прямых выходцев из бизнеса. В целом, можно говорить о более или менее сложившемся паттерне рекрутирования ФАЭ в период правления В. В. Путина, что свидетельствует об институционализации рассматриваемой властной группы. Этот паттерн отличается как от ситуации, наблюдаемой в странах с гильдейским рекрутированием (меньшей распространённостью чисто административных и внутриведомственных карьер), так от характерной для США практики «вращающихся дверей» между федеральной администрацией и частным сектором (меньшей открытостью для прямых выходцев из бизнеса).

Социально-структурному воспроизводству элиты способствовала стабильность основополагающих характеристик общественно-политического контекста её формирования, во многом определяющего возможности элитной карьеры, доступность и привлекательность властных позиций. Такие его особенности, как персоналистская автократия со сверхконцентрацией власти в руках президента, слабой легислатурой и влиятельными силовыми структурами, централизованный федерализм, доминирование федеральной власти во взаимоотношениях с бизнесом и другими властными институтами, имели место в 2010-е гг. и наблюдаются ныне. Важную роль также сыграло и то, что основным механизмом персонального обновления элиты стал приток в неё выходцев из околоэлитных групп федеральных чиновников (например, директора департаментов министерств становились заместителями министров), которые были похожи по карьерным характеристикам на своих предшественников.

Вместе с тем произошли и некоторые изменения карьерных характеристик. Во-первых, при общей тенденции к воспроизводству, в отдельных сегментах элиты заметны сдвиги в плане профессионального происхождения. Среди них рост присутствия силовиков и падение доли выходцев из бизнеса в АП, усиление притока из коммерческой сферы в силовые ведомства и снижение доли бывших парламентариев в правительстве.

Во-вторых, даже если говорить об ФАЭ в целом, то изменения ряда параметров её профессионального происхождения существенны. Прежде всего, это касается плутократизации: доля чиновников с общим опытом работы на ключевых позициях в бизнесе заметно снизилась, а также ослабла роль постов в частных фирмах и увеличилось значение должностей в госкомпаниях как прямого трамплина к ключевым административным позициям. Кроме того, легислатура стала играть ещё более скромную (можно сказать, минимальную) роль в качестве поставщика элиты. В какой-то мере эти тенденции могут быть связаны с постепенным выбытием из элиты относительно старых кадров, впервые занявших видные административные позиции в конце 1990-х – первой половине 2000-х гг., когда частный бизнес и легислатура были более влиятельны. Притоку выходцев из госсектора в элиту отчасти способствовало и назначение министрами в правительстве М. В. Мишутина ряда глав госкомпаний, которые затем продвигали на нижестоящие административные посты своих коллег

по бизнесу. В то же время нельзя игнорировать и роль существенных изменений политико-экономического контекста в связи с СВО и санкциями против РФ. В принципе, они могут вести к упрочению позиций силовиков (и дальнейшей милитаризации элиты) и ослаблению частного бизнеса. Представляется, однако, что пока ещё прошло недостаточно времени, чтобы эти сдвиги значительно повлияли на состав ФАЭ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES.

1. *Szelényi I., Szelényi S.* Circulation or reproduction of elites during the post-communist transformation of Eastern Europe: introduction // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24, № 5. P. 615–638. DOI [10.1007/BF00993400](https://doi.org/10.1007/BF00993400). EDN [RVSGCU](#).
2. *Rivera S. W.* Elites in post-communist Russia: a changing of the guard // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52, № 3. P. 413–432. DOI [10.1080/713663069](https://doi.org/10.1080/713663069). EDN [LMDGQB](#).
3. *Мохов В. П.* Циркуляция элит: проблема критериев процесса // *Власть и элиты*. 2014. Т. 1. С. 8–18. EDN [XIEMQB](#). [Mokhov V. P. The circulation of elites: problem of the criteria of the process. *Power and elites=Vlast' i jelity*. 2014;(1):8–18. (In Russ.)].
4. *Putnam R. D.* The comparative study of political elites. Englewood Cliffs, N. J. : Prentice-Hall, 1976. 246 p. ISBN 0-13-154195-1.
5. *Дука А. В.* Стабилизация в условиях неопределённости: институционализация региональных элит // *Pro Nunc. Современные политические процессы*. 2006. Т. 7, № 4. С. 86–100. EDN [OUVTHX](#). [Duka A. V. Stabilization in conditions of uncertainty: institutionalization of regional elites [Stabilizacija v uslovijah neopredelennosti: institucionalizacija regional'nyh elit]. *Pro Nunc. Contemporary political processes=Pro Nunc. Sovremennye politicheskie process*. 2006;7(4):86–100. (In Russ.)].
6. *Aberbach J. D., Putnam R. D., Rockman B. A.* Bureaucrats and politicians in western democracies. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 1981. 322 p. ISBN 978-0-674-08625-8.
7. *Brown Jr. J. R.* The ministry of finance: bureaucratic practices and the transformation of the Japanese economy. Westport; Connecticut; London: Quorum Books, 1999. 288 p. ISBN 978-1-567-20230-4.
8. *Cassese S.* Italy's senior civil service: an ossified world // *Bureaucratic elites in Western European states. A comparative analysis of top officials* / Eds. E. C. Page, V. Wright. Oxford : Oxford University Press, 1999. P. 55–64. DOI [10.1093/0198294468.003.0004](https://doi.org/10.1093/0198294468.003.0004).
9. *Koh B. C.* Stability and change in Japan's higher civil service // *Comparative Politics*. 1979. Vol. 11, № 3. P. 279–297. DOI [10.2307/421823](https://doi.org/10.2307/421823).
10. *Lewanski R., Toth F.* The Italian civil service system // *Civil service systems in Western Europe, second Edition* / Ed. F. M. Van der Meer. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. P. 217–241. DOI [10.4337/9781781000939.00013](https://doi.org/10.4337/9781781000939.00013).
11. *Schmidt C.* Japan's circle of power: legitimacy and integration of a national elite // *ASIEN – The German Journal on Contemporary Asia*. 2005. Vol. 96. P. 46–67.
12. *Mann D. E.* The selection of federal political executives // *American Political Science Review*. 1964. Vol. 58, № 1. P. 81–99. DOI [10.2307/1952757](https://doi.org/10.2307/1952757).
13. *Mann D. E., Smith Z. A.* The selection of U.S. cabinet officers and other political executives // *International Political Science Review*. 1981. Vol. 2, № 2. P. 211–234. DOI [10.1177/019251218100200206](https://doi.org/10.1177/019251218100200206). EDN [JMPZCB](#).
14. *Freitag P. J.* The cabinet and big business: a study of interlocks // *Social Problems*. 1975. Vol. 23, № 2. P. 137–152. DOI [10.2307/799652](https://doi.org/10.2307/799652).

15. Gill T. M. The persistence of the power elite: presidential cabinets and corporate interlocks, 1968–2018 // *Social Currents*. 2018. Vol. 66, № 1. P. 128–144. DOI [10.1177/2329496518797857](https://doi.org/10.1177/2329496518797857).
16. Theakston K, Fry G. K. Britain's administrative elite: permanent secretaries 1900–1986 // *Public Administration*. 1989. Vol. 67, № 2. P. 129–147. DOI [10.1111/j.1467-9299.1989.tb00718.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1989.tb00718.x).
17. Rouban L. The senior civil service in France // *Bureaucratic elites in Western European states: A comparative analysis of top officials* / Eds. E. C. Page, V. Wright. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 65–89. DOI [10.1093/0198294468.003.0005](https://doi.org/10.1093/0198294468.003.0005).
18. Goetz K. H. The development and current features of the German civil service system // *Civil service systems in Western Europe, second Edition* / Ed. F. M. Van der Meer. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. P. 37–65. DOI [10.4337/9781781000939](https://doi.org/10.4337/9781781000939).
19. Greer S. L., Jarman H. The British civil service system // *Civil service systems in Western Europe, second Edition* / Ed. by F. M. Van der Meer. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. P. 13–35. DOI [10.4337/9781781000939.00006](https://doi.org/10.4337/9781781000939.00006).
20. Derlien H-U. Mandarins or managers? The bureaucratic elite in Bonn, 1970 to 1987 and beyond // *Governance: An International Journal of Policy and Administration*. 2003. Vol. 6, № 3. P. 401–428. DOI [10.1111/1468-0491.00222](https://doi.org/10.1111/1468-0491.00222). EDN ETMRHN.
21. Talbot C. The British administrative elite. The art of change without changing? // *Revue française d'administration publique*. 2014. № 151-152. P. 741–761. DOI [10.3917/rfap.151.0741](https://doi.org/10.3917/rfap.151.0741).
22. Тев Д. Б. Высокоставленные чиновники Администрации Президента РФ: каналы рекрутирования и карьера // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2020. Т. 23, № 3. P. 153–187. DOI [10.31119/jssa.2020.23.3.7](https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.7). EDN LOLGQW. [Tev D. B. Senior officials of the Presidential Administration of Russia: recruitment channels and career. *The Journal of Sociology and Social Anthropology=Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2020;23(3):153–187. (In Russ.). DOI [10.31119/jssa.2020.23.3.7](https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.7)].
23. Воронкова О. А., Сидорова А. А., Крыштановская О. В. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 1. С. 66–79. EDN NCPECN. [Voronkova O. A., Sidorova A. A., Kryshchanovskaya O. V. Russian establishment: ways and methods of renewal. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2011;(1):66–79. (In Russ.)].
24. Тев Д. Б. Бизнес как источник рекрутирования членов Правительства РФ в 2000–2021 гг. // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2022. Т. 25, № 4. С. 46–78. DOI [10.31119/jssa.2022.25.4.3](https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.3). EDN HYZVZQ. [Tev D. B. Business as a source of recruitment of members of the Russian Federal Government in 2000–2021. *The Journal of Sociology and Social Anthropology=Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2022;25(4):46–78. (In Russ.). DOI [10.31119/jssa.2022.25.4.3](https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.3)].
25. Покатов Д. В. Российская политическая элита: особенности и направления изменений базовых показателей в современных условиях // *Социально-гуманитарные знания*. 2024. № 12. С. 155–158. EDN MOYOFB. [Pokatov D. V. The Russian political elite: features and directions of changes in basic indicators in modern conditions *Social and humanitarian knowledge=Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2024;(12):155–158. (In Russ.)].
26. Тев Д. Б. Федеральное собрание как канал рекрутирования правительственной элиты России // *Политическая наука*. 2024. № 3. С. 185–210. DOI [10.31249/poln/2024.03.08](https://doi.org/10.31249/poln/2024.03.08). EDN NERVYX. [Tev D. B. The Federal Assembly as a channel of recruitment of the Russian government elite. *Political science (RU=Politicheskaja nauka*. 2024;(3):185210. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2024.03.08](https://doi.org/10.31249/poln/2024.03.08)].

27. *Semenova E.* Ministerial and parliamentary elites in an executive-dominated system: post-Soviet Russia 1991–2009 // *Comparative Sociology*. 2011. Vol. 10, № 6. P. 908–927. DOI [10.1163/156913311X607629](https://doi.org/10.1163/156913311X607629). EDN [PLFJTZ/](https://edn.socsci.uci.edu/doc.jsp?document_id=PLFJTZ/)
28. *Заранкин И. А.* Сравнительный анализ моделей и факторов рекрутирования министров правительств Российской Федерации и Французской Республики : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Заранкин Илья Александрович ; науч. рук. О. В. Гаман-Голутвина; РУДН. Москва, 2018. 194 с. [Zarankin I. A. Comparative analysis of models and factors of recruitment of ministers of the governments of the Russian Federation and the French Republic. Dissertation for the degree of candidate of political sciences. Moscow; 2018. 194 p. (In Russ.)].
29. *Тев Д. Б.* Федеральная административная элита: карьерные пути и каналы рекрутирования // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 115–130. DOI [10.17976/jpps/2016.04.10](https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.10). EDN [WEBMZF](https://edn.socsci.uci.edu/doc.jsp?document_id=WEBMZF/). [Tev D. B. Federal administrative elite of Russia: career paths and channels of recruitment. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovanija*. 2016;(4):115–130. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2016.04.10](https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.10)].
30. *Тев Д. Б.* Федеральная административная элита России: особенности карьеры после ухода с должности // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 1. С. 130–146. DOI [10.17976/jpps/2023.01.10](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.10). EDN [BBGNON](https://edn.socsci.uci.edu/doc.jsp?document_id=BBGNON). [Tev D. B. Federal administrative elite of Russia: features of a career after leaving office. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovanija*. 2023;(1):130–146. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2023.01.10](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.10)].
31. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации / А. С. Быстрова, А. В. Дука, Н. В. Колесник, А. В. Невский, Д. Б. Тев // *Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / Отв. ред. И. И. Елисеева*. СПб. : Нестор-История, 2008. С. 99–243. EDN [YMHGUA](https://edn.socsci.uci.edu/doc.jsp?document_id=YMHGUA). [Bystrova A. S., Duka A. V., Kolesnik N. V., Nevskij A. V., Tev D. B. Russian Regional elites: innovation potential in the context of globalization. In: I. I. Eliseeva, ed. *Globalization in Russian society: collection of scientific works*. St. Petersburg: Nestor-Istorija; 2008. P. 99–242. (In Russ.)].
32. *Huskey E.* Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43, № 4. P. 363–372. DOI [10.1016/j.postcomstud.2010.10.004](https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.004). EDN [OLSLUF](https://edn.socsci.uci.edu/doc.jsp?document_id=OLSLUF).
33. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон ; пер. с англ. В. Р. Рокитянского. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 480 с. ISBN 5-89826-194-X. EDN [QODDDF](https://edn.socsci.uci.edu/doc.jsp?document_id=QODDDF). [Huntington S. *Political order in changing societies* [Politicheskiy porjadok v menjajushhihsja obshhestvah]. Moscow: Progress-Tradicija; 2004. 480 p. (In Russ.). ISBN 5-89826-194-X].
34. *Renz B.* Putin's militocracy? An alternative interpretation of siloviki in contemporary Russian politics // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58, № 6. P. 903–924. DOI [10.1080/09668130600831134](https://doi.org/10.1080/09668130600831134). EDN [MJLVGZ](https://edn.socsci.uci.edu/doc.jsp?document_id=MJLVGZ).
35. *Rivera D. W., Rivera S. W.* Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization // *Post-Soviet Affairs*. 2014. Vol. 30, № 1. P. 27–50. DOI [10.1080/1060586X.2013.819681](https://doi.org/10.1080/1060586X.2013.819681). EDN [SPFLEL](https://edn.socsci.uci.edu/doc.jsp?document_id=SPFLEL).
36. *Kryshchanovskaya O., White S.* Putin's militocracy // *Post-Soviet Affairs*. 2004. Vol. 19, № 4. P. 289–306. DOI [10.2747/1060-586X.19.4.289](https://doi.org/10.2747/1060-586X.19.4.289). EDN [LHWURH](https://edn.socsci.uci.edu/doc.jsp?document_id=LHWURH).
37. *Быстрова А. С.* Губернаторы и члены региональных правительств: карьерные траектории высших представителей исполнительной власти субъектов Российской Федерации // *Власть и элиты*. 2024. Т. 11, № 4. С. 45–100. DOI [10.31119/re.2024.11.4.3](https://doi.org/10.31119/re.2024.11.4.3). EDN [MKJFKG](https://edn.socsci.uci.edu/doc.jsp?document_id=MKJFKG). [Bystrova A. S. Governors and members of regional governments: senior officials of the executive authorities career trajectories (the subjects

of the Russian Federation). *Power and elites=Vlast' i elity*. 2024;11(4):45–100. (In Russ.). DOI 10.31119/pe.2024.11.4.3].

38. Semenova E. The patterns of political career movements in the Russian Federation: the case of regional governors, 1991–2021 // *Regional & Federal Studies*. 2023. DOI 10.1080/13597566.2022.2155811.

Сведения об авторе

Д. Б. Тев

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: 6278-5841

Статья поступила в редакцию 18.02.2025; одобрена после рецензирования 01.03.2025; принята к публикации 17.03.2025.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.2.4

FEDERAL ADMINISTRATIVE ELITE OF RUSSIA: FEATURES OF REPRODUCTION OF CAREER CHARACTERISTICS

Denis Borisovich Tev

Sociological Institute of FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russia,
denis_tev@mail.ru,
ORCID 0000-0001-5442-7585

For citation: Tev D. B. Federal administrative elite of Russia: features of reproduction of career characteristics. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(2):67–89. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2025.13.2.4.

Abstract. The article considers the dynamics of career characteristics of the Russian federal administrative elite. The empirical basis of the study is the biographical databases of high-ranking officials of 2013 and 2024. The study allowed us to draw a number of conclusions. In personal terms, the elite has been mainly renewed, while among the leadership of the PA and executive bodies directly subordinate to the head of state, personal reproduction is comparatively more pronounced. On the contrary, the socio-structural (career) characteristics of the elite, in general, demonstrate a tendency towards reproduction. Such indicators of its professional origin as the level of militarization and the share of people from the federal and regional administrations are quite stable. The federal parliament, as before, plays an insignificant role as a supplier of administrators, and the share of direct descendants from business has also changed little. In general, we can talk about a more or less established pattern of recruitment of the federal administrative elite during the rule of V. V. Putin, which indicates its institutionalization. The socio-structural reproduction of the elite was facilitated by the stability of the fundamental characteristics of the socio-political context of its formation, which largely determines the possibilities of an elite career, the

availability and attractiveness of positions of power. At the same time, some changes in the career characteristics of both the elite as a whole (for example, the role of private firms weakened and the importance of state-owned companies as direct suppliers of key officials increased) and its segments occurred. In part, these trends may be associated with the gradual departure from the elite of personnel who first occupied prominent administrative posts in the late 1990s – first half of the 2000s. Changes in the political and economic context in connection with the Special military operation and international sanctions may also influence the career characteristics of the elite, although still to a limited extent.

Keywords: federal administrative elite, reproduction, institutionalization, career, recruitment

Information about the Author

D. B. Tev

Candidate of Sociology,

Senior Researcher

ResearcherID: [N-5461-2017](#)

Scopus AuthorID: [33068267600](#)

The article was submitted 18.02.2025; approved after reviewing 01.03.2025; accepted for publication 17.03.2025.

УДК 316.4.06
DOI: 10.19181/snsp.2025.13.2.5
EDN: GVRDPI

Научная статья

СОХРАНЕНИЕ КОГНИТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ

Ольга Александровна Башева¹
Екатерина Фёдоровна Черникова²
Мкртыч Гагикович Оганнисян³
Елена Геннадьевна Драндрова⁴
Мария Валерьевна Ведунова⁵

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

OlgaAUsacheva@yandex.ru,
ORCID 0000-0003-1459-0091

² Нижегородский научно-исследовательский институт
гигиены и профпатологии» Роспотребнадзора,
Нижний Новгород, Россия,

chernikova_ef@mail.ru,
ORCID 0000-0002-0565-4551

³ Национальный центр спортивной медицины ФМБА России,
Москва, Россия,

ogannisyanmg@sportfmba.ru,
ORCID 0000-0002-7074-5337

⁴ Чувашский государственный университет,
Чебоксары, Россия,

drandrov@yandex.ru,
ORCID 0000-0003-3341-3373

⁵ Институт биологии и биомедицины ННГУ им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия,

mvedunova@unn.ru,
ORCID 0000-0001-9759-6477

Для цитирования: Башева О. А., Черникова Е. Ф., Оганнисян М. Г., Драндрова Е. Г., Ведунова М. В. Сохранение когнитивного потенциала населения как социальная

Руководитель проекта «Исследование когнитивного долголетия и способов его продления» Ведунова Мария Валерьевна директор Института биологии и биомедицины ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

- © Башева О. А., 2025
- © Черникова Е. Ф., 2025
- © Оганнисян М. Г., 2025
- © Драндрова Е. Г., 2025
- © Ведунова М. В., 2025

проблема и национальный вызов // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 2. С. 90–113. DOI [10.19181/snsp.2025.13.2.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.5). EDN GVRDPI.

Аннотация. Одним из фундаментальных социальных процессов, обусловленных всемирным демографическим переходом, является увеличение числа пожилых людей с признаками возрастных изменений и даже хроническими неврологическими заболеваниями. Подобные патологии относятся к социальным, так как оказывают глубокое влияние на когнитивные функции и физические способности значительной части населения, более того они имеют длительную доклиническую фазу. В связи с этим формируется общественный запрос на реализацию профилактических мер для групп высокого риска и населения в целом, что может снизить бремя неврологических заболеваний, несущее серьёзную угрозу для системы здравоохранения, а также устойчивого развития всех стран. Необходимо учитывать, что даже физиологическое старение сопряжено с ухудшением памяти, потерей критического мышления, снижением скорости принятия решений. Огромное влияние на когнитивное здоровье населения в последние годы оказывают также процессы компьютеризации, информатизации и цифровизации. В связи с этим старение мозга и угасание когнитивных функций перестают быть исключительно возрастными и медицинскими проблемами и становятся глобальными социальными вызовами, затрагивающими все группы населения. Сложившаяся ситуация требует междисциплинарной и межсекторной кооперации управленцев, врачей, учёных для разработки комплексных стратегий сохранения когнитивного здоровья населения, включающих оценку функциональной активности головного мозга, раннюю диагностику, профилактику и терапию отклонений, что, в свою очередь, требует социологической диагностики и социологического обеспечения. Помимо запуска госпрограмм поддержки когнитивного здоровья, серьёзная задача состоит в повышении информированности населения, мотивации к сохранению когнитивного здоровья, привития культуры здорового образа жизни, соблюдения принципов информационной гигиены и соблюдения режимов сна труда и отдыха, необходимых для когнитивного долголетия. В данной статье коллектив авторов сосредоточился на актуализации проблемы когнитивного старения в России и рассмотрел возможные варианты её решения на примере успешных практик в мире и собственных разработок.

Ключевые слова: здоровье мозга, когнитивные расстройства, «цифровая деменция», цифровое отвлечение, здоровое долголетие, сохранение профессиональных компетенций, социальные практики здоровьесбережения, социальные представления о когнитивном долголетии

Благодарности: команда благодарит за помощь в разработке идеи проекта Нефельд Е. Е., Лазарева В. Ф., Жукову М. В., Коршунова С. Д., Фёдорова А. К.

Введение: когнитивное старение как социальная проблема мирового масштаба

За последние несколько десятилетий всемирный демографический переход привёл к увеличению числа пожилых людей, что, в свою очередь, связано с проявлением как физиологического старения головного мозга, так и с увеличением частоты встречаемости неврологических заболеваний. Подобные патологии, оказывающие глубокое влияние на когнитивные функции и физические

способности, имеют длительную доклиническую фазу [1]. Эта особенность даёт уникальную возможность реализовать профилактические меры для групп высокого риска и населения в целом и, следовательно, снизить бремя неврологических заболеваний, несущее серьёзную угрозу для системы здравоохранения и устойчивого экономического и общественного развития всех стран. Необходимо учитывать, что даже физиологическое старение сопряжено с ухудшением памяти, потерей критического мышления, снижением скорости принятия решений [2].

Огромное влияние на когнитивное здоровье населения в последние годы оказывают также процессы компьютеризации, информатизации и цифровизации. В связи с этим старение мозга, предполагающее деградацию когнитивных функций, перестаёт быть исключительно возрастной и медицинской проблемой и становится глобальным социальным вызовом, затрагивающим все группы населения. Ситуацию, которая сложилась в связи с указанными процессами, нейробиолог из Массачусетского технологического института и эксперт по разделённому вниманию Эрл Миллер в 2022 году назвал «идеальным штормом когнитивной деградации»¹. Иллюстрацией тому служит, например, резкое снижение способности концентрироваться. В 2004 году средняя продолжительность фиксации внимания на любом экране составляла две с половиной минуты, в 2012 году – 75 секунд, к 2018 году она сократилась до 47 секунд [3].

Указанная тенденция требует серьёзного внимания со стороны управленцев, врачей, учёных и свидетельствует об актуальности разработки комплексных стратегий сохранения когнитивного здоровья населения. Большинство действующих здоровьесберегающих инициатив в мире сегодня направлены именно на стареющее население. Однако согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), только четверть стран в мире имеют национальную политику или план поддержки людей с деменцией и их семей². При этом в отдельных странах, например, в Сингапуре, к этому вопросу подходят серьёзнее, запуская программы поддержки ментального (психического) здоровья и благополучия³ и постепенно смещая фокус внимания на более молодые группы населения.

Помимо запуска программ поддержки когнитивного здоровья, серьёзная задача состоит в том, чтобы привлечь внимание населения к вопросам здоровья мозга и формированию здорового образа жизни, необходимого для когнитивного долголетия. В Великобритании, например, популяризируют термин

¹ Boile S. Is doom scrolling really rotting our brains? The evidence is getting harder to ignore // The Guardian : сайт. 09 December 2024. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/dec/09/brain-rot-word-of-the-year-reality-internet-cognitive-function> (дата обращения: 27.12.2024).

² World failing to address dementia challenge // World Health Organization : сайт. 02 September 2021. URL: <https://www.who.int/news/item/02-09-2021-world-failing-to-address-dementia-challenge> (дата обращения: 27.12.2024).

³ Launch of National Mental Health and Well-Being Strategy // Ministry of health Syngapore : сайт. 5 October 2023. URL: <https://www.moh.gov.sg/news-highlights/details/launch-of-national-mental-health-and-well-being-strategy> (дата обращения: 27.12.2024).

«здоровье мозга» для продвижения общественной дискуссии о снижении риска деменции¹. В нашей стране реализуется национальный проект «Демография», направленный на сохранение и укрепление здоровья, активное долголетие и повышение качества жизни россиян, включая профилактику возрастных дегенеративных расстройств. Кроме того, в 2024 году правительство РФ объявило о старте национального проекта «Новые технологии сбережения здоровья», в который будут включены пять федеральных проектов по развитию медицинской науки, созданию изделий, лекарственных форм и платформ нового поколения, биомедицинских и когнитивных технологий будущего, обеспечению активного и здорового долголетия².

Осознание учёными и практиками здравоохранения того факта, что именно социальные процессы формируют представления о ментальном и когнитивном здоровье, играют большую роль в этиологии заболеваний и развитии политики в области здравоохранения [4] в последние годы привело к синтезу исследовательских стратегий при анализе проблем когнитивного здоровья. Учёные рассматривают его не только как медицинский феномен, или феномен здоровья, но и как социальный феномен, а потому всё больше внимания уделяется социальным детерминантам здоровья мозга [5; 6; 7], включая практики предотвращения заболеваний и выработки здоровых привычек, находящихся в зоне ответственности самого человека [8]. То есть социологи и медики рассматривают граждан как активных субъектов, способных реализовать социальные практики здоровьесбережения, а не только как пассивных потребителей медицинских услуг [9]. В широком смысле слова под подобными практиками понимается совокупность устойчивых и воспроизводимых действий, ориентированных на улучшение здоровья [10]; а в частности – активная профилактика хронических заболеваний и более интенсивный контроль за состоянием своего здоровья. Множество исследований посвящено цифровым решениям, обеспечивающим профилактику заболеваний и удалённый мониторинг за состоянием здоровья населения, основанным на использовании технологий машинного обучения, искусственного интеллекта и телемедицинских технологий [11]. Кроме того, современные исследования в рамках предметного поля социологии здоровья всё больше ориентируются на изучение мотивации и барьеров к сохранению здоровья, а также на роль информационного воздействия на индивида [12].

В данной статье мы сосредоточимся на актуализации проблемы когнитивного старения в России и рассмотрим возможные варианты её решения на примере успешных практик в мире и собственных разработок.

¹ Brain health: a new way to think about dementia risk reduction // Royal society for public health : сайт. URL: <https://www.rsph.org.uk/our-work/campaigns/brain-health-a-new-way-to-think-about-dementia-risk-reduction.html> (дата обращения: 27.12.2024).

² Правительство разрабатывает национальный проект «Новые технологии сбережения здоровья» // ac.gov.ru : сайт. 04 июля 2024. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/pravitelstvo-razrabatyvaet-nacionalnyj-proekt-novye-tehnologii-sberezenia-zdorova-27835> (дата обращения: 27.12.2024).

Актуальность проблемы когнитивного старения в России

Когнитивное старение населения ставит перед обществом множество вызовов на микро-, мезо- и макроуровне. В рамках социологии здоровья этот процесс рассматривается как социальный риск, то есть как неблагоприятное событие и/или его последствия, влияющие на целостность и сохранность общества в целом или его институтов [13].

В первую очередь большой общественной проблемой становится серьёзное снижение качества жизни людей с когнитивными расстройствами, в частности с социально-когнитивными дисфункциями, связанными с так называемым социальным познанием [14]. Последнее относится к таким способностям как внимание, восприятие и запоминание социальной информации, а также точное определение и понимание мыслей, чувств и намерений себя и других, которые влияют на социальное поведение. Снижение способности у пожилых людей точно идентифицировать эмоции других людей уже давно доказано исследованиями, но современные данные также показывают проблемы с эмпатией у молодёжи, зависимой от гаджетов и страдающей так называемой «цифровой деменцией» [15].

Во-вторых, со старением населения связано большое количество вызовов для системы здравоохранения. В частности, повышение затрат на оказание медицинской помощи, необходимость усиления акцента на профилактические мероприятия, рост распространённости и тяжести хронических неинфекционных заболеваний и коморбидность, борьба с неравенством в отношении доступа к медицинской помощи, выраженным в территориальном, возрастном и гендерном аспектах, а также определяемым социально-экономическим статусом человека [11].

В-третьих, когнитивное старение населения негативно влияет на экономическую систему. Современные экономики называют «экономиками мозга», поскольку большинство новых рабочих мест требуют когнитивных, эмоциональных и социальных навыков, а не только ручного труда¹. С ростом автоматизации глобальная экономика всё больше опирается на то, что можно назвать «капиталом мозга», а именно на такие навыки, как самоконтроль, эмоциональный интеллект, креативность, сострадание, альтруизм, системное мышление, когнитивная гибкость (способность переключаться с одной мысли на другую, а также обдумывать несколько вещей одновременно) [16]. Инвестиции в здоровье мозга и навыки мозга лежат в основе экономической устойчивости государства.

В нашей стране актуализация указанной проблемы во многом связана с дефицитом трудовых ресурсов. Согласно статистическим исследованиям, доля населения РФ старше трудоспособного возраста неуклонно растёт. На сегодняшний день почти четверть населения РФ составляют люди пенсионного возраста. При этом общая численность работающих пенсионеров снижается. На данный момент их почти в два раза меньше, чем в 2015 году [17] (рис. 1).

¹ Defining the skills citizens will need in the future world of work // McKinsey & Company : сайт. June, 25, 2021. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/public-sector/our-insights/defining-the-skills-citizens-will-need-in-the-future-world-of-work> (дата обращения: 21.02.2025).

В этой связи актуальным становится вопрос утраты профессиональных компетенций и разрыва «профессиональных поколений». К 2030 году прогнозируемый дефицит трудовых ресурсов в РФ, несмотря на проведённую пенсионную реформу, достигнет 2–4 млн человек ¹.

Рис. 1. Соотношение численности населения РФ в возрасте старше трудоспособного возраста к численности работающих пенсионеров (млн чел.)

*Источники: Росстат ², Социальный фонд России ³

Согласно расчётам Росстата, средняя ожидаемая продолжительность жизни в России в 2023 г. составила 73,4 года, а ожидаемая продолжительность здоровой жизни почти на 16% ниже, а именно 61,7 лет ⁴. В 2034 году срок выхода мужчин на пенсию составит 65 лет, а женщин – 63 года. Даже при достижении прогнозируемой продолжительности жизни в 2030 году – 78 лет, возраст выхода на пенсию мужчин превысит возраст активности. Такая демографическая ситуация ставит перед национальной экономикой огромный вызов, на который уже отреагировало руководство страны ⁵.

¹ Эксперты ждут роста дефицита кадров в России до 2–4 млн человек к 2030 году // Интерфакс : сайт. 04 декабря 2023. URL: <https://www.interfax.ru/business/934482> (дата обращения: 27.12.2024).

² Численность населения по отдельным группам возрастным группам // Росстат : сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn3.htm (дата обращения: 27.02.2025).

³ Основные показатели пенсионного обеспечения в Российской Федерации // Социальный фонд России : сайт. URL: https://sfr.gov.ru/info/statistics/pension_provision_sfr (дата обращения: 27.02.2025).

⁴ Первые демографические итоги 2024 года в России (часть II) // Демоскоп Weekly : сайт. 01–14 апреля 2025. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01069/barom05.php> (дата обращения: 06.05.2025).

⁵ См., в частности: Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024; Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»; Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений

Старшее поколение – это стажированные, высокопрофессиональные специалисты, вырастившие детей, сформировавшие материальную базу. В большинстве своём это чуткие, ответственные и мотивированные к работе сотрудники. Однако стоит учитывать, что они накопили три и более хронических заболевания; их качество жизни, активность, физическое и ментальное здоровье требуют внимания и поддержки; их трудовая деятельность должна быть щадящей.

Причины ухода с работы высокопрофессиональных сотрудников часто связаны со здоровьем и физической невозможностью продолжать работу, иными словами – со старением организма, а в странах с высоким уровнем развития медицинских технологий основной причиной становятся когнитивные изменения. В своей основе старение содержит биологический, социальный и психологический аспекты [18]. Несмотря на то, что остаются неидентифицированными на данный момент все маркеры и признаки старения, а также не полностью изучены его механизмы, сегодня учёные характеризуют старение как процесс, связанный с развитием старческой астении (хрупкости), активацией возраст-зависимых заболеваний, снижением когнитивных функций, как следствие – отсутствие критического мышления, страх принятия решений и негативный опыт, нежелание вступать в социальные коммуникации.

Таким образом, одной из значимых общих тенденций, свойственных стареющему организму, является снижение когнитивных функций, которое в определённой стадии выраженности принимает отчётливую форму когнитивных расстройств.

Когнитивные расстройства – субъективное и/или объективно выявляемое ухудшение когнитивных способностей (внимания, памяти, речи, восприятия, праксиса, управляющих функций) по сравнению с исходным индивидуальным и/или средними возрастными и образовательными уровнями вследствие органической патологии головного мозга и нарушения его функции различной этиологии, влияющее на эффективность обучения, профессиональной, социальной и бытовой деятельности¹.

Исходя из этого определения, можно отметить, что целый ряд когнитивных расстройств относится к патологическим (они являются проявлением, то есть симптомом первичного заболевания, затрагивающего области коры головного мозга, отвечающие за когнитивные функции) и другая часть – к физиологическим (лёгкое снижение когнитивных функций, обусловленное возрастными особенностями).

Перемены, ассоциированные с физиологическим старением, имеют выраженные возрастные и половые особенности. К основным структурным трансформациям «стареющего» головного мозга относятся атрофия тканей,

научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий».

¹ Клинические рекомендации Минздрава России. Когнитивные расстройства у лиц пожилого и старческого возраста // Российское психологическое общество : сайт. URL: http://psyurus.ru/med_psy/klinicheskie-rekomendatsii/kognitivnie_rasstroistva_pogilie_1204202.pdf (дата обращения: 27.12.2024).

перераспределение функциональной активности в тканях мозга, изменение экспрессии нейромедиаторов и накопление клеточных повреждений. Возраст-зависимые преобразования мозга сопровождается уменьшением его общей массы и объёма преимущественно в височных и лобных долях [19]. В возрасте от 60 до 75 лет масса человеческого мозга уменьшается на 6%; это происходит также неравномерно в разных отделах [20]. Объём серого вещества начинает незначительно уменьшаться после 20 лет и быстро уменьшается после 50 лет [21].

Возраст-зависимые изменения функциональной активности, происходящие в процессе нормального старения, хорошо известны. Они включают: нарушение способности быстро обрабатывать и усваивать новую информацию, снижение оперативной памяти, скорости реакции и скорости принятия решений, вязкость мышления, сокращение объёмов внимания и пространственного мышления, ухудшение языковых способностей, изменение цветового восприятия, вкуса и запаха, невозможность различать высокочастотные звуки, непоследовательность действий [22; 23; 24].

Примечательно, что у лиц одного и того же хронологического возраста наблюдается значительная неоднородность темпов снижения общего уровня когнитивных функций. Хотя возрастная нейродегенерация является неотъемлемой стороной процесса старения, её ускоренное прогрессирование служит переходным моментом, ведущим от нормального функционирования организма к лёгким когнитивным нарушениям, что при отсутствии коррекции приведёт к потере трудоспособности и впоследствии к деменции [25].

К факторам, повышающим риск развития возраст-зависимых когнитивных нарушений, относятся: низкий уровень дохода и социальный статус; низкий уровень образования; социальная изоляция; недостаток когнитивной активности; ночной труд и ненормируемый режим труда; вредные вещества-загрязнители воздуха, влияющие на центральную нервную систему; тяжёлые сосудистые и вирусные заболевания; повышенное артериальное давление (гипертония); повышенное содержание сахара в крови (диабет); избыточная масса тела или ожирение; дислипидемия (нарушение пропорций липидов крови); хронические стрессы; ишемическая болезнь сердца; хроническая болезнь почек; недостаток физической активности; депрессия; курение; избыточное потребление алкоголя¹.

По оценкам ВОЗ, выраженной формой когнитивных нарушений (деменцией) в мире страдает более 55 млн человек (8,1% женщин и 5,4% мужчин в возрасте старше 65 лет). Ожидается, что к 2030 году этот показатель вырастет до 78 млн, к 2050 году – до 139 млн, а в целом когнитивных расстройств – до 154 млн². По расчётным данным, в России в 2019 году проживало 1 950 000

¹ Деменция // ВОЗ: сайт. 15 марта 2023. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/dementia> (дата обращения: 27.12.2024).

² Мировое сообщество не справляется с проблемой деменции // ВОЗ: сайт. 02 сентября 2021. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/02-09-2021-world-failing-to-address-dementia-challenge> (дата обращения: 27.12.2024).

пациентов с недиагностированной деменцией (по официальным данным – менее 200 000 пациентов) [26].

Фактически проблема когнитивных нарушений – это их невыявление среди взрослого населения. На профосмотрах, при диспансеризации соответствие когнитивных функций средней норме биологического возраста (старения) не оценивается, и только в ряде предприятий определяют уровень эрудиции и IQ соискателей при трудоустройстве. Действующие клинические рекомендации по когнитивным расстройствам охватывают целевую аудиторию 65+, то есть на сегодня мы получаем выявляемость по обращаемости в глубоко запущенных стадиях, когда о продолжении трудовой деятельности часто не может быть и речи.

Исследователи подчёркивают, что стойкой утрате когнитивных функций предшествуют длительно продолжающиеся патологические изменения гормональных процессов в организме, изменения на молекулярно-клеточном уровне, затрагивающие в том числе и нейронные связи в головном мозге [27]. Доказано, что патофизиологические механизмы, приводящие в итоге к клинически значимому снижению когнитивных функций, активируются задолго до появления очевидных симптомов. При некоторых видах патологических изменений доклиническая стадия может длиться около 15–20 лет, таким образом, возрастом дебюта «старения мозга» можно считать четвёртое десятилетие жизни [28]. Это заставляет по-новому взглянуть на жалобы пациентов молодого и среднего возраста, относящиеся к ментальной сфере.

Важность раннего выявления и профилактики когнитивных нарушений за счёт снижения действия модифицируемых факторов риска связана с тем, что примерно 40% случаев деменций можно было бы совсем избежать.

Недостаточную эффективность принимаемых на сегодня мер обуславливает отсутствие доступной специализированной службы по диагностике когнитивных расстройств, дефицит специалистов в первичном звене, недостаточная информированность населения и немотивированность в сохранении своего ментального здоровья.

«Омоложение» когнитивных нарушений в связи с цифровизацией жизни

Как было отмечено выше, говоря об ухудшении состояния когнитивных функций, мы имеем в виду не только старший возраст (60+). Различные компоненты «подвижного» интеллекта достигают пика в разном возрасте и, соответственно, в разном возрасте начинают снижаться. Например, скорость обработки информации достигает максимума примерно в 18 или 19 лет, а затем сразу снижается. Кратковременная память продолжает улучшаться примерно до 25 лет, после чего она стабилизируется и примерно в возрасте 35 лет тоже угасает [29]. Всё это естественные процессы. Но в последние десятилетия стала заметна тенденция к омолаживанию когнитивных нарушений, связанная

с бурным развитием информационных технологий и многократным увеличением объёма поступающей из различных источников информации, ухудшением экологических условий среды обитания, бесконтрольным приёмом лекарственных средств и биологических добавок, увеличением травмоопасных видов деятельности [30].

Масштаб цифровизации в мире иллюстрирует статистика агентства Datareportal. Согласно ей, в 2024 году 69,4% населения Земли из 8,08 млрд обладают мобильными телефонами, 66,2% являются пользователями Интернета, 62,3% – пользователями социальных сетей ¹. В среднем ежедневно в мире примерно 2 часа 23 минуты пользователи проводят в социальных сетях, а в целом в Интернете люди в возрасте от 16 до 64 лет – порядка 6 часов 40 минут в день.

В России же, по данным исследовательской компании Mediascope, 85% населения старше 12 лет являются пользователями мобильного интернета, и в среднем время его потребления в день на человека составляет 3 часа 52 минуты. Чем младше россияне, тем больше времени они проводят онлайн – у группы 12–24 лет этот показатель составляет почти 6 часов в сутки. По структуре мобильного онлайн-потребления больше всего времени уходит именно на социальные и контентные сервисы ².

Силу вовлечённости в онлайн-пространство показывают данные Ofcom: 95% молодых британцев в возрасте от 16 до 24 лет проверяют свой смартфон раз в 12 минут [31]. В научный оборот даже было введено понятие «цифровое отвлечение» [32], которое определяется как помехи, вызванные цифровыми устройствами в жизни человека, и приводящие к снижению производительности, негативному влиянию на психическое и эмоциональное здоровье и даже физическим последствиям.

Рост «цифрового отвлечения» можно объяснить несколькими факторами. Постоянная связь, предлагаемая смартфонами и Интернетом, усложнила задачу оторваться от цифрового мира. Социальные сети, электронная почта, мессенджеры и множество других приложений конкурируют за наше внимание 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, как на работе, так и дома. Страх упустить что-то – мощный стимул, заставляющий часто проверять свои устройства, чтобы быть в курсе последних новостей, тенденций и социальных взаимодействий. «Цифровое отвлечение» имеет далеко идущие последствия для психического и эмоционального здоровья. Одной из наиболее распространённых проблем является снижение концентрации и внимания. Постоянное переключение внимания с одного уведомления на другое фрагментирует когнитивные процессы, что приводит к снижению производительности и повышению стресса. Длительное использование социальных сетей провоцирует повышенный уровень тревожности и депрессии.

¹ Digital 2024: Global Overview Report // Datareportal : сайт. January, 31, 2024. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 27.12.2024).

² Как россияне используют интернет на смартфоне // Mediascope : сайт. 25 сентября 2024. URL: <https://mediascope.net/news/2654610/> (дата обращения: 27.12.2024).

«Цифровое отвлечение» также может нарушить режим сна, следствием чего станет недосыпание и связанные с ним проблемы психического, эмоционального и физического здоровья. Синий свет, излучаемый экранами, мешает выработке мелатонина, гормона, необходимого для регуляции сна. Недостаток сна стимулирует нейродегенеративные процессы, может ослабить иммунную систему, делая нас более восприимчивыми к болезням, или склонным к увеличению веса, поскольку он влияет на гормоны, регулирующие аппетит и обмен веществ. Со временем постоянное лишение сна может увеличить риск хронических заболеваний, таких как диабет и гипертония. Ещё одним заметным последствием цифрового отвлечения является малоподвижный образ жизни, который также ведёт к ожирению, сердечно-сосудистым заболеваниям и проблемам с опорно-двигательным аппаратом.

Помимо «цифрового отвлечения» говорят и о «цифровой деменции», являющейся следствием снижения целостности белого вещества в мозге и связанной с усилением синдрома дефицита внимания и гиперактивности, потерей памяти, снижением когнитивной эмпатии, влияющей на межличностное понимание и распознавание лиц, а также снижением языковых навыков [15].

Чрезмерное потребление бессмысленного, низкокачественного онлайн-контента, вредящего человеку, названо Оксфордским словарём «гниением мозга» («brain rot») и выбрано словом 2024 года¹. Словарь определяет это слово как предполагаемое ухудшение психического или интеллектуального состояния человека, рассматриваемое как результат чрезмерного потребления тривиального или несложного контента, особенно онлайн. А учёные используют даже термин «цифровая деменция», описывая негативные последствия чрезмерного использования цифровых технологий среди людей в период развития мозга (у «цифрового поколения») [33].

Формирование общественных представлений о когнитивном здоровье в мире и России

Обзор англоязычной научной литературы показал, что за последние 15 лет в мире накоплен довольно большой опыт проведения информационных кампаний о различных когнитивных расстройствах (включая деменцию и болезнь Альцгеймера). В частности, известно о проведении подобных кампаний в странах Европы (в Бельгии [34], Голландии [35], Дании [36], Франции [37], Ирландии [38]) и Австралии [39]). Нацелены они, прежде всего, на информирование о факторах риска и защиты от деменции.

Причиной проведения подобных кампаний послужило предположение о том, что повышение осведомлённости широкой общественности о возможности снижения рисков когнитивных расстройств, особенно в среднем возрасте,

¹ "Brain rot" named Oxford Word of the Year 2024 // Oxford University Press : сайт. 2 December 2024. URL: <https://corp.oup.com/news/brain-rot-named-oxford-word-of-the-year-2024/> (дата обращения: 27.12.2024).

является важным шагом на пути к изменению поведения населения в сторону здорового образа жизни.

В рамках кампаний при поддержке компетентных экспертных центров, информация о факторах риска развития когнитивных нарушений и возможности снижения риска распространялась через СМИ (радиостанции, ТВ, газеты) и социальные медиа, а также на рекламных щитах вдоль дорог. В аптеках и других общественных местах предлагались листовки и раздаточные материалы, привлекающие внимание к проблеме. Например, во Фландрии (Бельгия) на вокзалах, в аптеках и на местных рынках волонтеры раздавали «коробки с вакциной от деменции» (40 тыс. штук), в которых находились пустая блистерная упаковка, символизирующая 12 факторов риска деменции, буклет с подробной информацией, включая сообщения известных людей, экспертов в области здравоохранения, учёных, и пакет несолёных орехов, символизирующих важность диеты, полезной для мозга. Кроме того, в аптечных пунктах люди могли пройти онлайн-скрининг для оценки факторов риска и получения индивидуальных рекомендаций [34]. Почти всегда для кампании создавался информационный сайт. Реже использовались только цифровые площадки. Например, в Австралии был создан веб-сайт, на котором распространялись сведения о контролируемых факторах риска [40].

Как правило, информационные кампании длились от полугода до полутора лет (в Бельгии – 7 месяцев, в Нидерландах – 10, в Дании – 18). Некоторые кампании при партнёрской поддержке (НКО, медицинские учреждения, учёные, бизнес) запускали цифровые площадки (например, сайты, посвящённые деменции), благодаря чему их работа растягивалась на более длительное время. В Ирландии, например, кампания «Understand Together» функционирует с конца 2016 года по настоящее время ¹.

Посредством проведения опросов общественного мнения до и после кампаний определялась их эффективность. Как правило, осведомлённость о когнитивных нарушениях и факторах их рисков повышалась как минимум на треть. В Бельгии 34% опрошенных отметили, что за последний год узнали больше о здоровье мозга и факторах риска развития деменции (на рисунке 2 представлены результаты кампании в Бельгии).

Во многих странах мира, независимо от проведения информационных кампаний, осуществляется мониторинг осведомлённости населения о серьёзных стадиях когнитивных нарушений, в частности о деменции и болезни Альцгеймера посредством проведения массовых опросов [41; 42]. Знания об отношении населения к ранней диагностике когнитивных нарушений имеют большое значение для успешной реализации программ здравоохранения в этой области [43]. Опыт США (модельные расчёты) показывает, что широкомасштабная диагностика и лечение, даже незначительно замедляющее начало заболевания, может оказать серьёзное влияние на общественное здоровье

¹ Understand Together Campaign // dementia : сайт. URL: <https://www.understandtogether.ie/understand-together-campaign/> (дата обращения: 27.12.2024).

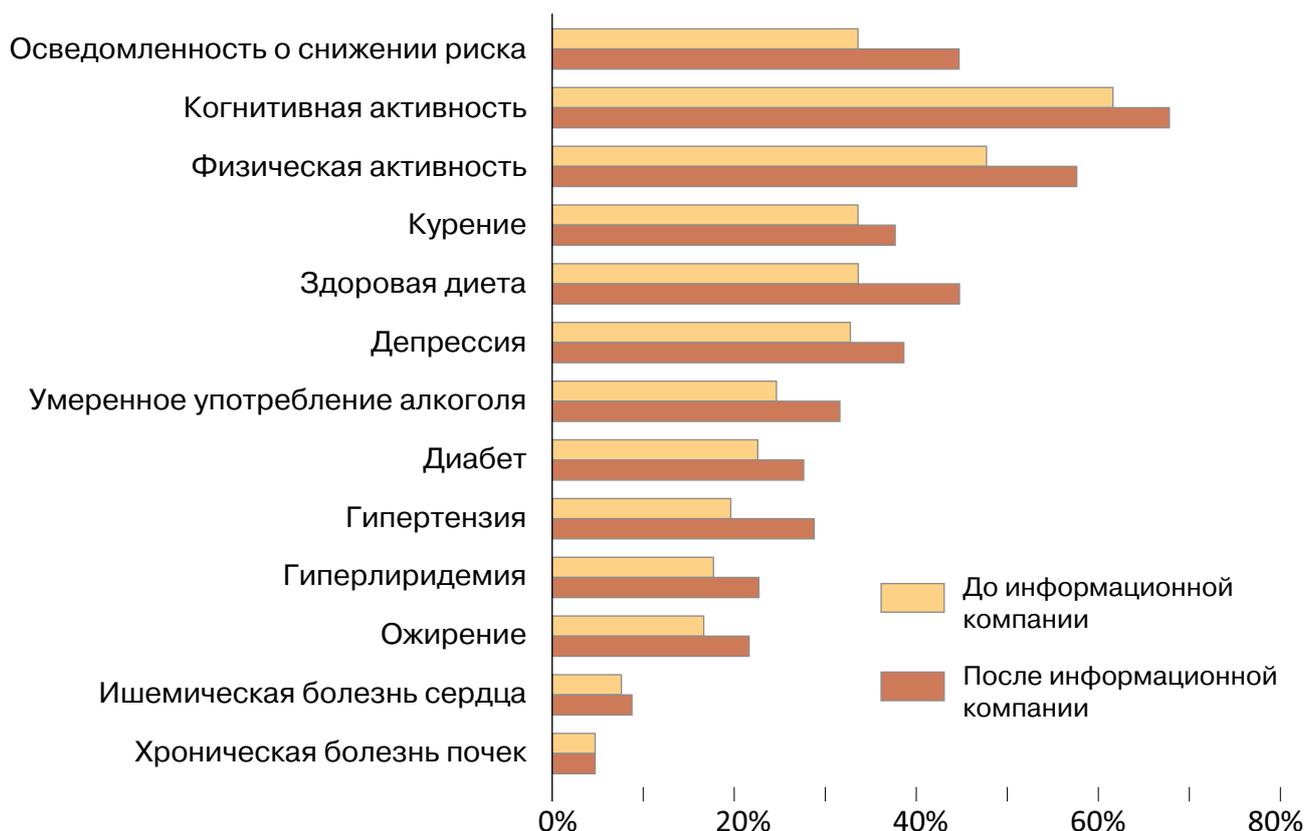

Рис. 2. Результаты проведения информационной кампании в Бельгии: информированность о факторах риска развития деменции до и после проведения информационной кампании

*Источник: Van Asbroeck et al., 2021.

[44]. В некоторых странах на основе полученных знаний реализуются национальные или региональные стратегии в отношении деменции (в частности, в Великобритании ¹, Германии ², отдельных регионах Китая [45]). В 2016 году ВОЗ предложила глобальный план действий сектора здравоохранения по реагированию на деменцию ³.

Систематический обзор исследований грамотности населения о деменции показал, что почти половина респондентов в Европе, США, Восточной Азии, Израиле и Австралии считают эту патологию нормальной, непредотвратимой частью старения [46]. Опросы в мире показывают, что более половины граждан

¹ Living well with dementia: A National Dementia Strategy // gov.uk : сайт. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a7a15a7ed915d6eaf153a36/dh_094051.pdf (дата обращения: 27.12.2024).

² National Dementia Strategy – short version // Bundesministerium fur Gesundheit : сайт. URL: https://www.bundesgesundheitsministerium.de/fileadmin/Dateien/5_Publikationen/Pflege/Berichte/2021-01-14_Nationale_Demenzstrategie_Kurzfassung_EN.pdf (дата обращения: 27.12.2024).

³ Проект глобального плана действий сектора общественного здравоохранения по реагированию на деменцию // ВОЗ: сайт. 03 апреля 2017. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA70/A70_28-ru.pdf (дата обращения: 27.12.2024).

не знают о связи между образом жизни и риском деменции. В Нидерландах таких, например, 56% [47]. О большинстве факторов риска также известно немногим (в Бельгии 21,6% не смогли назвать ни одного из 12). В Бельгийской Фландрии до проведения информационной кампании две трети населения (65,5%) не знали, что можно снизить риск развития деменции. Но вместе с тем потребность в знаниях о здоровье мозга есть у большинства (в Нидерландах это отметили 70% опрошенных). Готовность использовать цифровые приложения для диагностики и профилактики здоровья мозга высказывают более половины. И как показал опыт этих стран, после информационных кампаний доля осведомлённых людей увеличивалась.

В России подобных данных довольно мало и собираются они ещё не систематично. И, тем не менее, опрос ВЦИОМ 2023 года показал, что более половины респондентов уже знают, что такое деменция: хорошо знают треть россиян (34%), столько же что-то слышали о ней. Как и во всём мире, в нашей стране больше осведомлены граждане с высшим образованием (до 47% против 10% среди имеющих неполное среднее образование). Пока главным источником информированности о деменции является наглядный пример лиц, страдающих этим заболеванием, среди знакомых и близких (это отметили 42% от числа информированных). Следующий по популярности источник информации – Интернет (статьи, сайты, подкасты) – до 30%; телевидение отметили 24% опрошенных. Важно, что деменция в представлениях осведомлённых о ней россиян не ассоциирована с психическим заболеванием, а воспринимается именно как комплекс когнитивных нарушений. Почти треть сограждан (32%) считают, что деменцию можно отсрочить, а каждый пятый (20%) – что её можно предотвратить. По сравнению с 2014 годом россияне стали меньше тревожиться о возможности заболеть деменцией (2014 г. – 48%, 2023 г. – 36%)¹. Однако уровень информированности о факторах снижения риска когнитивных нарушений достаточно низок: только 25% указали, что для профилактики необходимо тренировать мозг, оставаться интеллектуально активным; только 9% назвали занятия спортом, а 5% – правильное питание.

Практически данные о моделях знания и отношении разных групп населения к деменции и другим видам когнитивных нарушений необходимы для понимания того, как повысить осведомлённость разных групп общественности о факторах риска, диагностике и профилактике когнитивных нарушений, что может снизить нагрузку на систему здравоохранения. Повышение осведомлённости о когнитивных проблемах стареющих и болеющих лиц может способствовать формированию толерантного отношения к ним и более комфортного социального климата для таких людей [48], что, предположительно, снизит страх диагностики и лечения. Кроме того, успешный зарубежный опыт свидетельствует об эффективности инструмента информирования при формировании

¹ Деменция: что мы о ней знаем? // ВЦИОМ: сайт. 06 апреля 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/demencija-chto-my-o-nej-znaem> (дата обращения: 27.12.2024).

общей культуры здоровья в обществе. При этом ментальному здоровью должно уделяться не меньше внимания, чем физическому.

Как показал обзор литературы, просвещенческая деятельность в вопросах осведомленности и ухода за больными с когнитивными расстройствами за последнее десятилетие возросла. Однако современная система диагностики, направленная лишь на выявление деменции, как социально значимого заболевания, по-прежнему не включает определения физиологического старения, в том числе ускоренного. В рамках действующего национального проекта «Демография» проводятся кампании по предупреждению деменции, но опять же только среди пожилых людей старше 65 лет¹.

К наиболее значимым проектам, косвенно связанным с поддержанием когнитивного здоровья населения в РФ, можно отнести проект Деменция.net, созданный в 2021 году благотворительным фондом «Память поколений». Данный проект направлен на повышение осведомленности населения о проблемах когнитивного здоровья, о мерах профилактики и способах диагностики когнитивных расстройств и деменции и призван помочь людям, живущим с деменцией, членам их семей и опекунам, осуществляющим уход за ними.

На сайте проекта можно пройти онлайн-тестирование на наличие когнитивных изменений и ознакомиться с профильными полезными материалами о деменции и когнитивных расстройствах. Однако фокус этого проекта – люди с деменцией и предрасположенностью к ней, а не физиологически стареющие люди.

Согласно современным представлениям, для сохранения когнитивного долголетия решающее значение имеют нефармакологические методы профилактики и лечения. Существует два класса профилактических стратегий: связанные с образом жизни (ограничение калорий, когнитивная стимуляция, социализация и физическая активность) и диетой. В последние годы многие исследования были направлены на подтверждение профилактического эффекта пищевых добавок, таких как витамины B6 и B12, фолаты и витамины E, C и D [49]. К другим не менее эффективным методам можно отнести нормализацию циркадных ритмов, гормональную поддержку женщин в период менопаузы и тренировку когнитивной сферы. Последнее является наиболее эффективным методом, поскольку независимо от базового интеллектуального уровня помогает сохранить логическое мышление и память.

Заключение и дискуссия

Проблема сохранения когнитивного здоровья в последние годы стала заметна на международном уровне и требует привлечения внимания населения, а также разработки комплекса мер оценки, коррекции когнитивных нарушений,

¹ Деменция: как вовремя опознать развитие болезни // Национальные проекты.рф : сайт. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/dementsiya-kak-vovremya-opoznat-ravzvitie-bolezni-> (дата обращения: 27.12.2024).

а главное – их профилактики, ведь, как показывают исследования, мозг способен к пластичности в любом возрасте, и его тренировка, ориентированная на конкретные навыки, может дать хороший результат [50]. В связи с этим междисциплинарный коллектив авторов данной статьи, работая над идеей сохранения профессиональных компетенций и когнитивного потенциала населения, предлагает создать цифровую платформу для ранней диагностики и, самое важное, коррекции когнитивных расстройств. Данная цифровая платформа, работающая на основе методов машинного обучения и учитывающая индивидуальные особенности каждого пользователя, позволит не только эффективно поддерживать высокий когнитивный статус человека на протяжении десятилетий, но и стать первичным звеном раннего выявления деменций. Приложение, загружаемое в телефон, будет предлагать пользователю персональный комплекс заданий, рекомендаций, советов, составлять индивидуальную траекторию когнитивного потенциала без персонализированной регистрации.

Серьёзным ограничением внедрения мер по сохранению когнитивного здоровья является низкая информированность населения о такой возможности. Неотъемлемой частью проекта является создание в обществе ценностного отношения к своему ментальному здоровью и проведение программы по популяризации мер здоровьесбережения.

Разработка и внедрение системы оценки когнитивных функций (когнитивного возраста) и последующей коррекции ранних функциональных нарушений позволит сохранить когнитивный потенциал молодого поколения, трудоспособность и экономическую активность высококвалифицированного старшего поколения, сократить дефицит кадров и внести значимый вклад в рост ВВП страны. Для этого необходимо: 1) информировать население о проблемах когнитивного здоровья, факторах риска развития деменции; 2) создать в обществе ценностное отношение к своему ментальному здоровью; 3) разработать и внедрить ряд мер для ранней диагностики и коррекции когнитивных расстройств. Среди подобных мер можно назвать цифровую платформу для диагностики состояния и тренировки когнитивных функций, созданием которой занята наша исследовательская группа, а также инициативу всероссийского комплекса «Ментально готов к труду и обороне» (ГТО-М), которая была успешно апробирована на Конгрессе молодых учёных в ноябре 2024 г. и поддержана на высшем уровне^{1,2}. ГТО-М стало продолжением проекта, предложенного авторами статьи в рамках инициативы Десятилетия науки и технологий.

Среди ключевых эффектов реализации указанных выше мер можно выделить: снижение кадрового дефицита; обеспечение преемственности профессиональных поколений; сохранение когнитивных функций, в том числе

¹ Встреча с участниками IV Конгресса молодых учёных // Президент России : сайт. 02 декабря 2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75737> (дата обращения: 27.12.2024).

² Дмитрий Чернышенко предложил расширить программу ГТО // RG.RU : сайт. 28 ноября 2024. URL: <https://rg.ru/2024/11/28/dmitrij-chernyshenko-predlozhit-rasshirit-programmu-gto.html> (дата обращения: 27.12.2024).

критического мышления; сохранение качества жизни; трудовое долголетие (сохранение трудовых компетенций среди трудоспособного населения); повышение осведомлённости о когнитивных нарушениях, их проявлениях и факторах риска; увеличение количества обращений за помощью и для диагностики когнитивных расстройств, в том числе ранней; повышение мотивации к изменению образа жизни и профилактики когнитивных нарушений; предотвращение профессионального эмоционального выгорания (за счёт повышения психоэмоциональной устойчивости, толерантности к нагрузке, гармонизации режимов и биоритмов); создание благоприятной среды для работающих пенсионеров; снижение производственного травматизма (путём повышения скорости реакции, расширения полей зрения и повышения концентрации внимания).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. The role of population-level preventive care for brain health in ageing / B. Sabayan, S. Doyle, N. S. Rost [et al.] // *The Lancet Healthy Longevity*. 2023. Vol. 4, № 6. P. 274–283. DOI [10.1016/S2666-7568\(23\)00051-X](https://doi.org/10.1016/S2666-7568(23)00051-X). EDN [PCTAEB](#).
2. Sex as a Determinant of Age-Related Changes in the Brain / D. E. Burmistrov, S. V. Gudkov, C. Franceschi, M. V. Vedunova // *International Journal of Molecular Sciences*. 2024. Vol. 25, № 13. e7122. DOI [10.3390/ijms25137122](https://doi.org/10.3390/ijms25137122). EDN [DMBQMU](#).
3. *Mark G. Attention Span: A Groundbreaking Way to Restore Balance, Happiness and Productivity*. NY : Hanover Square Press, 2023. 360 p. ISBN 978-1335449412.
4. *Busfield J. Introduction: Rethinking the sociology of mental health* // *Sociology of Health and Illness*. 2000. Vol. 22, № 5. P. 543–558. DOI [10.1111/1467-9566.00219](https://doi.org/10.1111/1467-9566.00219).
5. *Hilal S. Epidemiologic Trends, Social Determinants, and Brain Health: The Role of Life Course Inequalities* // *Stroke*. 2022. Vol. 53, № 2. P. 437–443. DOI [10.1161/STROKEAHA.121.032609](https://doi.org/10.1161/STROKEAHA.121.032609). EDN [HLZUPR](#).
6. Social determinants and lifestyle factors for brain health: implications for risk reduction of cognitive decline and dementia / S. Röhr, A. Pabst, R. Baber [et al.] // *Scientific Report*. 2022. Vol. 12, № 1. e12965. DOI [10.1038/s41598-022-16771-6](https://doi.org/10.1038/s41598-022-16771-6). EDN [FMNOVE](#).
7. Maintenance of brain health: The role of social determinants of health and other non-traditional cardiovascular risks / P. Olowoyo, O. Adeniji, R. Akinyemi, M. Owolabi // *Cerebral Circulation – Cognition and Behavior*. 2024. Vol. 6, № 1. e100213. DOI [10.1016/j.cccb.2024.100213](https://doi.org/10.1016/j.cccb.2024.100213). EDN [BWJNHG](#).
8. Белова Ю. Ю., Задорин И. В. Становление новых практик заботы о здоровье: что (не)видит социология // *Социологические исследования*. 2024. № 7. С. 128–145. DOI [10.31857/S0132162524070127](https://doi.org/10.31857/S0132162524070127). EDN [STAGMU](#). [Belova U. U., Zadorin I. V. The emergence of new health care practices: what sociology (doesn't) see. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2024;(7):128–145. (In Russ.). DOI [10.31857/S0132162524070127](https://doi.org/10.31857/S0132162524070127)].
9. *Korolenko A. V. Health-saving attitudes as a factor promoting self-preservation behavior: Approaches to the study and experience in typology* // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021. Vol. 14, № 4. P. 59–76. DOI [10.15838/esc.2021.4.76.4](https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.4). EDN [JYFMXJ](#).
10. *Зарбалиев В. З. Социологическая интерпретация понятия «социальные практики здоровьесбережения»* // *Гуманитарий Юга России*. 2021. Т. 10, № 1. С. 74–82. DOI [10.18522/2227-8656.2021.1.6](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.1.6). EDN [ESLLPU](#). [Zarbaliev V. Z. Sociological interpretation of the concept of «social practices of health conservation». *Humanitarian*

- of the South of Russia=*Gumanitarij Yuga Rossii*. 2021;10(1):74–82. (In Russ.). DOI [10.18522/2227-8656.2021.1.6](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.1.6).
11. Старение населения и устойчивость национальных систем здравоохранения. Обзор мировых практик / А. Ф. Канев, О. С. Кобякова, Н. Г. Куракова, И. П. Шибалков // Национальное здравоохранение. 2023. № 4. С. 5–13. DOI [10.47093/2713-069X.2023.4.4.5-13](https://doi.org/10.47093/2713-069X.2023.4.4.5-13). EDN [SNXYKK](https://edn.socpsy.ru/SNXYKK). [Kanev A. F., Kobyakova O. S., Kurakova N. G., Shibalkov I. P. Population aging and the sustainability of national health systems. Review of world practices. *National Healthcare=Nacional'noe zdravoohranenie*. 2023;(4):5–13. (In Russ.) DOI [10.47093/2713-069X.2023.4.4.5-13](https://doi.org/10.47093/2713-069X.2023.4.4.5-13)].
 12. Дмитриева Е. В., Фролов С. А. Социология здоровья: от теории к практике (на примере реализации коммуникативной программы «СМС маме») // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 118–127. DOI [10.31857/S013216250010025-0](https://doi.org/10.31857/S013216250010025-0). EDN [RYXGVJ](https://edn.socpsy.ru/RYXGVJ). [Dmitrieva E. V., Frolov S. A. Sociology of health: from theory to practice (using the example of the implementation of the SMS mama communication program). *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2020;(7):118–127. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250010025-0](https://doi.org/10.31857/S013216250010025-0)].
 13. Корнилова М. В. Старение населения как социальный риск: масштабы, последствия, специфика локализации // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 2. С. 37–40. EDN [YZBPOF](https://edn.socpsy.ru/YZBPOF). [Kornilova M. V. Population aging as a social risk: scale, consequences, localization specifics. *News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Policy=Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika*. 2017;(2):37–40. (In Russ.).
 14. Ebner N. C., Horta M., El-Shafie D. New directions for studying the aging social-cognitive brain // Current Opinion in Psychology. 2024. Vol. 56. e101768. DOI [10.1016/j.copsyc.2023.101768](https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2023.101768). EDN [NMSYCN](https://edn.socpsy.ru/NMSYCN).
 15. Ali Z., Janarthanan J., Mohan P. Understanding Digital Dementia and Cognitive Impact in the Current Era of the Internet: A Review // Cureus. 2024. Vol. 16, № 9. e70029. DOI [10.7759/cureus.70029](https://doi.org/10.7759/cureus.70029). EDN [UQTPWX](https://edn.socpsy.ru/UQTPWX).
 16. A brain capital grand strategy: toward economic reimagination / E. Smith, D. Ali, B. Wilkerson [et al.] // Molecular Psychiatry. 2021. Vol. 26, № 1. P. 3–22. DOI [10.1038/s41380-020-00918-w](https://doi.org/10.1038/s41380-020-00918-w). EDN [HFJBOO](https://edn.socpsy.ru/HFJBOO).
 17. Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 256 с. [Demographic yearbook of Russia: Stat.sb. Rosstat: Moscow; 2023. 256 p. (In Russ.)].
 18. Ксенда О. Г., Татарко К. И. Старение через призму социальных, психологических и биологических изменений // Психолог. 2018. № 2. С. 55–65. DOI [10.25136/2409-8701.2018.2.24424](https://doi.org/10.25136/2409-8701.2018.2.24424). EDN [YKWEZV](https://edn.socpsy.ru/YKWEZV). [Ksenda O. G., Tatarko K. I. Aging through the prism of social, psychological and biological changes. *Psychologist=Psycholog*. 2018;(2):55–65. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-8701.2018.2.24424](https://doi.org/10.25136/2409-8701.2018.2.24424)].
 19. Brain aging mechanisms with mechanical manifestations / Y. Blinkouskaya, A. Caçoilo, T. Gollamudi [et al.] // Mechanisms of Ageing and Development. 2021. Vol. 200. e111575. DOI [10.1016/j.mad.2021.111575](https://doi.org/10.1016/j.mad.2021.111575). EDN [MXVQDR](https://edn.socpsy.ru/MXVQDR).
 20. Kennedy K. M., Raz N. Aging white matter and cognition: differential effects of regional variations in diffusion properties on memory, executive functions, and speed // Neuropsychologia. 2009. Vol. 47, № 3. P. 916–927. DOI [10.1016/j.neuropsychologia.2009.01.001](https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2009.01.001).
 21. A new cognitive clock matching phenotypic and epigenetic ages / M. I. Krivosov, E. V. Kondakova, N. A. Bulanov [et al.] // Translational Psychiatry. 2022. Vol. 12, № 1. e364. DOI [10.1038/s41398-022-02123-5](https://doi.org/10.1038/s41398-022-02123-5). EDN [XJEMQR](https://edn.socpsy.ru/XJEMQR).

22. Timing of onset of cognitive decline: results from Whitehall II prospective cohort study / A. Singh-Manoux, M. Kivimaki, M. M. Glymour [et al.] // *BMJ*. 2012. Vol. 344. DOI [10.1136/bmj.d7622](https://doi.org/10.1136/bmj.d7622).
23. Harada C. N., Natelson Love M. C., Triebel K. L. Normal cognitive aging // *Clinics in Geriatric Medicine*. 2013 Vol. 29, № 4. P. 737–752. DOI [10.1016/j.cger.2013.07.002](https://doi.org/10.1016/j.cger.2013.07.002).
24. Lee J., Kim H. J. Normal Aging Induces Changes in the Brain and Neurodegeneration Progress: Review of the Structural, Biochemical, Metabolic, Cellular, and Molecular Changes // *Frontiers in Aging Neuroscience*. 2022. Vol. 14. DOI [10.3389/fnagi.2022.931536](https://doi.org/10.3389/fnagi.2022.931536). EDN ZTIDFA.
25. An epigenetic biomarker of aging for lifespan and health span / M. E. Levine, A. T. Lu, A. Quach [et al.] // *Aging (Albany NY)*. 2018. Vol. 10, № 4. P. 573–591. DOI [10.18632/aging.101414](https://doi.org/10.18632/aging.101414).
26. Распространённость когнитивных нарушений у лиц пожилого, старческого возраста и долгожителей / О. Н. Ткачева, Э. А. Мхитарян, Р. И. Исаев [и др.] // *Бюллетень Национального общества по изучению болезни Паркинсона и расстройств движений*. 2022. № 2. С. 200–202. DOI [10.24412/2226-079X-2022-12466](https://doi.org/10.24412/2226-079X-2022-12466). EDN LQXSQT. [Tkacheva O. N., Mkhitaryan E. A., Isaev R. I. [et al.] Prevalence of cognitive impairment in elderly, senile and long-livers. *Bulletin of the National parkinson and movement disorders society=Byulleten`nacional`nogo obshhestva po izucheniyu bolezni Parkinsona i rasstrojstv dvizhenij*. 2022;(2):200–202. (In Russ.). DOI [10.24412/2226-079X-2022-12466](https://doi.org/10.24412/2226-079X-2022-12466)].
27. Деменции: руководство для врачей / Н. Н. Яхно, В. В. Захаров, А. Б. Локшина [и др.] ; 4-е изд. М. : МедПресс-Информ, 2013. 264 с. ISBN 978-5-98322-937-2. [Yakhno N. N., Zakharov V. V., Lokshina A. B. [et al.]. *Dementia: a guide for doctors*. 4th ed. Moscow: Medpress-Inform; 2013. 264 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98322-937-2].
28. Sperling R. A., Karlawish J., Johnson K. A. Preclinical Alzheimer disease—the challenges ahead // *Nature Reviews Neurology*. 2013. Vol. 9, № 1. P. 54–58. DOI [10.1038/nrneurol.2012.241](https://doi.org/10.1038/nrneurol.2012.241).
29. Hartshorne J. K., Germine L. T. When Does Cognitive Functioning Peak? The Asynchronous Rise and Fall of Different Cognitive Abilities Across the Life Span // *Psychological Science*. 2015. Vol. 26, № 4. P. 433–443. DOI [10.1177/0956797614567339](https://doi.org/10.1177/0956797614567339).
30. Демьяновская Е. Г. Васильев А. С., Шмырев В. И. Когнитивные нарушения у пациентов молодого и среднего возраста // *Лечащий врач*. 2023. Т. 26, № 5. С. 48–54. DOI [10.51793/OS.2023.26.5.008.Dem](https://doi.org/10.51793/OS.2023.26.5.008.Dem). EDN VHXAВА. [Dem'yanovskaya E. G., Vasil'ev A. S., Shmyrev V. I. Cognitive impairments in young and middle-aged patients. *Attending physician=Lechashchiy vrach*. 2023;26(5):48–54. (In Russ.). DOI [10.51793/OS.2023.26.5.008.Dem](https://doi.org/10.51793/OS.2023.26.5.008.Dem)].
31. Korte M. The impact of the digital revolution on human brain and behavior: where do we stand? // *Dialogues in Clinical Neuroscience*. 2020. Vol. 22, № 2. P. 101–111. DOI [10.31887/DCNS.2020.22.2/mkorte](https://doi.org/10.31887/DCNS.2020.22.2/mkorte). EDN UWPJBV.
32. Chen L., Nath R., Tang Z. Understanding the determinants of digital distraction: An automatic thinking behavior perspective // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 104. e106195. DOI [10.1016/j.chb.2019.106195](https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.106195). EDN UIEPDY.
33. Digital dementia in the internet generation: excessive screen time during brain development will increase the risk of Alzheimer's disease and related dementias in adulthood / L. A. Manwell, M. Tadros, T. M. Ciccarelli, R. Eikelbook // *Journal of Integrative Neuroscience*. 2022. Vol. 21, № 1. e28. DOI [10.31083/j.jin2101028](https://doi.org/10.31083/j.jin2101028). EDN DWRCML.
34. Increasing knowledge on dementia risk reduction in the general population: Results of a public awareness campaign / S. van Asbroeck, M. P. J. van Boxtel, J. Steyaert [et al.] //

- Preventive Medicine. 2021. Vol. 147. e106522. DOI [10.1016/j.ypmed.2021.106522](https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2021.106522). EDN [HMFFOQ](#).
35. Raising awareness for dementia risk reduction through a public health campaign: a pre-post study / I. Heger, S. Köhler, M. van Boxtel [et al.] // *BMJ*. 2020. Vol. 10, № 11. e041211. DOI [10.1136/bmjopen-2020-041211](https://doi.org/10.1136/bmjopen-2020-041211). EDN [DHKIPL](#).
 36. Increasing awareness for dementia risk reduction through a public awareness campaign in Denmark: A pre-post study / D. Paauw, I. Heger, J. F. Bjerre [et al.] // *Preventive Medicine*. 2024. Vol. 179. e107848. DOI [10.1016/j.ypmed.2024.107848](https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2024.107848). EDN [RIEMHX](#).
 37. Leon C., Pin S., Kreft-Jais C., Arwidson P. Perceptions of Alzheimer's disease in the French population: evolutions between 2008 and 2013 and associated factors in 2013 // *Journal of Alzheimer's Disease*. 2015. Vol. 47, № 2. P. 467–478. DOI [10.3233/JAD-142922](https://doi.org/10.3233/JAD-142922).
 38. Hickey D., Glynn R. W., Shelley E., Lawlor B. The impact of a national public awareness campaign on dementia knowledge and help-seeking in Ireland // *European Journal of Public Health*. 2019. Vol. 29, № 4. DOI [10.1093/eurpub/ckz185.637](https://doi.org/10.1093/eurpub/ckz185.637).
 39. Forward with Dementia: process evaluation of an Australian campaign to improve post-diagnostic support / L. F. Low, M. Gresham, L. Phillipson [et al.] // *BMC Health Services Research*. 2023. Vol. 23, № 1. e1369. DOI [10.1186/s12913-023-10347-4](https://doi.org/10.1186/s12913-023-10347-4). EDN [LLDGHF](#).
 40. Farrow M. User perceptions of a dementia risk reduction website and its promotion of behavior change // *JMIR Research Protocols*. 2013. Vol. 2, № 1. e15. DOI [10.2196/resprot.2372](https://doi.org/10.2196/resprot.2372).
 41. Smith B. J., Ali S., Quach H. Public knowledge and beliefs about dementia risk reduction: a national survey of Australians // *BMC Public Health*. 2014. Vol. 14, № 1. e661. DOI [10.1186/1471-2458-14-661](https://doi.org/10.1186/1471-2458-14-661). EDN [URZPJN](#).
 42. Marcinkiewicz A., Reid S. Attitudes to Dementia: Findings from the 2015. British Social Attitudes Survey National Center Social Research, London, UK : 2016.
 43. Attitudes of the German general population toward early diagnosis of dementia--results of a representative telephone survey / T. Luck, M. Lupp, J. Sieber, G. Schomerus [et al.] // *PLoS One*. 2012. Vol. 7. DOI [10.1371/journal.pone.0050792](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0050792).
 44. Brookmeyer R., Gray S., Kawas C. Projections of Alzheimer's disease in the United States and the public health impact of delaying disease onset // *American Journal of Public Health*. 1998. Vol. 88, № 9. P. 1337–1342. DOI [10.2105/AJPH.88.9.1337](https://doi.org/10.2105/AJPH.88.9.1337). EDN [CUEHTH](#)
 45. Lo I. L., Zeng W., Lei C. I. Macao Dementia Policy: Challenges and prospects (innovative practice) // *Dementia*. 2021. Vol. 20. P. 791–795. DOI [10.1177/1471301219887612](https://doi.org/10.1177/1471301219887612).
 46. What does the general public understand about prevention and treatment of dementia? A systematic review of population-based surveys / M. Cations, G. Radisic, M. Crotty, K. E. Laver // *PLoS One*. 2018. Vol. 13. e0196085. DOI [10.1371/journal.pone.0196085](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0196085).
 47. Dementia awareness and risk perception in middle-aged and older individuals: baseline results of the MijnBreincoach survey on the association between lifestyle and brain health / I. Heger, K. Deckers, M. van Boxtel [et al.] // *BMC Public Health*. 2019. Vol. 19, № 1. e678. DOI [10.1186/s12889-019-7010-z](https://doi.org/10.1186/s12889-019-7010-z). EDN [OKLPQJ](#).
 48. Comparisons of Dementia Knowledge and Attitudes among the Youth and Older Adults: Insights from the Construal Level Theory Perspective / J. Wu, S. M. Leong, S. L. Che [et al.] // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19, № 4. e1928. DOI [10.3390/ijerph19041928](https://doi.org/10.3390/ijerph19041928). EDN [CDIMNJ](#).
 49. Ricci G. Social Aspects of Dementia Prevention from a Worldwide to National Perspective: A Review on the International Situation and the Example of Italy // *Behavioural Neurology*. 2019. № 1. e8720904. DOI [10.1155/2019/8720904](https://doi.org/10.1155/2019/8720904).

50. *Shaw J. S., Hosseini S. M. H. The Effect of Baseline Performance and Age on Cognitive Training Improvements in Older Adults: A Qualitative Review // The Journal of Prevention of Alzheimer's Disease. 2021. Vol. 8, № 1. P. 100–109. DOI 10.14283/jpad.2020.55.*

Сведения об авторах

О. А. Башева

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: 4972-4459

Е. Ф. Черникова

кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: 7010-8234

М. Г. Оганнисян

кандидат биологических наук,
заместитель начальника отдела
SPIN-код: 6364-9891

Е. Г. Драндрова

кандидат медицинских наук,
доцент
SPIN-код: 1162-7816

М. В. Ведунова

доктор биологических наук,
директор
SPIN-код: 9849-6708

Вклад авторов в подготовку публикации:

Башева О. А. – сбор и анализ данных, анализ литературы, написание текста статьи,
редактирование статьи в соответствии с требованиями журнала;

Черникова Е. Ф. – сбор и анализ данных, анализ литературы,
участие в написании текста статьи;

Оганнисян М. Г. – анализ литературы, редактирование текста статьи;

Драндрова Е. Г. – анализ литературы, визуализация данных (подготовка графиков);

Ведунова М. В. – общее руководство проектом, анализ литературы,
редактирование текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 07.03.2025; одобрена после рецензирования 23.03.2025;
принята к публикации 31.03.2025.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.2.5

PRESERVATION OF THE POPULATION COGNITIVE POTENTIAL AS A SOCIAL PROBLEM AND NATIONAL CHALLENGE

Olga Aleksandrovna Basheva¹
Ekaterina Fyodorovna Chernikova²
Mkrtych Gagikovitch Ogannisyan³
Elena Gennadjevna Drandrova⁴
Marija Valerjevna Vedunova⁵

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

OlgaAUsacheva@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-1459-0091

² Nizhny Novgorod Research Institute
of Hygiene and Occupational Pathology Rospotrebnadzor,
Nizhny Novgorod, Russia,

chernikova_ef@mail.ru,

ORCID 0000-0002-0565-4551

³ National Center for Sports Medicine FMBA,
Moscow, Russia,

ogannisyanmg@sportfmba.ru,

ORCID 0000-0002-7074-5337

⁴ Chuvash State University,
Cheboksary, Russia,

drandrov@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-3341-3373

⁵ Institute of Biology and Biomedicine Lobachevsky UNN,
Nizhny Novgorod, Russia,

mvedunova@unn.ru,

ORCID 0000-0001-9759-6477

For citation: Basheva O. A., Chernikova E. F., Drandrova E. G., Ogannisyan M. G., Vedunova M. V. Preservation of the population cognitive potential as a social problem and national challenge. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(2):90–113. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2025.13.2.5.

Annotation: One of the fundamental social processes caused by the global demographic transition is the increase in the number of elderly people with signs of age-related changes and even chronic neurological diseases. Such diseases are social, as they have a profound effect on the cognitive functions and physical abilities of a significant part of the population, moreover, they have a long preclinical phase that requires attention from society. In this regard, there is a public demand for the implementation of preventive measures for high-risk groups and the population as a whole, which can reduce the burden of neurological diseases that pose a serious threat to the healthcare system, as well as sustainable economic and

social development of all countries. It is necessary to take into account that even physiological aging is associated with memory impairment, loss of critical thinking, and a decrease in the speed of decision-making. In recent years the processes of computerization, informatization and digitalization have also had a huge impact on the cognitive health of the population. In this regard, brain aging and the fading of cognitive functions are no longer exclusively age-related and medical problems and are becoming global social challenges affecting all groups of the population. The current situation requires interdisciplinary and intersectoral cooperation of managers, doctors, and scientists to develop comprehensive strategies for preserving the cognitive health of the population, including assessment of the functional activity of the brain, early diagnosis, prevention, and therapy of deviations, which in turn requires sociological diagnostics and sociological support. In addition to launching state programs to support cognitive health, a serious task is to increase public awareness, motivation to maintain cognitive health, instill a culture of a healthy lifestyle, adherence to the principles of information hygiene, and adherence to sleep, work, and rest regimes necessary for cognitive longevity. In this article, the team of authors focused on updating the problem of cognitive aging in Russia and considered possible options for solving it using the example of successful practices in the world and their own developments.

Keywords: Brain health, cognitive disorders, «digital dementia», «digital distraction», healthy longevity, maintenance of professional competencies, social health-preserving practices, social ideas about cognitive longevity

Acknowledgments: The team thanks E. E. Nefeld, V. F. Lazarev, M. V. Zhukova, S. D. Korshunov and A. K. Fedorov for their assistance in developing the project idea.

Information about the Authors

O. A. Basheva

Candidate of Sociology,
Leading Researcher
Scopus AuthorID: [57210861417](#)

E. F. Chernikova

Candidate of Medical Sciences,
Senior Researcher
Scopus AuthorID: [51663226000](#)

M. G. Ogannisyan

Candidate of Medical Sciences,
Deputy Head of Department
Scopus AuthorID: [57201648805](#)

E. G. Drandrova

Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor
Scopus AuthorID: [56880374900](#)

M. V. Vedunova

Doctor of Biological Sciences, Professor,
Director
Scopus AuthorID: [55329617400](#)

Contribution of the authors:

Basheva O. A. – data collection and analysis, literature analysis, writing the article text, editing the article in accordance with the journal requirements;

Chernikova E. F. – data collection and analysis, literature analysis, participation in writing the article text;

Oganisyan M. G. – literature analysis, editing the article text;

Drandrova E. G. – literature analysis, data visualization (preparation of graphs);

Vedunova M. V. – general project management, literature analysis, editing the article text.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 07.03.2025; approved after reviewing 23.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО КОММУНИКАТИВНЫХ ОСНОВАНИЙ СПЛОЧЁННОСТИ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Нина Анатольевна Селиверстова¹
Анастасия Андреевна Зайцева²

^{1,2}Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,
nas0311@ya.ru,
ORCID 0000-0001-9691-3020
nas89043419793@mail.ru,
ORCID 0000-0002-2923-0497

Для цитирования: Селиверстова Н. А., Зайцева А. А. Социокультурное воспроизводство коммуникативных оснований сплочённости в молодёжной среде: гендерный аспект // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 2. С. 114–141. DOI 10.19181/snsp.2025.13.2.6. EDN RJFFEQ.

Аннотация. В статье представлены результаты многоаспектного анализа социокультурного воспроизводства сплочённости молодёжью. На базе концепции социокультурного механизма саморегуляции как регуляторы воспроизводства выделены архетипы и черты национального характера. С позиций феноменологического подхода А. Шюца показателями сплочённости/разобщённости определены коммуникативные компетенции. Гендерный аспект обусловлен эмпирической верификацией социокультурных различий молодых мужчин и женщин. На основе трёхмерного анализа данных с применением статистики χ^2 установлены наиболее значимые регуляторы воспроизводства коммуникативных оснований сплочённости в гендерных группах: архетипы преемственности поколений, добра, идеализации прошлого и семейного согласия; ментальные черты – любовь к ближнему, милосердие, проявляющееся в готовности помогать другим, любовь к отечеству; современные черты – стремление отстаивать права человека, жалостливость, выражающаяся в стремлении продемонстрировать своё сочувствие. Архетипы в сравнении с чертами национального характера проявились как более сложные регуляторы: часть из них не только увеличивают показатели сплочённости, но и снижают признаки разобщённости. В этих случаях определяется связь значения архетипа, его основной идеи и смысла коммуникативной компетенции. Такая смысловая связь в большей мере свойственна женщинам, чем мужчинам. Мужчин в воспроизводстве коммуникативных оснований сплочённости регулируют архетипы спасителя и соседства, которые объединяет ориентация на Другого как глобальная идея социальности, ожидания спасения, но и готовности самому оказать помощь. Женщинами в коммуникациях более управляют архетипы миролюбия, совести, смирения как внутренние состояния

принятия Другого. Черты национального характера, образуя один тип связи (среди их носителей больше доли проявляющих коммуникативные компетенции) в воспроизводстве сплочённости, задают более значимые и резкие границы дифференциации между разделяющими и не разделяющими их в гендерных группах. Как «мужские» регуляторы воспроизводства коммуникативных компетенций выделились ментальная черта «честь и достоинство» и современная – «рационализм». Архетипы и черты национального характера в большей степени воспроизводят в молодёжной среде коммуникативные основания сплочённости, чем компетенции защиты интересов индивида.

Ключевые слова: молодёжь, социокультурное воспроизводство, сплочённость, разобщённость, коммуникативные компетенции, гендер

Введение

Исследования проблем сплочённости (солидарности) общества, социальных групп не теряют своей актуальности. Во-первых, потому что эти формы социальности обеспечивают продуктивность жизнедеятельности общества, групп, а их представителям – осознание «мы», онтологическую уверенность, положительные эмоции сопричастности к группе и результатам совместной деятельности. Во-вторых, сплочённость групп является имманентным, но не константным состоянием. Актуальность исследования сплочённости молодёжи усиливается противоречием между её органичным стремлением к этому свойству внутри группы и ростом индивидуализации сознания и поведения. Так, для 53% молодых людей характерно выраженное стремление к объединению со сверстниками, а для 47% – к самовыражению, непохожести на других¹.

Анализ сплочённости молодёжи отличается разнообразием теоретических подходов и многоаспектностью. Мы выделяем проекты, в которых исследовались ценностные основания солидарности и объединения на их основе. В мониторинге «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» ФНИСЦ РАН солидарность молодёжи рассматривается в рамках поколенческого подхода через гражданскую идентичность, в основании которой историческое самосознание. Фиксируя снижение уровня исторической компетентности каждого следующего поколения и признавая этот факт «тревожной тенденцией» особенно для молодёжной среды, исследователи связывают данное явление с реформой общего образования в России, переходом к «оказанию образовательных услуг» [1, с. 726].

Иные идентичности молодёжи – принадлежность к конвенциональной части группы или отождествление себя с «<...> субкультурами, буферными группами и мейнстримом» [2, с. 61] – сопряжены со следующими ценностными основаниями. Большинство молодёжи с конвенциональной идентичностью

¹ Данные Центра социологии молодёжи ИС ФНИСЦ РАН, 2021 г. (n = 1640).

объединяют антимигрантские ориентации и патриотизм, обусловленный процессами детерриторизации, являющийся частью эмоционально-чувственной сферы [2] и исключаяющий деятельностную компоненту. Что касается меньшинства молодёжи, определяемого исследователями «продвинутым», то оно в оппозиции солидарности – напряжения прежде всего проявилось по таким основаниям, как «<...> отношение к гендерному порядку, право на сексуальную свободу» [2, с. 80].

Исследования субкультур аниме и футбольных фанатов, иллюстрирующие преобладание рекреативных форм объединения в молодёжной среде, показали, что: 1) сходные объединения в разных регионах имеют значимые различия в жизненных ориентациях молодёжи, входящей в них; 2) локальные, традиционные приоритеты, отношение к политическим событиям становятся определяющими [2].

В отдельный блок выделяется анализ солидарности молодёжи в социальных сетях, интернет-сообществах, на базе которого предлагается новое определение феномена: онлайн-солидарность [3]. В условиях социальной неопределённости рассматривается доверие как фактор солидарности студенческой молодёжи в социальных сетях [4], акцентируется внимание на идеях и представлениях как элементах механизма коммуникативной сплочённости интернет-сообществ протестного деструктивного характера [5]. Распространённость феноменов онлайн-солидарности сопровождается разработками методологических подходов их анализа в традициях количественной стратегии [6] и в рамках качественного подхода [7].

Сплочённость/разобщённость группы проявляется в коммуникациях, которая для абсолютного большинства молодёжи имеет терминальные смыслы, что объясняется потребностью во взаимопонимании [8], подтверждается ожиданиями понимания, единомыслия, помощи и поддержки [9]. Потребность молодёжи в понимании ровесников и индивидов, близких по возрасту, – фактор сплочённости группы. Он срабатывает при сочетании ряда условий, среди которых основными для участников коммуникации являются умения вступать в неё, эмоционально сопереживать, договариваться, понимать друг друга, переходить к совместной деятельности. Однако только ли эта потребность ведёт к сплочённости группы? Мы исходим из гипотезы, что коммуникативные основания сплочённости являются результатом не только осознанного формирования названной потребности агентами социализации, но и социокультурного воспроизводства, причём этот результат имеет гендерные различия. Цель данной статьи: выявление связи между социокультурным воспроизводством коммуникативных оснований сплочённости в молодёжной среде и гендером.

Методологические основания исследования

Теоретико-методологическая оснащённость исследований сплочённости (солидарности) общества, социальных групп, как и их разобщения,

и процессов интеграции, консолидации, а также противоположных им – дезинтеграции, фрагментации, является предметом обстоятельного анализа от классических до современных теорий [10; 11; 12; 13]. Солидарность как состояние рассматривается на макросоциальном (от институтов власти к обществу, группам) и микросоциальном (внутри общества, групп) уровнях, соответственно классифицируется как «вертикальная» и «горизонтальная» [12]. Это же понимание может передаваться через обозначения направлений регуляции: «сверху вниз» и «снизу вверх» [13]. Совмещение вертикальной и горизонтальной сплочённости ведёт к основной цели интеграции – социальному воспроизводству общества [13], т. е. в схематичном изложении деятельность социальных институтов по формированию и поддержанию солидарности групп, общества на основе альтруизма представляет механизм социального воспроизводства. Амбивалентными этому основанию выступают выгода и преференции взаимных действий [13].

Исследование авторов сфокусировано на горизонтальной сплочённости, под которой понимается свойство состояния группы, выражающееся в позитивной идентичности её представителей, ориентации на членов группы, готовности к взаимопомощи и другим формам поддержки на когнитивном, эмоциональном и деятельностном уровнях. В основании сплочённости – ценность принадлежности к группе.

К. Мангейм подчёркивал приоритетность «совместного переживания» – эмоциональной составляющей сплочённости: «Там, где совместными усилиями уже сформировался общий контекст переживаний, возможно лишь относительно небольшое пространство для отклонений от общепринятой точки зрения, возможно лишь небольшое различие во мнениях» [14, с. 269]. В контексте анализа значений, используемых в коммуникации представителями конкретной группы, Мангейм обращает внимание на бессознательное как основание сплочённости: «Бессознательное в такой же мере принадлежит к сфере социального измерения, как и сознательное» [14, с. 57]. В концепции социокультурного механизма саморегуляции В. И. Чупрова и Ю. А. Зубок, социокультурное воспроизводство как таковое обеспечивают элементы бессознательного (архетипы, менталитет, стереотипы, габитусы) [15], они же в связи с осознанными компонентами (потребностями, мотивами, установками, смыслами) запускают и процесс формирования сплочённости. Разделить же формирование и воспроизводство сплочённости группы возможно лишь на уровне теоретического анализа.

Содержание бессознательного, по К. Г. Юнгу, представлено архетипами. И сфера коммуникации, как и любая другая, регулируется ими, ибо «архетипов существует столько же, сколько типичных ситуаций в нашей жизни» [16, с. 97]. Именно это важное уточнение объясняет наличие противоположных, оппозиционных архетипов в конкретной сфере, так как возобновление случаев запечатлело эти опыты не в виде конкретных образов, а поначалу лишь как формы, дающие «возможность определённого типа восприятия и действия»

[16]. Менталитет, понимаемый как «глубинный пласт общественного сознания, совокупность механизмов психологических реакций и базовых представлений, характерных для разных социальных общностей» [17, с. 190], в концепции определён как национальный характер. На данном этапе социокультурного развития общества он представляет собой сложное смешение черт традиционной и современной культур, что изначально задаёт свойство противоречивости и позволяет выделить регуляторные свойства компонентов, имеющих различный генезис.

Стереотипы как феномены коллективного бессознательного, по У. Липпману, характеризуются через «нечто устоявшееся», «закоснелое, не поддающееся критике» [18, с. 111]. Стереотип базируется на механизме экстраполяции локального опыта (опыта представителей конкретных социальных общностей) на более широкий контекст, имеющий схематичную структуру и ценностные основания. Другие важные свойства стереотипов заключаются в их функции защиты традиций, которые существуют и в рамках современной культуры. В форме стереотипа могут бытовать представления, ожидания, образы реальности.

Габитусы, представляя «опривыченные» социальные установки, в теории П. Бурдьё выражают готовность, предрасположенность к повторяющемуся действию – практике [19, с. 111]. Габитусы, стереотипы и черты национального характера объединяет то, что они содержат некоторый потенциал осознания, который реализуется в неординарных, критических ситуациях, например – культурного шока, столкновения культур, которые способствуют осознанию «мы» и «они».

Применительно к анализу сплочённости молодёжи важно то, что «<...> сегодня формируется иная концепция солидарности, более индивидуалистическая, ориентированная на обеспечение прав каждого. Мы перешли от идеи взаимного долга к утверждению индивидуальных прав <...> при одновременной утрате смысла, заложенного в понятия обязанности и взаимной ответственности» [20, с. 19–20]. Ю. А. Зубок, опираясь на концепцию общества риска У. Бека, подчёркивает, что для молодёжи как субъекта общественных отношений «индивидуализация сопрягается с плюрализацией образцов самоопределения <...>» [21, с. 141]. А это ведёт к индивидуализации ответственности молодёжи за собственные жизненные выборы в преодолении рисков, к развитию самостоятельности, относительной независимости от родственных групп, но совсем не исключает проявлений солидарности. Однако индивидуализация сознания, выражающаяся в защите своих личностных интересов и прав, проявляющаяся в коммуникации, может вести к разобщённости.

Коммуникация с Другим в феноменологическом подходе А. Шюца – это показатель высшего положения мира повседневной жизни в иерархии областей реальности, в которых индивид одновременно проживает. И повседневная жизнь есть мир социокультурный, по А. Шюцу, мир intersubjectивный, то есть общий для всех включённых в него индивидов [22].

Коммуникация у Шюца выступает частью социального действия и опирается на «акты работы», или внешние действия (речь, мимика, жесты, телесные движения или чтение письма и т. д.), в которых адресат коммуникации попытается считать передаваемые ему значения в настоящем. Здесь возникает важное для феноменологии «общее настоящее», позволяющее сказать, что «я» и «он» создали «мы – отношения», «Мы пережили это событие вместе» [22, с. 413]. Иными словами, здесь отражается исходный этап интерсубъективности повседневного мира.

Кроме общности временной перспективы, А. Шюц выделяет общность социального пространства в коммуникации «лицом к лицу», ибо оно позволяет анализировать участникам коммуникации не только слова, фразы, их коннотации, контекст, но и интонацию, мимику, жесты, то, что в терминологии А. Шюца обозначается «знаками». Делая акцент на коммуникацию «лицом к лицу», он выделяет коммуникатора и интерпретатора. Первый стремится вызвать определённую реакцию на своё сообщение, которое в связи с этим выстраивает и обрамляет знаками, и нацелен на то, чтобы его поняли. Он заранее предполагает, как будет дешифрован тот или иной его знак. Второй истолковывает сообщение и в зависимости от трактовки, соотнесённой с его ценностно-нормативной структурой, выдаёт ожидаемую (в случае успешного общения для коммуникатора) реакцию и в той или иной форме выражает понимание участника коммуникации. А. Шюц, развивая понимающую социологию М. Вебера, выделяет мотивы «для-того-чтобы» и мотивы «потому-что». Первые движут коммуникатором, вторые – интерпретатором в его реакции на сообщение. «Интерсубъективное сочленение мотивов» и есть коммуникация. К тому же «во взаимоотношении лицом-к-лицу каждый из партнёров не только соучаствует с другим в живом настоящем; каждый со всеми проявлениями его спонтанной жизни является для другого также и элементом окружения; оба участвуют в комплексе общих переживаний внешнего мира <...> И наконец, во взаимоотношении лицом-к-лицу (и только в нём) партнёр может смотреть на Я своего собрата в живом настоящем как на *нерасчленённую целостность*» [22, с. 414]. Тезисно изложенные положения служат основанием чрезвычайно важного вывода: «Все другие многообразные социальные отношения производны от изначального переживания целостности другого Я в общности времени и пространства» [22, с. 414]. Другой вывод: в типах социальных связей, кроме отношения «лицом-к-лицу», индивиды имеют дело с представлениями и переживаниями типичного поведения других, типичных мотивов и установок [22].

Солидарность, латентно заложенная А. Шюцем в понимание коммуникации, становится сомнительной, как только в анализ включаются критерии принадлежности участников коммуникации к «мы-группе» и «они-группе». Социокультурная сложность восприятия переживаний, расшифровки субъективных смыслов и достижения успешной коммуникации оказывается явной. Шюц подчёркивает: «<...> успешная коммуникация возможна лишь

между лицами, социальными группами, нациями и т. д., которые разделяют в существенных чертах схожую систему релевантностей. Чем больше различий между их системами релевантностей, тем меньше шансов достичь успеха в коммуникации. Полное расхождение систем релевантностей¹ делает установление универсума дискурса совершенно невозможным» [22, с. 492]. И здесь возникает феномен «солидарности сопротивления внешней критике» [22, с. 637].

Мотивы «для-того-чтобы» и «потому-что» ведут к решению поступить определённым образом в конкретной ситуации, т. е. к готовности совершить действие. Коммуникация как действие требует определённой подготовки индивида, которую он проходит в процессе первичной социализации и результаты которой корректируются в определённых ситуациях на этапе вторичной социализации. В связи с этим Д. Хаймс ввёл понятие «коммуникативная компетенция», трактуя его как умение вступать в вербальную/невербальную коммуникацию, включая понимание уместности ситуации для общения по конкретному предмету, которые осваиваются в детском возрасте [23]. В этом контексте безусловным компонентом является знание социальных норм коммуникации и их интернализация. Активно ссылаясь на И. Гофмана, он подчёркивает связь коммуникативной компетенции с установками, ценностями и мотивами, определяя «социокультурными переменными» основные понятия социолингвистики: «говорящий-слушающий, речевое сообщество, речевой акт, приемлемость и т. д.» [23]. Интегративным свойством личности является коммуникативная компетентность как «сплав знаний, умений и диспозиций (установок и ценностных ориентации)» [24, с. 14].

Эмпирическая основа исследования

В статье рассмотрены следующие исследовательские вопросы. Каковы гендерные различия в проявлении коммуникативных компетенций молодёжью? Какова связь между гендером, архетипами, ментальными чертами и проявлениями тех или иных коммуникативных умений?

В процессе анализа авторы исходили из следующей операционализации основных понятий. Архетипы как регуляторы социокультурного воспроизводства измерялись через согласие/несогласие со следующими пословицами: *архетип судьбы* – «Чему быть – того не миновать», *архетип добра* – «Добро не умрёт, а зло пропадёт», *архетип совести* – «Хоть мошна пуста, да совесть чиста», *архетип правоты власти* – «Где царь – тут и правда», *архетип вины* – «Послушание – добродетель, непослушание – грех», *архетип славы* – «Бессмертен только тот, кто славу добрую при жизни обретёт», *архетип спасителя* – «Сколько нечисть не тешится, а придёт добрый молодец и сокрушит нечестивца», *архетип идеализации прошлого* – «Почитая старое,

¹ Под релевантностями понимается выражение когнитивных позиций участниками коммуникации.

обретаешь новое». Эти архетипы составили первую группу. Вторая группа архетипов измерялась через согласие/несогласие со следующими пословицами: *архетип миролюбия* – «Худой мир лучше доброй ссоры», *архетип человеколюбия* – «Не тем красен пир, что в трубы трубят, а тем, что люди людям любы», *архетип преемственности поколений* – «Кто родителей почитает, тот вовек не погибает», *архетип смирения* – «Красна речь слушаньем, а беседа смиреньем», *архетип хозяина* – «В чужой монастырь со своим уставом не ходят», *архетип семейного согласия* – «Если в семье согласие, то и дело идёт», *архетип соседства* – «Соседство – взаимное дело», *архетип приоритета действия перед словом* – «Хоть горшком назови, только в печь не сажай». Первую группу архетипов можно определить как установки, отражающие отношение к миру, вторую – как восприятие человека, межличностного общения.

Ментальные черты национального характера россиян операционализированы через показатели: «любовь к своему отечеству», «милосердие, проявляющееся в готовности помогать другим», «честь, достоинство», «любовь к ближнему», «подозрительность в отношении к иностранцам». Показатели современных черт национального характера: «отношение к стране просто как к месту проживания», «жалостливость, выражающаяся в стремлении продемонстрировать своё сочувствие», «стремление отстаивать права человека», «рационализм», «открытость ко всему иностранному». Анализ проведён по преобразованной шкале: «разделяю» («полностью разделяю», «частично разделяю») и «не разделяю».

Проявление сплочённости измерялось через коммуникативные компетенции, направленные на Другого, демонстрирующие отношение к нему на уровне сознания, эмоций, деятельности: «слушать и стараться понять других», «относиться терпимо к чужим взглядам», «разделять взгляды других людей», «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим», «участвовать в совместных делах», «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается», «проявлять вежливость по отношению к другим», «признавать неправоту, извиняться», «идти на компромисс», «сохранять добрые отношения», «аргументировать свою позицию». Компетенции, направленные на защиту собственных интересов – «настаивать на своём», «требовать исполнения договорённостей», – рассматривались как черты, которые в определённых ситуациях ведут к разобщённости. Ответы на вопрос «Насколько Вы проявляете в общении следующие умения?..» анализировались по преобразованной шкале: «всегда» и «часто» – высокая степень воспроизводства, «редко» – низкая степень воспроизводства, «никогда» – отрицание воспроизводства.

Эмпирическая база анализа социокультурного воспроизводства коммуникативных оснований сплочённости молодёжи – данные онлайн-опроса (Google Forms), проведённого в октябре 2021 – марте 2022 гг. Возраст респондентов – от 15 до 29 лет. Объём выборки – 2 492 респондента. Для отбора респондентов были рассчитаны квоты по полу, возрасту и типу поселения, представляющие российскую молодёжь с учётом региональных особенностей.

Регионы: Москва, Московская область; Вологда, Вологодская область; Орёл, Орловская область; Краснодар и Краснодарский край; Республика Крым; Пенза, Пензенская область; Барнаул, Алтайский край; Ростов-на-Дону, Ростовская область; Ставрополь и Ставропольский край; Новосибирск и Новосибирская область; Казань и Республика Татарстан.

В статье представлены результаты трёхмерного анализа данных с использованием статистики χ^2 .

Результаты

Гендерные различия в социокультурном воспроизводстве коммуникативных компетенций. Гендерный аспект обусловлен как пониманием гендера – «совокупность социальных и культурных предписаний для мужчин и женщин» [25, с. 6], так и данными эмпирических исследований, выявляющих универсальные и специфичные компоненты диспозиций для молодых мужчин и женщин [8; 9; 26; 27; 28]. Выделяя среди молодёжи разные возрастные подгруппы, в том числе в составе поколения, и измеряя их диспозиции в разных сферах, исследователи делают выводы о том, что молодые женщины из поколения миллениумов более консервативны, чем мужчины [28]; в группе учащейся молодёжи приверженность традиционным диспозициям и нормам по шкале маскулинность/феминность проявили юноши – школьники провинциальных российских городов; гендерное равенство в большей степени поддерживают девушки – студентки мегаполиса [26].

Фокусируясь на анализе высокой степени воспроизводства коммуникативных компетенций, отметим, что гендер дифференцирует молодёжь по 9 из 13 измеренных компетенций. Наиболее значимая дифференциация обнаружена по умению «настаивать на своём» (мужчины – 80%, женщины – 73%) и по умению «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» (88 и 94% соответственно), тем самым определяя преимущественно мужскую и женскую компетенции. Незначительная дифференциация в 3–4% зафиксирована по следующим чертам: «разделять взгляды других людей» – 83 и 86% у мужчин и женщин соответственно, «проявлять вежливость по отношению к другим» – 95 и 98%, «относиться терпимо к чужим взглядам» – 91 и 94%, «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается» – 90 и 94%. По остальным умениям при наличии статистически значимой связи именно в «высокой степени воспроизводства» дифференциация отсутствует («аргументировать свою позицию» – 95 и 95% у мужчин и женщин соответственно) либо практически отсутствует («слушать и стараться понять других» – 97 и 98%, «участвовать в совместных делах» – 88 и 87%). Гендер не различает молодёжь в проявлении умений: «признавать неправоту, извиняться» – (по 86% в обеих группах); «идти на компромисс» (91 и 92% соответственно), «сохранять добрые отношения» (96 и 97%), «требовать исполнения договорённостей» (89 и 88%).

Архетипы как регуляторы социокультурного воспроизводства коммуникативных оснований сплочённости¹. Наиболее значимыми регуляторами воспроизводства коммуникативных компетенций в обеих гендерных группах стали архетипы преемственности поколений (по 12 связей на статистически значимом уровне из 13 возможных), добра и идеализации прошлого (по 11 и 10 связей соответственно), семейного согласия (по 8 связей)². Мужчин более, чем женщин, дифференцируют архетипы спасителя (по 11 и 7 связей соответственно), соседства³ (по 13 и 9 связей), а женщин более, чем мужчин, – архетипы миролюбия (по 11 и 6 связей соответственно), совести (по 9 и 4 связей), смирения (по 8 и 4 связей). Менее других дифференцируют молодёжь архетипы правоты власти (мужчин в 5 случаях, женщин – в 3) и хозяина (в 1 и 3 случаях соответственно). Социокультурное воспроизводство коммуникативных умений среди мужчин не регулирует архетип судьбы (среди женщин образует 4 связи), а среди женщин не регулирует этот процесс архетип приоритета действия (среди мужчин образует 2 связи).

Архетипы, обнаружившие связь с воспроизводством коммуникативных компетенций на статистически значимом уровне, преимущественно ведут к большей доле воспроизводящих ту или иную компетенцию по сравнению с молодёжью, не разделяющей их. Архетип добра (источник оптимизма) в высокой степени воспроизводства коммуникативных компетенций задаёт границы между носителями и не разделяющими его среди мужчин от незначительных 2–3% (по умениям «проявлять вежливость по отношению к другим», «слушать и стараться понять других») до 10, 11 и 14% («участвовать в совместных делах», «разделять взгляды других людей», «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» соответственно). Среди женщин различия колеблются от 2% («проявлять вежливость по отношению к другим») до 7% по тем же 3 компетенциям, вызвавшим максимальную разницу, что и у мужчин. Архетип правоты власти (признание мудрости власти) при гораздо меньшем количестве статистически значимых связей обнаруживает более значительные различия между носителями и не разделяющими его, но, прежде всего, среди женщин: от 3% по умению «относиться терпимо к чужим взглядам» до 15% по умению «настаивать на своём». Среди мужчин различия зафиксированы от 6% по умению «участвовать в совместных делах» до 10% по умению «настаивать на своём». Таким образом, носители архетипа правоты власти отличаются меньшей гибкостью в коммуникации, возможно, признают не только правоту власти, но и свою. В этой группе и архетип семейного

¹ Различия между воспроизводством коммуникативных умений респондентами, разделяющими и не разделяющими архетипы с учётом гендерной принадлежности, выраженные в процентных пунктах, определены по таблицам сопряжённости с применением статистики хи-квадрат, которые не вошли в текст из-за большого объёма.

² См. таблицу 1 в конце раздела.

³ Единственный архетип, регулирующий воспроизводство всех измеренных коммуникативных компетенций.

согласия (способ жизни в семье, инструмент решения жизненных проблем), как и предыдущий, более резко дифференцирует женщин: от 4% по умению «слушать и стараться понять других» до 15% по умению «настаивать на своём». При совпадении границ дифференциации по последней компетенции зафиксирован иной тип связи: среди носительниц архетипа доля воспроизводящих умение «настаивать на своём» значительно меньше (на 15%), чем среди не разделяющих его. Этот регулятор не ведёт к преобладанию данной черты среди женщин-носителей, в отличие от архетипа правоты власти. Очевидно, что настойчивость в отстаивании собственной позиции сложно сопрягается с семейным согласием. Аналогичный тип связи в саморегуляции воспроизводства черты «настаивать на своём» женщинами обнаружили следующие архетипы: идеализации прошлого (нерефлексируемая ориентация на почитаемый образец, даже если это путь преобразований) – дифференциация на 6%, хозяина (априорное признание права хозяина распоряжаться на своей территории, включающее ожидание уважения этого права «гостями») – на 7%, соседства (идея значимости доброго соседства, возможного только при обоюдных усилиях) – на 9%, преемственности поколений (традиционное восприятие родителей, почитание родителей как данность, естественный способ воспроизводства человеческого рода) – на 10%. Архетип семейного согласия создаёт такую же связь и среди мужчин – носителей архетипа, но с меньшей дифференциацией от не разделяющих архетип – 5%. Это единственное исключение по группе мужчин.

Архетипы идеализации прошлого и спасителя (вера в то, что есть герой-спаситель, на которого можно рассчитывать) также определяют резкие границы между разделяющими и не разделяющими их, но менее различают мужчин и женщин по этому показателю. Так, среди мужчин носители архетипа идеализации прошлого отличаются от не разделяющих его от незначительных 2% («настаивать на своём») до 9, 10 и 12% соответственно по показателям сплочённости «участвовать в совместных делах», «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» и «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается». По остальным компетенциям дифференциация составила от 4 до 8%. Среди женщин, идеализирующих прошлое, различия от не разделяющих эту идею зафиксированы от 3% по компетенции «сохранять добрые отношения, 4% – «проявлять вежливость по отношению к другим» до 7% по умению «признавать неправоту, извиняться», 8% по умению «идти на компромисс», «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» и «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается» и 9% по умению «участвовать в совместных делах». По остальным компетенциям, с которыми есть связь, дифференциация колеблется в пределах 5–6%.

Продолжим анализ по архетипу спасителя. Среди мужчин наблюдается дифференциация от 4% по умению «слушать и стараться понять других» до 11–12% по компетенциям – показателям сплочённости, упоминавшимся чаще других: «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается»,

«участвовать в совместных делах», «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим», «разделять взгляды других людей». Среди женщин – от 2% по умению «аргументировать свою позицию» до 9% по компетенции «разделять взгляды других людей».

Архетип вины (в его основании – послушание, а непослушание ощущается как грех) задаёт резкие границы в обеих анализируемых группах, но в пределах границ практически не дифференцирует мужчин и женщин, разделяющих и не разделяющих его в высокой степени воспроизводства коммуникативных черт (от 5 до 12% и от 3 до 12% соответственно). Он одинаково различает носителей от не разделяющих его в гендерных группах по умениям «разделять взгляды других людей» (по 9 и 10% у мужчин и женщин соответственно), «участвовать в совместных делах» (по 12% в обеих группах), а вот по черте «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается» более значимо дифференцирует мужчин-носителей архетип вины от не разделяющих его (на 9%), чем женщин (на 3%). В этой группе и архетип соседства, различающий мужчин от 1 до 10%, а женщин от 2 до 9%. Мужчин он более всего дифференцирует в воспроизводстве умений «признавать неправоту, извиняться» (на 9%) и «участвовать в совместных делах» (на 10%), женщин – по умению «настаивать на своём», что описано выше, а также по умениям «признавать неправоту, извиняться» и «идти на компромисс» (в обоих случаях на 7%). Архетип преемственности поколений определяет среди мужчин границы от 1% (по умениям «разделять взгляды других людей», «признавать свою неправоту, извиняться») до 9% (по умениям сочувствовать, эмоционально сопереживать другим», «участвовать в совместных делах»); среди женщин от 3% (по умению «слушать и стараться понять других») до 9% по тем же компетенциям, что и мужчин, а также по умению «идти на компромисс».

Другая группа архетипов задаёт менее резкие границы, дифференцируя носителей и не разделяющих архетипы в высокой степени воспроизводства коммуникативных умений: архетип совести как способность испытывать чувство стыда за проявление неправоты по отношению к другому (мужчин и женщин от 3 до 8% соответственно), архетип славы, в основании которого вера во взаимосвязь и непрерывность эпох, самопожертвование (мужчин от 3 до 8%, женщин от 2 до 7%), архетип смирения перед Другим как незлобивость, кротость в принятии Других (мужчин от 3 до 6%, женщин от 3 до 8%), архетип миролюбия, в основании которого мир как цель (мужчин от 5 до 8%, женщин от 3 до 7%).

Архетип человеколюбия (идея милосердного принятия другого человека, ценности человека и его жизни) в регуляции высокой степени воспроизводства коммуникативных компетенций выделяется тем, что задаёт не столь резкие границы между разделяющими и не разделяющими его: в пределах 5% в гендерных группах. Однако он значимо различает мужчин, начиная с 5% по умениям «слушать и стараться понять других» и «сохранять добрые

отношения», 6% – «разделять взгляды других людей», 7% – «аргументировать свою позицию», «идти на компромисс», «относиться терпимо к чужим взглядам», «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим», до 8% – «проявлять вежливость по отношению к другим», 9% – «признавать неправоту, извиняться» и 10% по умению «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается», то есть это стабильно значимая регуляция воспроизводства большинства измеренных компетенций. Женщин, как описывалось выше, этот архетип различает менее, чем мужчин: от 3% по умению «слушать и стараться понять других», 4% – «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается» до 5% по умениям «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» и «аргументировать свою позицию», 6% – «проявлять вежливость по отношению к другим» и «сохранять добрые отношения», 8% – «относиться терпимо к чужим взглядам» и «идти на компромисс».

Архетип судьбы (пассивная субъектность, принятие обстоятельств) дифференцирует только женщин и в пределах от 3% по воспроизводству умения «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» до 5% по умению «разделять взгляды других людей» и «участвовать в совместных делах» и 6% – «проявлять вежливость по отношению к другим». Архетип хозяина, неожиданно проявившийся как слабый регулятор воспроизводства коммуникативных умений, мужчин различает на 5% только по умению «идти на компромисс», а женщин, в дополнение к описанному выше, – на 3% по умению «проявлять вежливость по отношению к другим» и на 7% – «относиться терпимо к чужим взглядам». Архетип приоритета действия (идея большей значимости поступка, нежели слова как высшего подтверждения отношения к другому субъекту) различает только мужчин на 6% в воспроизводстве компетенций «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» и «признавать неправоту, извиняться». Парадокс в том, что этот архетип воспроизводит эмпатию и умение извиняться.

Заметим, что менее всего регулируется архетипами воспроизводство умений с потенциалом разобщённости: «требовать исполнения договорённостей (3 дифференциации среди мужчин и 1 среди женщин), «настаивать на своём» (5 и 8 дифференциаций соответственно). При этом архетипы снижают воспроизводство черты «настаивать на своём» среди женщин в 6 случаях из 8. По сумме дифференциаций ко второй компетенции близки умения «аргументировать свою позицию» (13 дифференциаций), «слушать и стараться понять других» (в сумме 14 дифференциаций). По остальным компетенциям сумма дифференциаций составила от 16 («признавать неправоту, извиняться») до 22 («относиться терпимо к чужим взглядам», «разделять взгляды других людей»), 23 («оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается»), 24 («сочувствовать, эмоционально сопереживать другим»).

Таблица 1

Связи между гендером, архетипами и коммуникативными компетенциями, 2022 г., значение р

Пол	Архетипы	Коммуникативные компетенции												Всего связей	
		Слушать и стараться понять других	Настаивать на своём	Относиться терпимо к чужим взглядам	Разделять взгляды других людей	Сочувствовать, эмоционально сопереживать другим	Участвовать в совместных делах	Оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается	Проявлять вежливость по отношению к другим	Признавать неправоту, извиняться	Аргументировать свою позицию	Идти на компромисс	Сохранять добрые отношения		Требовать исполнения договорённостей
муж.	судьбы	0,308	0,541	0,972	0,176	0,598	0,051	0,260	0,370	0,390	0,310	0,781	0,381	0,099	0
жен.		0,382	0,085	0,239	0,023	0,044	0,030	0,142	0,032	0,903	0,694	0,057	0,326	0,720	4
муж.	добра	0,008	0,196	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,032	0,001	0,008	0,003	0,001	0,080	11
жен.		0,278	0,000	0,000	0,001	0,000	0,001	0,000	0,019	0,006	0,114	0,000	0,000	0,219	10
муж.	совести	0,031	0,619	0,544	0,126	0,002	0,014	0,007	0,132	0,368	0,439	0,935	0,320	0,773	4
жен.		0,147	0,227	0,010	0,017	0,000	0,003	0,002	0,003	0,033	0,199	0,001	0,000	0,398	9
муж.	правоты власти	0,854	0,004	0,274	0,012	0,126	0,026	0,370	0,064	0,274	0,469	0,853	0,773	0,998	3
жен.		0,067	0,000	0,042	0,003	0,110	0,009	0,041	0,180	0,381	0,868	0,933	0,238	0,134	5
муж.	вины	0,113	0,046	0,032	0,000	0,000	0,000	0,000	0,865	0,000	0,798	0,024	0,413	0,121	8
жен.		0,373	0,770	0,193	0,000	0,296	0,000	0,014	0,178	0,000	0,123	0,000	0,002	0,072	6
муж.	славы	0,008	0,144	0,034	0,024	0,023	0,000	0,042	0,001	0,163	0,001	0,006	0,020	0,227	10
жен.		0,120	0,738	0,030	0,048	0,000	0,004	0,000	0,008	0,030	0,241	0,001	0,000	0,889	9
муж.	спасителя	0,002	0,058	0,001	0,000	0,000	0,000	0,000	0,009	0,003	0,037	0,000	0,009	0,574	11
жен.		0,302	0,981	0,060	0,000	0,001	0,001	0,001	0,270	0,205	0,037	0,000	0,003	0,346	7
муж.	идеализации прошлого	0,000	0,029	0,058	0,001	0,000	0,000	0,000	0,000	0,035	0,001	0,027	0,000	0,168	11
жен.		0,099	0,034	0,000	0,029	0,000	0,000	0,000	0,000	0,008	0,069	0,000	0,042	0,660	10

Продолжение Таблицы 1

Пол	Архетипы	Коммуникативные компетенции													Всего связей
		Слушать и стараться понять других	Наставлять на своём	Относиться терпимо к чужим взглядам	Разделять взгляды других людей	Сочувствовать, эмпатично сое- реживая другим	Участвовать в совместных делах	Оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается	Проявлять вежли- вость по отношению к другим	Признавать неправо- ту, извиняться	Аргументировать свою позицию	Идти на компромисс	Сохранять добрые отношения	Требовать исполне- ния договорённостей	
муж.	хозяина	0,064	0,678	0,269	0,268	0,658	0,975	0,242	0,116	0,291	0,072	0,036	0,481	0,117	1
жен.		0,879	0,044	0,000	0,651	0,328	0,789	0,724	0,029	0,349	0,104	0,064	0,281	0,582	3
муж.	соседства	0,001	0,008	0,002	0,009	0,009	0,000	0,012	0,000	0,001	0,001	0,004	0,002	0,021	13
жен.		0,014	0,001	0,004	0,289	0,005	0,231	0,001	0,011	0,004	0,594	0,001	0,004	0,646	9
муж.	смирения перед другим	0,081	0,399	0,049	0,002	0,032	0,158	0,129	0,002	0,170	0,062	0,091	0,080	0,154	4
жен.		0,315	0,097	0,000	0,004	0,013	0,146	0,006	0,002	0,187	0,036	0,000	0,006	0,651	8
муж.	семейного со- гласия	0,000	0,023	0,034	0,006	0,152	0,871	0,003	0,000	0,339	0,000	0,278	0,000	0,193	8
жен.		0,000	0,000	0,000	0,099	0,000	0,626	0,011	0,000	0,369	0,007	0,402	0,000	0,097	8
муж.	преемствен- ности поколений	0,000	0,168	0,014	0,046	0,000	0,000	0,001	0,000	0,022	0,000	0,020	0,000	0,023	12
жен.		0,005	0,008	0,000	0,001	0,000	0,000	0,000	0,041	0,003	0,003	0,000	0,000	0,998	12
муж.	человеколю- бия	0,000	0,167	0,007	0,000	0,012	0,376	0,000	0,000	0,002	0,000	0,004	0,002	0,206	10
жен.		0,000	0,170	0,000	0,165	0,004	0,106	0,001	0,000	0,149	0,014	0,000	0,000	0,088	8
муж.	миролюбия	0,099	0,382	0,048	0,040	0,006	0,018	0,113	0,021	0,341	0,302	0,164	0,105	0,033	6
жен.		0,304	0,036	0,006	0,142	0,020	0,004	0,005	0,009	0,001	0,027	0,000	0,002	0,013	11
муж.	приоритета действия	0,195	0,304	0,315	0,065	0,006	0,070	0,104	0,193	0,013	0,193	0,060	0,367	0,167	2
жен.		0,575	0,374	0,367	0,475	0,251	0,055	0,785	0,636	0,923	0,275	0,078	0,212	0,138	0
Итого дифференци- ций по столбцу		9/5	5/8	10/12	12/10	12/12	10/10	10/13	10/10	8/8	8/6	8/12	8/12	3/1	

Примечание. Цветом выделены ячейки, между показателями которых отсутствует связь на статистически значимом уровне.

Черты национального характера в воспроизводстве коммуникативных оснований сплочённости¹. Среди черт национального характера, если рассматривать количество образованных связей, сходно регулируют воспроизводство коммуникативных компетенций следующие свойства: ментальные черты – «любовь к ближнему» (13 связей в группе мужчин и 12 связей в группе женщин), «милосердие, проявляющееся в готовности помогать другим» (12 и 10 связей соответственно), «любовь к отечеству» (11 и 9 связей) и со значительно меньшим количеством связей – «подозрительность в отношении к иностранцам» (4 и 6 связей); современные черты – «стремление отстаивать права человека» (12 и 11 связей), «жалостливость, выражающаяся в стремлении продемонстрировать своё сочувствие» (9 и 8 связей)². Гендерные различия по количеству связей обнаруживают: ментальная черта честь, достоинство (13 связей в группе мужчин, 5 – в группе женщин), современные черты – «открытость ко всему иностранному» (11 и 5 связей соответственно), «рационализм» (13 и 9 связей). Таким образом, мужчин максимально дифференцируют в воспроизводстве коммуникативных компетенций «честь и достоинство», «рационализм», «открытость ко всему иностранному». «Отношение к стране просто как к месту проживания» мужчин не различает вовсе, женщин – по 3 компетенциям.

Черты национального характера, в отличие от архетипов, задают один тип связи (среди носителей черт по сравнению с не разделяющими их преобладают доли воспроизводящих в высокой степени коммуникативные компетенции), а те из них, которые образуют большое количество связей, устанавливают ещё более резкие границы дифференциации между выделенными группами внутри гендерных. Так, любовь к ближнему различает мужчин со значительных 10% по дискуссионному её проявлению в воспроизводстве компетенции «настаивать на своём» до 25% по компетенции «сохранять добрые отношения», 26% – «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим». Любовь к ближнему выражается и в воспроизводстве умения «добиваться исполнения договорённостей», различая носителей черты и не разделяющих её на 16%. Но вместе с тем разница 21–23% зафиксирована в воспроизводстве таких компетенций, как «признавать неправоту, извиняться», «идти на компромисс» и «проявлять вежливость по отношению к другим», «разделять взгляды других людей». Любовь к ближнему через воспроизводство коммуникативных компетенций в полной мере отражает амбивалентность культуры. В воспроизводстве остальных умений различия колеблются от 12 до 18% между мужчинами и женщинами. В группе женщин между разделяющими и не разделяющими любовь к ближнему ещё более значима и резкая дифференциация, начинающаяся с воспроизводства умений «добиваться исполнения договорённостей» (8%), «относиться терпимо

¹ Различия между воспроизводством коммуникативных умений респондентами, разделяющими и не разделяющими черты национального характера с учётом гендерной принадлежности, выраженные в процентных пунктах, определены по таблицам сопряжённости с применением статистики хи-квадрат, которые не вошли в текст из-за большого объёма.

² См. таблицу 2 в конце раздела.

к чужим взглядам» и «аргументировать свою позицию» (в обоих случаях по 9%) и завершающаяся умениями «участвовать в совместных делах» (29%) и «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается» (32%). По компетенции «настаивать на своём» эта ментальная черта не различает женщин. По остальным умениям дифференциация от 12% – по умению «проявлять вежливость по отношению к другим» до 26% – по умениям «идти на компромисс» и «признавать неправоту, извиняться».

Ментальная черта «милосердие, проявляющееся в готовности помогать другим» и мужчин, и женщин, разделяющих её и не разделяющих, различает начиная с 5% по воспроизводству умения «настаивать на своём». Незначительная дифференциация между выделенными группами среди мужчин и женщин выявлена в воспроизводстве следующих умений: «слушать и стараться понять других» (13 и 11% соответственно), «относиться терпимо к чужим взглядам» (19 и 16%), «участвовать в совместных делах» (25 и 24%), «разделять взгляды других людей» (27 и 25%). Относительно значимые и существенные различия зафиксированы в воспроизводстве таких компетенций, как «идти на компромисс» (среди мужчин дифференциация на 22%, среди женщин на – 27%), «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» (на 31 и 23% соответственно), «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается» (на 31 и 21%), «сохранять добрые отношения» (на 24 и 14%), «проявлять вежливость по отношению к другим» (на 18 и 8%), «признавать неправоту, извиняться» (на 26 и 37%). Эти данные свидетельствуют о том, что мужчинам в воспроизводстве перечисленных умений свойственно более деятельное проявление милосердия, а меньшая дифференциация женщин в воспроизводстве умений, направленных на помощь другому, говорит о том, что им эта черта присуща имманентно. С другой стороны, для женщин более важно проявление милосердия через компромисс и признание неправоты. Эта черта не дифференцирует женщин в воспроизводстве компетенций «аргументировать свою позицию» и «требовать исполнения договорённостей», а мужчин различает на 21 и 14% соответственно.

Другая ментальная черта – «любовь к отечеству», регулируя воспроизводство коммуникативных компетенций, преимущественно ведёт к менее резким различиям между разделяющими её и не разделяющими в гендерных группах. Дифференциация начинается с 5% между носителями и не разделяющими её в обеих группах: среди мужчин в воспроизводстве умения «признавать неправоту, извиняться», среди женщин – «настаивать на своём». Незначительная дифференциация между выделенными группами среди мужчин и женщин выявлена в воспроизводстве следующих умений: «слушать и стараться понять других» (8 и 6% соответственно), «относиться терпимо к чужим взглядам» (8 и 7%), «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается» (12 и 15%). Совпадают различия в воспроизводстве умения «участвовать в совместных делах» (в гендерных группах по 16%). И в этом случае для женщин более значимы умения «идти на компромисс» (среди женщин 15%, среди

мужчин – 9%), «признавать неправоту, извиняться» (14 и 5% соответственно), а также «разделять взгляды других людей» (23 и 12%). Для мужчин, разделяющих любовь к отечеству, более значимым, чем для не разделяющих её, является воспроизводство умения «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» (19%), в группе женщин различия меньше (14%). Любовь к отечеству не регулирует воспроизводство «требовать исполнения договорённостей» в гендерных группах. Женщин эта черта не различает по умениям «аргументировать свою позицию» и «проявлять вежливость по отношению к другим», а мужчин дифференцирует на 6 и 8% соответственно.

Современная черта «стремление отстаивать права человека» также задаёт резкие границы между разделяющими и не разделяющими её в гендерных группах: от 6 до 25% у мужчин и от 8 до 25% у женщин. Она сходно различает носителей и не разделяющих её среди мужчин и женщин в воспроизводстве умения «слушать и стараться понять других» (на 10 и 11% соответственно), незначительно дифференцирует по умению «идти на компромисс» (на 16 и 19%). По другим умениям, воспроизводящимся в гендерных группах, различия между разделяющими и не разделяющими черту «стремление отстаивать права человека» несколько более значимые и весьма существенные: по умению «настаивать на своём» (среди мужчин – 8%, среди женщин – 12%), по умению «относиться терпимо к чужим взглядам» (12 и 8% соответственно), «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» (20 и 15%), «сохранять добрые отношения» (15 и 10%), «проявлять вежливость по отношению к другим» (13 и 6%), «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается» (16 и 23%), «участвовать в совместных делах» (10 и 25%), «признавать неправоту, извиняться» (11 и 21%), «разделять взгляды других людей» (25 и 13%). Эта современная черта не регулирует воспроизводство компетенции «аргументировать свою позицию» среди женщин, мужчин различает на 10%. Она также не дифференцирует мужчин в воспроизводстве умения «требовать исполнения договорённостей», а женщин различает на 12%. Стремление отстаивать права человека женщинами проявляется в большем воспроизводстве компетенций совместной деятельности и признании неправоты – в сравнении с мужчинами. У мужчин это стремление более выразилось в разделении взглядов других людей. Данный результат объясняется гендерными различиями значимости конкретных прав человека.

«Жалостливость, выражающаяся в стремлении продемонстрировать своё сочувствие» как современная версия милосердия в воспроизводстве коммуникативных компетенций между разделяющими и не разделяющими её задаёт примерно равные пределы среди мужчин и женщин (от 3–5 до 19% и от 4–5 до 17% соответственно). Связи, образованные этой чертой с воспроизводством коммуникативных компетенций, демонстрируют её относительную неустойчивость как регулятора. Она сходно дифференцирует разделяющих и не разделяющих её в гендерных группах по воспроизводству умения «слушать и стараться понять других» (на 3%). Незначительные гендерные различия наблюдаются

и в воспроизводстве компетенции «участвовать в совместных делах» (среди мужчин на 11%, среди женщин на 8%) и умения «идти на компромисс» (на 5 и 9% соответственно), более значимые различия с большей долей в группе мужчин по умениям «разделять взгляды других людей» (на 19 и 13%), «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» (на 17 и 8%), «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается» (на 15 и 6%) и с большей долей в группе женщин по умению «признавать неправоту, извиняться» (17 и 6% соответственно). Жалостливость не дифференцирует мужчин и женщин по таким компетенциям, как «проявлять вежливость по отношению к другим», «аргументировать свою позицию» и «требовать исполнения договорённостей». Женщин она не различает в воспроизводстве умений «настаивать на своём» и «сохранять добрые отношения», а мужчин в этих случаях дифференцирует на 9 и 6% соответственно.

Ментальная черта «честь и достоинство» не только по количеству связей, но и по определению границ между разделяющими и не разделяющими её в воспроизводстве коммуникативных умений значительно регулирует мужчин: диапазон различий от 14 до 26%, среди женщин – от 2 до 21%. Исключение составляет воспроизводство умений «признавать неправоту, извиняться» (в обеих гендерных группах различие на 18%) и «идти на компромисс» (среди мужчин на 23%, среди женщин на 21%). В воспроизводстве компетенции «слушать и стараться понять других» мужчины различаются на 17%, женщины на 9%, «настаивать на своём» – на 16 и 2% соответственно, «относиться терпимо к чужим взглядам» – на 17 и 6%, «сохранять добрые отношения» – на 23 и 13%. «Честь и достоинство» в воспроизводстве остальных умений не дифференцирует женщин, мужчин различает следующим образом: по компетенциям «аргументировать свою позицию» – на 14%, «разделять взгляды других людей» – на 17%, «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается» – на 18%, «участвовать в совместных делах» и «проявлять вежливость по отношению к другим» – на 19%, «требовать исполнения договорённостей» – на 21%.

«Рационализм» устанавливает границы между разделяющими его и не разделяющими в пределах 5–19% среди мужчин и 5–14% среди женщин. Эта современная черта незначительно дифференцирует выделенные группы среди мужчин и женщин в воспроизводстве умений «признавать неправоту, извиняться» (на 17 и 14% соответственно) и «слушать и стараться понять других» (на 12 и 8%). По остальным умениям наблюдаются более значимые различия: «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» (на 12 и 7% среди мужчин и женщин соответственно), «участвовать в совместных делах» (на 16 и 10%), «идти на компромисс» (на 19 и 12%), «относиться терпимо к чужим взглядам» (на 5 и 13%), «аргументировать свою позицию» (на 15 и 5%), «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается» (на 16 и 5%), «проявлять вежливость по отношению к другим» (на 16 и 6%). Среди женщин рационализм не регулирует воспроизводство компетенций «требовать

исполнения договорённостей», «настаивать на своём», «разделять взгляды других людей», «сохранять добрые отношения», среди мужчин различает на 9, 10, 11 и 18% соответственно.

«Открытость ко всему иностранному» определяет границы между разделяющими эту черту и не разделяющими в воспроизводстве коммуникативных компетенций в пределах 5–17% среди мужчин и 1–10% среди женщин. Сходно она регулирует воспроизводство таких умений, как «слушать и стараться понять других» и «идти на компромисс» среди мужчин и женщин, соответственно различая выделенные внутри них группы на 6 и 4% и более значимо – на 8 и 10%. Гендерные различия проявляются в воспроизводстве компетенций «разделять взгляды других людей» (среди мужчин на 17%, среди женщин на 8%) и «проявлять вежливость по отношению к другим» (на 9 и 1% соответственно). Среди мужчин зафиксирована дифференциация в воспроизводстве умений: «аргументировать свою позицию» (на 5%), «слушать и стараться понять других» и «сохранять добрые отношения» (на 6% в обоих случаях), «участвовать в совместных делах» и «идти на компромисс» (на 8%), «относиться терпимо к чужим взглядам» и «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается» (на 9%), «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» (на 11%). Женщин «открытость ко всему иностранному» по этим компетенциям не регулирует. Среди женщин зафиксированы различия на 7% в воспроизводстве умения «признавать неправоту, извиняться», среди мужчин дифференциация в воспроизводстве этой компетенции отсутствует.

«Подозрительность в отношении к иностранцам» проявилась как слабый регулятор и по определению границ между разделяющими её и не разделяющими в воспроизводстве коммуникативных компетенций: среди мужчин – от 5 до 8%, среди женщин – от 4 до 9%. Эта традиционная черта аналогично дифференцирует подгруппы внутри гендерных групп в воспроизводстве умений «настаивать на своём» (на 8 и 9% среди мужчин и женщин соответственно), «участвовать в совместных делах» (на 6 и 4%), «сохранять добрые отношения» (на 5 и 7%). Гендерная специфика проявилась в том, что «подозрительность...» различает выделенные группы среди мужчин по компетенции «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» на 6%, а среди женщин – по компетенции «разделять взгляды других людей» на 5% и по компетенции «признавать неправоту, извиняться» на 7%. По остальным измеренным компетенциям эта черта не различает мужчин и женщин.

Чертами национального характера, как и архетипами, менее других по количеству связей регулируется воспроизводство компетенций «требовать исполнения договорённостей» (5 дифференциаций среди мужчин и 3 среди женщин), «настаивать на своём» (6 и 5 дифференциаций соответственно); к этому ряду близка компетенция «аргументировать свою позицию» (6 и 2 дифференциации). Остальные компетенции, однозначно ориентированные на других, дифференцируются в сумме от 13 до 17 случаев.

Таблица 2
Связи между гендером, чертами национального характера и коммуникативными компетенциями, 2022 г., значение р

Пол	Черты национального характера	Коммуникативные компетенции													Всего связей			
		Слушать и стараться понять других	Наставлять на своём	Относиться терпимо к чужим взглядам	Разделять взгляды других людей	Сочувствовать, эмоционально сопереживать другим	Участвовать в совместных делах	Оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается	Проявлять вежливость по отношению к другим	Признавать неправоту, извиняться	Аргументировать свою позицию	Идти на компромисс	Сохранять добрые отношения	Требовать исполнения договорённостей				
муж.	любовь к своему	0,000	0,079	0,013	0,002	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,010	0,014	0,000	0,474	11
жен.	отечеству	0,001	0,126	0,006	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,111	0,000	0,000	0,005	0,145	9
муж.	отношение к стране	0,420	0,158	0,202	0,084	0,700	0,860	0,070	0,069	0,300	0,208	0,193	0,645	0,000	0,000	0,000	0,645	0
жен.	просто как к месту проживания	0,000	0,035	0,000	0,255	0,542	0,933	0,256	0,506	0,657	0,207	0,631	0,177	0,000	0,000	0,000	0,177	3
муж.	милосердие, проявляющееся в готовности помочь другим	0,000	0,631	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	12
жен.	помогать другим	0,043	0,038	0,071	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,050	0,000	0,347	0,000	0,000	0,000	0,347	10
муж.	жалостливость, выражающаяся в стремлении продемонстрировать своё сочувствие	0,043	0,038	0,071	0,000	0,000	0,000	0,000	0,080	0,033	0,117	0,002	0,288	0,000	0,000	0,000	0,288	9
жен.		0,007	0,199	0,002	0,000	0,000	0,000	0,000	0,481	0,000	0,418	0,469	0,263	0,000	0,000	0,000	0,263	8
муж.	честь, достоинство	0,000	0,001	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	13
жен.		0,003	0,001	0,343	0,106	0,272	0,125	0,150	0,244	0,001	0,343	0,000	0,449	0,000	0,000	0,000	0,449	5
муж.	стремление отстаивать права человека	0,000	0,022	0,000	0,000	0,000	0,008	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,058	0,000	0,000	0,000	0,058	12
жен.		0,000	0,093	0,003	0,000	0,000	0,000	0,000	0,014	0,000	0,757	0,000	0,007	0,000	0,000	0,000	0,007	11
муж.	любовь к ближнему	0,000	0,008	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	13
жен.		0,000	0,342	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,006	0,000	0,003	0,000	0,000	0,000	0,003	12
муж.	рационализм	0,000	0,013	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,004	0,000	0,000	0,000	0,004	13
жен.		0,000	0,535	0,000	0,092	0,008	0,016	0,005	0,000	0,000	0,044	0,000	0,203	0,000	0,000	0,090	0,203	9
муж.	подозрительность в отношении иностранцев	0,533	0,009	0,090	0,070	0,001	0,018	0,283	0,220	0,749	0,111	0,248	0,007	0,000	0,000	0,891	0,007	4
жен.		0,382	0,000	0,184	0,003	0,578	0,034	0,296	0,050	0,001	0,811	0,055	0,969	0,000	0,000	0,969	0,000	6
муж.	открытость ко всему иностранному	0,000	0,001	0,000	0,000	0,004	0,007	0,001	0,000	0,074	0,114	0,015	0,147	0,000	0,000	0,001	0,147	11
жен.		0,000	0,273	0,076	0,034	0,406	0,349	0,085	0,028	0,042	0,121	0,000	0,435	0,000	0,000	0,435	0,849	5
Итого по столбцу		8/9	6/5	8/6	8/7	9/7	9/8	8/7	7/6	7/9	6/2	8/8	8/5	5/3				

Примечание. Цветом выделены ячейки, между показателями которых отсутствует связь на статистически значимом уровне.

Заключение

Анализ социокультурного воспроизводства коммуникативных оснований сплочённости обнаружил как специфику связей, так и их универсальность в гендерных группах. Архетипы в сравнении с чертами национального характера проявились как более сложные регуляторы, не только обеспечивающие само воспроизводство, но и определяющие связь значения архетипа, его основной идеи и смысла коммуникативной компетенции. И такая смысловая связь в большей мере свойственна женщинам, чем мужчинам. Мужчин в воспроизводстве коммуникативных оснований сплочённости регулируют архетипы спасителя и соседства, которые объединяет ориентация на Другого как глобальная идея социальности, ожидания спасения, но и готовности самому оказать помощь. Женщинами в коммуникациях более управляют архетипы миролюбия, совести, смирения как внутренние состояния принятия Другого.

Черты национального характера, образуя один тип связи в воспроизводстве коммуникативных оснований сплочённости, задают более значимые и резкие границы дифференциации между разделяющими и не разделяющими их в гендерных группах. Отчётливо как «мужские» регуляторы воспроизводства коммуникативных компетенций выделились ментальная черта «честь и достоинство» и современная – «рационализм». В качестве относительно универсальных регуляторов проявились такие ментальные черты, как «любовь к ближнему», «любовь к отечеству», «милосердие, проявляющееся в готовности помогать другим», и такие современные черты, как «стремление к защите прав человека» и «жалостливость, выражающаяся в стремлении продемонстрировать своё сочувствие».

При том, что все измеренные коммуникативные компетенции в гендерных группах проявляются от 73–80 до 97–98%, архетипы и черты национального характера в большей мере воспроизводят в молодёжной среде коммуникативные основания сплочённости, чем компетенции защиты интересов индивида.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горшков М. К., Тюрина И. О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 4. С. 720–739. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739). EDN [FQZJXO](https://www.edn.ru/FQZJXO).
2. Молодёжь в городе: культуры, сцены и солидарности : коллект. моногр. / Е. Омельченко, С. Поляков, Г. Сабирова [и др.] ; сост. и науч. ред. Е. Л. Омельченко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 502 с. ISBN 978-5-7598-2128-1. DOI [10.17323/978-5-7598-2128-1](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2128-1). EDN [EZXXQZ](https://www.edn.ru/EZXXQZ).
3. Юдина Е. Н., Алексеенко И. В. Солидарность в социальных сетях // Коммуникология. 2020. Т. 8, № 1. С. 114–127. DOI [10.21453/2311-3065-2020-8-1-114-127](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-1-114-127). EDN [VAYWIJ](https://www.edn.ru/VAYWIJ).

4. Юдина Е. Н. Формирование солидарных групп в сети Интернет // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2016. № 2. С. 101–108. EDN [WGWDMT](#).
5. Кучукян А. В. Феномен коммуникативной солидарности в молодёжных протестных сообществах // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 1/2. С. 122–128. DOI [10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-122-128](#). EDN [YHLVID](#).
6. Шилова В. А. Исследование коммуникативных аспектов сплочённости: теоретико-методологические основания и результаты поискового исследования // Научный результат. Социология и управление. 2017. Т. 3, № 4. С. 51–59. DOI [10.18413/2408-9338-2017-3-4-51-59](#). EDN [YWYLOH](#).
7. Ксенофонтова И. В. Интернет-солидарность: методологические основания подхода и практика изучения : автореф. дис. ...канд. социол. наук : 22.00.01 / Ксенофонтова Ирина Владимировна ; науч. рук. В. В. Семенова ; Институт социологии РАН. Москва, 2014. 24 с. EDN [ZPHCJV](#).
8. Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Динамика ценностей общения в коммуникативном пространстве молодёжи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 1 (61). С. 18–30. DOI [10.21685/2072-3016-2022-1-2](#). EDN [WMHQDW](#).
9. Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Общение в молодёжной среде: социокультурные особенности ожиданий // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8, № 2 (30). С. 178–189. DOI [10.18255/2412-6519-2022-2-178-189](#). EDN [JACVTE](#).
10. Гофман А. Б. Концептуальные подходы к анализу социального единства // Социологические исследования. 2015. № 11 (379). С. 29–36. EDN [VBZYRL](#).
11. Гофман А. Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты. М. : Новый хронограф, 2015. 496 с. ISBN 978-5-94881-293-9. EDN [UHEUGH](#).
12. Кармадонов О. А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. № 2 (370). С. 3–12. EDN [TNESWX](#).
13. Сорокин П. С., Попова Т. А. Классические и современные подходы к исследованию солидарности: проблемы и перспективы в условиях деструктуризации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 3. С. 457–468. DOI [10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468](#). EDN [YVLBHA](#).
14. Маннгейм К. Избранное: Социология культуры / К. Маннгейм ; пер. : Л. Ф. Вольфсон, А. В. Дранов. М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. 501 с. ISBN 5-323-00011-2.
15. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М. : Норма, 2014. 352 с. ISBN 978-5-91768-444-4. EDN [XRYSUR](#).
16. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг ; пер. с нем. А. Чечиной. М. : Изд-во АСТ, 2023. 224 с. ISBN 978-5-17-117179-7.
17. Мчедлова М. М. Менталитет // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. М. : Издательство «Республика», 2001. С. 190–193.
18. Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман ; пер. с англ. Е. Абаевой. М. : Изд-во АСТ, 2023. 448 с. ISBN 978-5-17-158467-2.
19. Бурдьё П. Структуры. Habitus. Практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. С. 16–31.
20. Блэ М. К. Солидарность // Социологические исследования. 2018. № 8 (412). С. 12–21. DOI [10.31857/S013216250000757-5](#). EDN [YCNEKT](#).
21. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: опыт исследования молодёжи. Москва : Издательство Мысль, 2007. 288 с. ISBN 978-5-244-01085-5. EDN [VJCPYE](#).

22. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц ; пер. с нем. и англ. В. Г. Николаев, С. В. Ромашко. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с. ISBN 5-8243-0513-7. EDN [QWHEJL](#).
23. Hymes D. H. On Communicative Competence // Sociolinguistics. Selected Readings / J. V. Pride and J. Holmes (eds.). Harmondsworth : Penguin, 1972. P. 269–293. URL: <http://wwwhomes.uni-bielefeld.de/sgramley/Hymes-1.pdf> (дата обращения: 12.12.2024).
24. Жуков Ю. М. Тренинг как метод совершенствования коммуникативной компетентности : автореф. дис. ...д-ра психол. наук : 19.00.05 / Жуков Юрий Михайлович ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Фак. психологии. Москва, 2003. 38 с. EDN [MAWCYK](#).
25. Воронина О. А. Гендерная культура в России: традиции и новации. М. : ИФ РАН, 2018. 111 с. ISBN 978-5 9540-0344-4. EDN [VVACAF](#).
26. Гендерная ментальность российской молодёжи: психологический портрет : монография / О. И. Ключко, М. А. Ерофеева, Е. В. Иоффе [и др.] ; под науч. ред. О. И. Ключко. СПб. : НИЦ АРТ, 2020. 230 с. ISBN 978-5-907260-69-6. DOI [10.51623/9785907260696_20_230](#). EDN [WMTAPN](#).
27. Селиверстова Н. А., Чанкова Е. В. Социокультурное воспроизводство коммуникативных компетенций в молодёжной среде // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 31–46. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-3](#). EDN [JAQKYX](#).
28. Гендерные различия по индивидуальным ценностям у представителей поколения миллениалов / И. Е. Ржанова, О. С. Алексеева, А. С. Альбов, Ю. А. Бурдукова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12, № 3. С. 249–264. DOI [10.21638/spbu16.2022.302](#). EDN [NIAGXF](#).

Сведения об авторах

Н. А. Селиверстова

доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
SPIN-код: [8134-7636](#)

А. А. Зайцева

кандидат социологических наук,
научный сотрудник
SPIN-код: [9569-9497](#)

Вклад авторов:

Н. А. Селиверстова – 70% (разработка общетеоретической и методологической основы исследования; анализ данных; написание текста статьи, редактирование статьи и участие в оформлении текста по требованиям журнала)

А. А. Зайцева – 30% (анализ данных в SPSS, их визуализация, участие в оформлении текста по требованиям журнала).

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 11.04.2025.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.2.6

SOCIOCULTURAL REPRODUCTION OF COMMUNICATIVE BASES OF COHESION IN YOUTH ENVIRONMENT: GENDER ASPECT

Nina Anatolievna Seliverstova¹
Anastasiya Andreevna Zaytseva²

^{1,2}Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

nas0311@ya.ru,

ORCID 0000-0001-9691-3020

nas89043419793@mail.ru,

ORCID 0000-0002-2923-0497

For citation: Seliverstova N. A., Zaytseva A. A. Sociocultural reproduction of communicative bases of cohesion in youth environment: gender aspect. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(2):114–141. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2025.13.2.6.

Abstract. The article presents the results of multidimensional analysis of sociocultural reproduction of cohesion by youth. On the basis of the concept of sociocultural mechanism of self-regulation archetypes and traits of national character are identified as regulators of reproduction. From the position of A. Schutz's phenomenological approach the communicative competences are defined as indicators of cohesion/disunity. The gender aspect is conditioned by empirical verification of sociocultural differences between young men and women. On the basis of three-dimensional data analysis using χ^2 statistics, the most significant regulators of reproduction of communicative bases of cohesion in gender groups were established: archetypes of generational continuity, goodness, idealization of the past and family harmony; mental traits: love of neighbor; mercy, willingness to help others, love for the fatherland; modern traits: the desire to defend human rights, pity, expressed in the desire to demonstrate sympathy. Archetypes in comparison with the traits of national character manifested as more complex regulators: some of them not only increase the indicators of cohesion, but also reduce the signs of disunity. In these cases, the connection between the meaning of the archetype, its main idea and the meaning of communicative competence is determined. This semantic connection is more peculiar to women than to men. The traits of national character, forming one type of in the reproduction of cohesion, set more significant and sharp boundaries of differentiation between those who share and those who do not share them in gender groups. The mental trait "honor and dignity" and the modern trait "rationalism" stood out as "male" regulators of reproduction of communicative competences. Archetypes and traits of national character reproduce to a greater extent in the youth environment communicative bases of cohesion than competences of protection of individual's interests.

Keywords: youth, socio-cultural reproduction, cohesion, disunity, communicative competences, gender

REFERENCES

1. Gorshkov M. K., Tyurina I. O. Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: social-historical and value contexts. *RUDN Journal of Sociology=Vestnik*

- Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya.* 2023;(4):720–739. (In Russ.) DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-4-720739](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-4-720739).
2. Youth in the city: culture, scenes and solidarity: collection. monogr. Comp. and scientific ed. by E. L. Omelchenko; National research. University of Higher School of Economics. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki; 2020. 502 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7598-2128-1. DOI [10.17323/978-5-7598-2128-1](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2128-1).
 3. Yudina E. N., Alekseenko I. V. Characteristics of solidarity on social networks. *Communicology=Kommunikologiya.* 2020;8(1):114–127. (In Russ.) DOI [10.21453/2311-3065-2020-8-1-114-127](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-1-114-127).
 4. Yudina E. N. Formation of solidarity groups on the Internet. *Locus: people, society, culture, meanings=Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tura, smysly.* 2016;(2):101–108. (In Russ.).
 5. Kuchukyan A. V. Communicative phenomenon of solidarity in the youth protest communities. *Historical and social-educational ideas=Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mys'l'.* 2017;9(1/2):122–128. (In Russ.). DOI [10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-122-128](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-122-128).
 6. Shilova V. A. Research of communicative aspects of cohesion: theoretical and methodological foundations and the results of the basic research. *Research result. Sociology and management=Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie.* 2017;3(4):51–59. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2017-3-4-51-59](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2017-3-4-51-59).
 7. Ksenofontova I. V. Internet solidarity: methodological foundations of the approach and practice of studying: specialty 22.00.01 “Theory, methodology and history of sociology”: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences. Moscow, 2014. 24 p. (In Russ.).
 8. Zubok Yu. A., Chankova E. V. The dynamics of communication values in the communicative space of youth. *University proceedings. Volga region. Social sciences=Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki.* 2022;(1):18–30. (In Russ.). DOI [10.21685/2072-3016-2022-1-2](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-1-2).
 9. Zubok Yu. A., Chankova E. V. Youth communication: sociocultural features expectations. *Social and humanitarian knowledge=Social'nye i gumanitarnye znanija.* 2022;8(2):178–189. (In Russ.). DOI [10.18255/2412-6519-2022-2-178-189](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-178-189).
 10. Gofman A. B. Conceptual Approaches to Analysis of Social Unity. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2015;(11):29–36. (In Russ.).
 11. Goffman A. B. Tradition, solidarity and sociological theory. Selected texts. Moscow: Novy chronograf; 2015. 496 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94881-293-9.
 12. Karmadonov O. A. Solidarity, Integration, conjunction. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2015;(2):3–12 (In Russ.).
 13. Sorokin P. S., Popova T. A. Classical and modern approaches to the study of solidarity: problems and prospects in the context of destruction. *RUDN Journal of Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya.* 2021;21(3):457–468. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468).
 14. Mannheim K. Selected works: Sociology of Culture. [Izbrannoe: Sociologiya kul'tury]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga; 2000. 501 p. ISBN 5-323-00011-2.
 15. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. Attitude to social reality in Russian society: a socio-cultural mechanism of formation and reproduction. Moscow: Norma; 2014. 352 p. (In Russ.).
 16. Jung K. G. Archetypes and the collective unconscious/translated from German by A. Chechina. Moscow: Izd-vo AST; 2023. 224 p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-117179-7.
 17. Mchedlova M. M. Mentality [Mentalitet]. In: Russian civilization: ethnocultural and spiritual aspects: An Encyclopedic Dictionary. Moscow: Izdatel'stvo “Respublika”; 2001. P. 190–193. (In Russ.).

18. Lippman W. Public opinion. Translated from English by E. Abayeva. Moscow: Izd-vo AST; 2023. 448 p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-158467-2.
19. Bourdieu P. Structures. Habitus. Practices [Struktury`. Habitus. Praktiki]. In: Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo un-ta; 1995. P. 16–31.
20. Blais M. C. Solidarity. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018;(8):12–21. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250000757-5](https://doi.org/10.31857/S013216250000757-5).
21. Zubok Yu. A. The phenomenon of risk in sociology: The experience of youth research [Fenomen riska v sociologii: opyt issledovaniya molodyozhi]. Moscow: Izdatel'stvo Mysl'; 2007. 288 p. (In Russ.). ISBN 978-5-244-01085-5.
22. Schutz A. Favorites: A world glowing with meaning [Izbrannoe: Mir, svetyashhijsya smyslom]. Translated from German. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2004. 1056 p. (In Russ.). ISBN 5-8243-0513-7.
23. Hymes D. H. On Communicative Competence In: J. B. Pride and J. Holmes (eds) Sociolinguistics. Selected Readings. Harmondsworth: Penguin; 1972. P. 269–293. Available at: <http://www.homes.uni-bielefeld.de/sgramley/Hymes-1.pdf> (accessed: 12.12.2024).
24. Zhukov Yu. M. Training as a method of improving communicative competence [Trening kak metod sovershenstvovaniya kommunikativnoj kompetentnosti]: abstract of the dissertation of doctors of Psychological Sciences: 19.00.05. Moscow State University named after M. V. Lomonosov. Faculty of psychology. Moscow, 2003. 38 p. (In Russ.).
25. Voronina O. A. Gender culture in Russia: traditions and innovations. Moscow: IF RAN; 2018. 111 p. (In Russ.). ISBN 978-5 9540-0344-4.
26. Klyuchko O. I. [et al]. Gender of the youth of the Russian mentality: a psychological portrait: monograph. St. Petersburg: NIC ART; 2020. 230 p. (In Russ.). ISBN 978-5-907260-69-6. DOI [10.51623/9785907260696_20_230](https://doi.org/10.51623/9785907260696_20_230).
27. Seliverstova N. A., Chankova E. V. Socio-cultural reproduction of communicative competencies in young people. *Research result. Sociology and management=Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*. 2022;8(3):31–46. (In Russ.) DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-3).
28. Rzhanova I. E., Alekseeva O. S., Albov A. S., Burdukova Yu. A. Gender differences in values among representatives of the millennial generation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology=Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya*. 2022;12(3):249–264. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu16.2022.302](https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.302).

Information about the Authors

N. A. Seliverstova

Doctor of Sociology, Professor

Main Researcher

ResearcherID: [AHC-6981-2022](https://orcid.org/0009-0001-9202-9202)

Scopus AuthorID: [56728740000](https://orcid.org/0009-0001-9202-9202)

A. A. Zaytseva

Candidate of Sociology

Researcher

ResearcherID: [AAC-9454-2022](https://orcid.org/0009-0001-9202-9202)

Scopus AuthorID: [57195350584](https://orcid.org/0009-0001-9202-9202)

Contribution of the authors:

N. A. Seliverstova – 70% (development of the general theoretical and methodological basis of the study; data analysis; writing the text and editing according to the journal requirements);

A. A. Zaytseva – 30% (data analysis in SPSS, data visualization, participation in the design of the text according to the journal requirements).

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 21.03.2025; approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 11.04.2025.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сетевой научный журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-85089 от 31 марта 2023 года
ISSN 2413-6891

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор – *Горшков М. К.*

Заместитель главного редактора-ответственный секретарь – *Мозговая А. В.*

Заместитель главного редактора – *Кравченко С. А.*

Заведующая редакцией – *Зорина А. Е.*

Научные редакторы:

Зеленская О. Ю., Камышан В. В., Савоськина А. П.

Технический редактор: *Ломантёрова С. И.*

Оригинал-макет; вёрстка: *Щербов М. Ю.*

Журнал «Социологическая наука и социальная практика» включен в базу РИНЦ,

перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Электронная почта редакции: mozgovai@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57. Факс редакции: 8 495 719-07-40

Официальный сайт журнала: <https://www.socnp.ru>

2025. Том 13, № 2. Дата выхода в свет 30.06.2025.

 № 2, 2025
ТОМ 13

ISSN 2413-6891

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

Москва, 117218, ул. Кржижановского,
д. 24/35, к. 5, e-mail: snsp@isras.ru
тел. 8 499 125-00-79
<http://www.socnp.ru>